

С. 952
Б43

ISSN 0321-0359

10/16

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1/2001

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Карчевский К.А.</i> Материальное обеспечение партизан Беларуси: состояние и проблемы (1941–1944 гг.)	3
<i>Темушев С.Н.</i> Княжеская власть и полюдье	9
<i>Ленцевич О.М.</i> Некоторые аспекты правового положения женщины в Римской империи	15
<i>Меньковский В.И.</i> Тоталитарная модель в англо-американской советологии	21

ФІЛАСОФІЯ

<i>Зеленкова И.А.</i> Деконструктивизм Жака Деррида как возможный проект аутентичной методологии современных дискурсивных практик	26
<i>Янчук Е.И.</i> Гендерная проекция в курсе "Философия"	30
<i>Астапова Ю.Н.</i> Кризис внешнего христианства: стратегии чтения религиозного текста	35

ПАЛІТАЛОГІЯ

<i>Матыс Е.А.</i> Законодательная власть как объект исследования	40
<i>Фрольцов В.В.</i> Региональные противоречия в процессе определения стратегии внешней политики ФРГ в начале 90-х гг.	46

САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Качина Е.А.</i> Социолого-статистическая информация в системе социального мониторинга: понятие и структура	52
---	----

ЭКАНОМІКА

<i>Добрянский К.В.</i> Экспорт высоких технологий и интеллектуального продукта как инструмент прогресса для Республики Беларусь в новом веке	56
<i>Левкович Т.Э.</i> Совершенствование отраслевой структуры экономики: теория и практика	59
<i>Костина Т.А.</i> Необходимость государственного регулирования конкурентных отношений	64
<i>Скирко Н.И.</i> Скрытая безработица как следствие нерыночности поведения экономических субъектов	69
<i>Раковец А.А.</i> Республика Беларусь в системе мирового экспортного рынка	74
<i>Кувшинов В.В.</i> Предпринимательство и его место в рыночной экономике	80

ПРАВА

<i>Мах И.И.</i> К вопросу о законности	83
<i>Верховодко И.И.</i> Применение исковой формы защиты права по делам о признании недействительными ненормативных актов государственных и иных органов	87
<i>Хомич К.В.</i> Классификация мер административно-правового принуждения в сфере налогообложения	92
<i>Жарский А.В.</i> Особенности регулирования извещения о поставке несоответствующего товара на основе Венской конвенции 1980 г.	98
<i>Савченко М.И.</i> Морские рыболовные права Республики Беларусь	103

РЭЦЭНЗІІ

<i>Емельяныч У.П.</i> У.А. Сосна. Фарміраванне саслоўнага складу сялянства Беларусі ў канцы XIX ст.	109
<i>Браим И.Н.</i> А.П. Мельников. Местное самоуправление	110
<i>Тиковенко А.Г.</i> А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. Общая теория государства и права	110
<i>Лейзеров А.Т.</i> С.А. Балашенко. Государственное управление в области охраны окружающей среды	112

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Іосіф Аляксандравіч Юхо</i>	113
<i>Леонид Николаевич Давыденко</i>	114
Паказальнік артыкулаў, апублікаваных у 2000 г.	115

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
Адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1/2001

САКАВІК

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖ-
УНІВЕРСІТЭТА

МІНСК
БДУ

Галоуны рэдактар В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А.А. ЯНОУСКІ (адказны рэдактар),
С.А. БАЛАШЭНКА, В.М. ГАДУНОУ, А.М. ДАНИЛАУ, А.І. ЗЕЛЯНКОУ
(нам. адказнага рэдактара), М.М. КАВАЛЁУ (нам. адказнага
рэдактара), Ю.Л. КАЗАКОУ (адказны сакратар), У.Л. КЛЮНЯ,
С.В. РАШЭТНІКАУ, А.С. СЛЯПОВІЧ, І.А. ФУРМАНАУ, С.М. ХОДЗІН,
У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА

Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Рэгістрацыйны № 805

ВЕСНІК БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАўНАГА УНІВЕРСІТЭТА

Серыя 3, № 1. 2001

Адрас рэдакцыі: 220080. Мінск. вул. Бабруйская 7, каб. 412, 413. тэл. 209-54-00

unibel.by

ФБ/М

ГНУ.
33 141

2001

Гісторыя

К.А. КАРЧЕВСКИЙ

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПАРТИЗАН БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ (1941–1944 гг.)

В последнее время появилась возможность проанализировать малоизвестные аспекты периода Второй мировой войны и, в частности, партизанского движения. Проблема материального обеспечения белорусских партизан – одна из важнейших, так как в условиях тыла хозяйственная деятельность отрядов имела не меньшее значение, чем боевая.

Данные о проведении партизанами хозяйственных операций в основном можно найти в фондах отдельных партизанских бригад и отрядов. Эти документы состоят из планов и дневников хозяйственной деятельности с указанием количества заготовленного продовольствия и одежды. Таких материалов довольно много и, к сожалению, они еще не все проанализированы в достаточной степени.

В основном проблема материального обеспечения населением партизан заключалась в том, что люди жили в деревнях, не только контролируемых партизанами, но и там, где стояли немецкие гарнизоны, что значительно усложняло задачи по обеспечению продовольствием и одеждой. Трудности возникали и в связи с частой сменой места расположения отрядов – сказывалась удаленность от своих продовольственных баз. Так, например, партизанская бригада Марченко в Витебской области свои хозяйственные операции проводила с учетом значительной части боевого состава бригады у гарнизонов противника близ деревни Идрица¹. Но, даже несмотря на такие меры, обеспеченность отрядов продуктами питания была недостаточная. По подсчетам автора, среднестатистический паек в среднем по Белоруссии во время войны на одного бойца-партизана в день состоял из таких продуктов, как хлеб – 200–300 г, мясо – 200 г, картофель – 2 кг, молоко – 0,5 л.

Продукты питания и одежду крестьяне сдавали в основном добровольно по норме, заранее установленной командованием той или иной бригады. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны в отделе фондов находятся уникальные документы, свидетельствующие о продовольственных поставках местного населения партизанам, – расписки в сдаче и получении продуктов, одежды. Так, жители деревни Староселье Вилейской области в 1943 г. сдали в бригаду им. Рокоссовского около 50 т зерновых культур². Однако в отдельных белорусских и литовских деревнях Гродненщины население старалось ничего не давать партизанам, а в отдельных случаях при первом их появлении поднимало тревогу³. В результате выезды в более отдаленные деревни по хозяйственным нуждам превращались в настоящие боевые операции и проводились иногда в составе целой роты, а чаще взводами и отделениями и обеспечивались политработниками для проведения разъяснительной работы. При этом повсе-

дневная связь с населением давала возможность заготовить необходимое количество продуктов и установить рацион питания, которого в основном придерживались.

Руководство бригад и отрядов, а также обкомы и райкомы партии принимали самое непосредственное участие в организации помощи местному населению. В отдельных населенных пунктах создавались фонды товарищеской помощи, которые состояли как из представителей партизанских отрядов, так и местного населения. В постановлении Кличевского РК КП(б)Б и исполкома райсовета депутатов трудящихся от 23.04.1942 г. отмечается, что "в целях оказания помощи семьям красноармейцев и красных партизан, семьям, пострадавшим от немецкого террора, необходимо создать при местных органах Советской власти фонды товарищеской помощи. Для создания таких фондов провести сбор хлеба и картофеля у крестьян, колхозников и единоличников. Нормы сбора устанавливаются в каждом населенном пункте отдельно комиссиями, которые создаются из населения и представителей местных органов Советской власти"⁴.

В некоторых случаях, например, в Сенненском районе Вилейской области при штабах бригад и отрядов создавались единые комендантские взводы для проведения продовольственных заготовок, сбора одежды у населения; командиры этих взводов должны были иметь при себе соответствующие документы, подписанные представителями райкомов и обкомов, разрешающие проводить хозяйственные операции. Также заводилась учетная документация о приеме продовольствия во избежание фальсификаций и недочетов при создании продовольственных баз; самим крестьянам выдавались справки и квитанции; между населением и партизанами заключались акты и хоздоговора, которые позволяли систематизировать сбор продуктов и одежды у местных жителей. Небольшое количество продовольствия взималось с зажиточных крестьян в оккупированных населенных пунктах в качестве госпоставок. В ряде случаев для полного ознакомления с районом своей дислокации и местными жителями, а также для равномерного получения продуктов питания у последних командирам отрядов за короткий период необходимо было через своих комендантов предоставлять списки местных жителей по определенной форме и руководствоваться ей, особенно при изъятии излишков продуктов и фуража. Списки эти хранились как совершенно секретные документы. Приведем пример такой формы:

Фамилия, инициалы хозяина	Количество человек в семье	Занятия при Советской власти	Занятия в настоящее время	Особые услуги, оказанные партизанам	Особые услуги, оказанные немцам	Наличие скота (лошадей, коров, свиней, овец)	Примечания

Важно отметить, что в ряде случаев при недостатке продуктов питания отряды производили дополнительный сбор среди местного населения на добровольной основе, встречая доброжелательное отношение населения. Так, например, партизанский отряд «Большевик» бригады им. Суворова, действовавший в Плисском районе Вилейской области, пришел на место дислокации позднее и не обеспечил себя продуктами за счет плановых поставок. В течение двух месяцев весь личный состав отряда жил и питался за счет населения из расчета по 2–3 партизана на двор, в свою очередь партизаны помогали населению в сельскохозяйственных работах⁵. На такой добровольной основе сдачи продуктов партизанский отряд существовал и действовал до сбора нового урожая, после чего организовывали плановые поставки хлеба и других продуктов с помощью деревенских старост. Однако обращает на себя внимание тот факт, что порой такое отношение населения к партизанам граничило с явными негативными действиями последних по отношению к местным жителям. Так, командир этого отряда Придани-

ков вместо того, чтобы не допускать среди партизан своего отряда мародерства и хулиганства, сам стал на путь поощрения отдельных партизан. За попустительство и непринятие своевременных мер к партизанам отряда, которые своими действиями дискредитировали и подрывали партизанское движение, командиру отряда "Большевик" был объявлен строгий выговор с предупреждением, при повторении аналогичного принимались соответствующие меры по закону военного времени⁶.

Плановые же поставки проводились в полном согласовании с командованием отрядов и бригад, в которые входили, например, следующие продукты: молоко – 100 л или масло – 4 кг в сезон, мясные продукты – 20 кг с каждого хозяйства, бельевого материал с каждого хозяйства – 2 м, одна овчина, 100 г шерсти с каждой овцы (по данным на 1943 г.).

Необходимо заметить, что в первые месяцы войны подавляющее большинство населения на оккупированной территории Белоруссии оказалось в состоянии подавленности и растерянности. Население в деревнях и селах, которое в большинстве своем было малограмотным и практически не было осведомлено о положении на фронтах, можно разделить на следующие категории:

а) неустойчивый и неопределившийся элемент, стоящий вне политики. Такие говорили: «Мне хоть бы какая власть, только бы жить не мешали, землю, коров не забирали, сыновей не призывали, нас, стариков, не терзали...»;

б) служащие советских партийных учреждений, депутаты советов, колхозный актив;

в) рабочие, интеллигенция, семьи военнослужащих Красной Армии;

г) беженцы восточных районов, окруженцы, приписники, военнопленные, евреи;

д) ставленники немцев: семьи полицейских, бургомистров, репрессированных Советской властью в 1939–1940 гг., осадников, которые через своих родственников и знакомых старались очернить партизан, называя их сталинскими бандитами, большевистскими бунтовщиками, которые якобы мешают мирной жизни⁷.

Тем более сказалось отсутствие какой-либо предупредительной пропагандистской работы среди населения. Поэтому поначалу связь с местным населением завязывалась с большой осторожностью и с соблюдением конспирации, что было необходимо для создания безопасности как себе, так и лицам, с которыми устанавливалась связь. Первое время местное население, которое проживало вблизи расположения немецких гарнизонов, пряталось при появлении партизан. Далее такая тенденция пошла на убыль. Отношение населения к партизанам впоследствии проверялось на многочисленных собраниях, беседах, проводимых партизанскими агитаторами в деревнях.

В большинстве своем архивные документы свидетельствуют об оказании крестьянами посильной материальной помощи партизанам, хотя на протяжении всего периода оккупации экономическое состояние населения было тяжелое. В отчете командования военно-оперативной группы при Бельничском подпольном райкоме КП(б)Б говорится, что спрятанный от немцев хлеб в большинстве пропал, пророс и не годится ни для посевов, ни для питания; нет рабочего скота, посевную проводить нечем⁸. С января 1944 г. скот имелся только в немецких гарнизонах, ощущался острый недостаток соли. Такие случаи не единичны.

На протяжении всего периода оккупации проявлялись также негативные действия партизан по отношению к мирному населению, в основном во время проведения заготовок продовольствия. Во многом на отношение населения к партизанам влиял фактор мародерства и избиения крестьян партизанами в целях личной наживы последних. Неоднократные жалобы ко-

мандования бригад и отрядов в обкомы партии свидетельствуют о значительном росте фактов хулиганства, незаконных обысков у населения, которые в корне изменяли характер взаимоотношений между партизанами и населением.

Много случаев нарушения правил ведения продовольственных заготовок у населения, как-то: сбор продовольствия партизанами нескольких отрядов и даже бригад одновременно приводили к тому, что население называло партизан «злодеями», «грабителями, которые хуже немцев». Так, население деревень, которые были закреплены за бригадой Марченко в Витебской области, не оказывало никакой продовольственной помощи при переходе в данный район дислокации по причине нахождения там бригады Трубникова, которая уже имела свою продовольственную базу в этом районе. Кроме того, командование бригады Трубникова среди своего личного состава и мирного населения распространяло слухи о трусости и мародерстве партизан бригады Марченко. Однако партизаны этой бригады своими боевыми успехами завоевали доверие местного населения.

Факты мародерства имели место и в тех случаях, когда партизаны своевременно не подготавливались к зиме, и как следствие – они забирали одежду и продукты у местного населения без какого-либо на то разрешения командования.

Руководство партизанским движением учитывало такие факты и ставило конкретные задачи перед командирами и комиссарами отрядов по своевременной материальной обеспеченности, для чего рекомендовалось организовывать сбор и выработку всех видов кож, а также пошив, ремонт зимней одежды и обуви; практиковать организованный сбор среди населения холста, рукавиц, носков, а также изготовление валенок; в период уборки урожая своевременно организовывать заготовку зерна¹⁰. При этом надо заметить, что проведение изложенных мероприятий проходило при широкой агитмассовой работе среди населения, что позволяло мобилизовать его на всемерную помощь. В отдельных населенных пунктах через старост, которые являлись представителями командования отрядов, давалось задание о зимней помощи партизанам, как-то: вязание фуфаяк, носков, перчаток, варежек, шарфов, плетение лаптей, пошив белья. Так, в ноябре 1943 г. после проведенной агитатором Гридиным беседы население сдало партизанской бригаде им. Суворова, действовавшей в Плисском районе Вилейской области, 8 теплых пиджаков, 18 рубашек, 14 пар брюк, 6 кг шерсти, 28 пар носков, 18 пар перчаток, 18 метров полотна¹¹.

Иногда, как отмечали райкомы КП(б)Б, в районах оставалось ограниченное количество скота, которое было не в состоянии покрыть потребности личного состава партизанских отрядов. Такое положение ставило под угрозу отряды, ведь они в ближайшее время могли остаться без мясных и молочных продуктов, что в свою очередь могло привести к недовольству местного населения. Так, отдельные партизанские отряды изъясали поголовно весь скот в ряде деревень Березинского района, чем вызвали большое недовольство населения. 208 партизанский полк в конце октября – начале ноября 1943 г. забрал весь скот в деревнях Приборки, Заватицы, причем, так как эти деревни не входили в зону действий 208 полка, коровы были взяты в основном ночью¹².

Имели место даже факты жалоб населения немецким властям на незаконные действия партизан. Так, население Клецкого района было крайне возмущено поведением партизан бригады им. Фрунзе, и с каждым днем возрастало противоречие между населением и партизанами. Партизаны брали у населения в основном крупный рогатый скот, хлеб, домашнюю утварь, совершенно бесполезную для самих партизан. От населения Клецкого района поступило много жалоб немецким властям (!) по поводу забранных партизанами последних коров. В ответ немцы обещали взять крестьян под свою защиту¹³.

Во избежание инцидентов подобного рода руководители партизанского движения поднимали вопросы о необходимости соблюдения границ при проведении хозяйственных операций несколькими бригадами в одном районе. Также указывалось, что всякое незаконное изъятие имущества и проведение самовольных обысков у гражданского населения со стороны партизан без разрешения комбрига или комиссара бригады является явным преступлением, за которое виновные должны нести самое строгое наказание¹⁴.

Автором были найдены два интересных документа, подписанные уполномоченным Центрального штаба партизанского движения (в дальнейшем – ЦШПД) по Барановичской области генерал-майором Платоном (псевдоним секретаря Барановичского подпольного обкома КП(б)Б В.Е. Чернышева) в январе 1944 г. Первый из них – «Временное наставление комендантам населенных пунктов зоны партизанской деятельности», в котором идет речь о правах и обязанностях коменданта, в том числе и при проведении партизанами хозяйственных заготовок. Согласно этому документу заготовка продовольствия партизанскими отрядами, использование транспорта, принадлежавшего крестьянам, происходили исключительно по указанию коменданта, деятельность которого контролировалась командованием отрядов и бригад¹⁵.

Второй документ – "Закрытое письмо секретарям подпольных райкомов КП(б)Б, командирам и комиссарам партизанских бригад и отрядов по Барановичской области", в котором подчеркивается большая работа, проведенная партийными организациями и командованием бригад и отрядов по изжитию фактов мародерства и пьянства. Но при этом проверкой было установлено, что в отдельных партизанских отрядах и бригадах выезд на хозяйственные операции мелких групп сопровождается бесцельной пьянкой и грубым отношением к населению; некоторые командиры и комиссары, забыв, что они являются представителями Советской власти в тылу врага, вместо решительной борьбы с разложившимися элементами специально этого не замечают¹⁶.

Исходя из вышеизложенного, командиры и комиссары партизанских бригад и отрядов и райкомы обязаны были отчитываться два раза в месяц перед обкомом КП(б)Б о проделанной в этом отношении работе спецдонесениями. Для каждой бригады рекомендовалось определить зоны (с подробным перечислением сел и деревень), которые закреплялись для заготовок продовольствия. При этом по каждому району, исходя из экономики и других особенностей района, руководители райкомов должны были придерживаться установленных норм продовольственных поставок крестьянами. Рекомендовалось в зависимости от местных условий устанавливать нормы поставок мяса, хлеба и других продуктов для партизан с каждого хозяйства или деревни и не допускать неорганизованного изъятия продуктов. Учитывая, что крестьяне охотно помогли бы партизанам, введение такого порядка дало в дальнейшем возможность быстро заготавливать продукты и не допускать фактов мародерства и бесцельного нахождения групп партизан в деревнях.

Указанным письмом запрещалось посылать на хозяйственные операции мелкие группы, нужно было, как правило, посылать не менее взвода во главе с командиром, политруком, который нес бы полную ответственность за действия своего подразделения. «Советский народ окружает заботой и вниманием народных мстителей, – говорится в документе, – считая их своими ближайшими друзьями и защитниками. Этой народной поддержкой и любовью мы должны гордиться и дорожить, ибо в этом источник нашей силы»¹⁷.

Большое количество документов свидетельствует о распространении фактов мародерства на территории всей Белоруссии в разных областях в

разной степени. В основном хозяйственные операции проводились в дневное время. Это говорит о том, что личный состав отрядов большую половину дня проводил в деревнях без необходимости, чем выдавал себя и месторасположение партизанских лагерей.

Факты свидетельствуют, что не только рядовые партизаны, но подчас и их командиры занимались мародерством, грабежом и избиением мирного населения, иногда выступая, по их словам, «от имени и по приказанию Платона», и это несмотря на тот факт, что мирные жители сами являлись инициаторами так называемых «подарков» в виде продуктов питания и одежды. В Национальном архиве Республики Беларусь можно встретить отдельные документы, состоящие из писем крестьян партизанам, утверждающих о всемерной помощи последним. Особенно приветствовались населением партизаны, которые читали новости с фронта. Когда партизаны шли на хозяйственную операцию, они знали, что с собой нужно захватить сводку Совинформбюро. В этом случае население реагировало на дополнительный сбор продовольствия и одежды более лояльно. На протяжении периода оккупации крестьянство узнавало об истинном положении вещей на фронте именно из сводок, зачитываемых на политсобраниях.

Со стороны подавляющего большинства населения, за исключением небольшого числа старост отдельных деревень и полицейских, партизан везде принимали радушно. Не подлежит никакому учету продовольственная помощь партизанам от местных жителей. Доказательством может служить, например, организованный сбор картофеля, овощей, молока в деревнях Пашки, Заозерье, Туржец Витебской области Ветренского района для партизан бригады им. Ворошилова летом 1942 г.; население, проживавшее в зоне деятельности бригады им. Сталина Минской области, за 1943 г. сдало в бригаду 352 т зерновых культур¹⁸. Нужно учитывать и то обстоятельство, что в начальный период войны еще не вся оккупированная территория находилась под полным контролем партизан. Как правило, партизанский отряд в зависимости от численности закреплялся за одним или несколькими населенными пунктами, жители которых считали его своим. Надо сказать, что успехи партизан напрямую зависели от различных форм содействия, оказываемого им местным населением.

Несмотря на имевшие место отрицательные моменты во взаимоотношениях партизан с населением, последнее понимало всю важность партизанского движения и на многочисленных собраниях, проводимых в населенных пунктах партизанскими агитаторами, выражало полную поддержку народным мстителям, давая обещания «бороться до победного конца» и подтверждая свои слова на деле.

¹ См.: НА РБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 24. Л. 256.

² См.: БГМИВОВ. Инв. № 38080.

³ БГМИВОВ. Инв. № 2838.

⁴ НА РБ. Ф. 4164. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁵ См.: НА РБ. Ф. 3782. Оп. 1. Д. 12. Лл. 142–142 об.

⁶ См.: НА РБ. Ф. 3619. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

⁷ См.: НА РБ. Ф. 3782. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

⁸ См.: НА РБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 118. Лл. 142–148.

⁹ См.: НА РБ. Ф. 3782. Оп. 1. Д. 12. Л. 145.

¹⁰ См.: НА РБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 484. Лл. 214–217 об.

¹¹ См.: НА РБ. Ф. 4164. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

¹² См.: НА РБ. Ф. 4161. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

¹³ См.: НА РБ. Ф. 3626. Оп. 1. Д. 27. Л. 42.

¹⁴ См.: НА РБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 484. Л. 38.

¹⁵ См.: НА РБ. Ф. 3620. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

¹⁶ См.: НА РБ. Ф. 3619. Оп. 1. Д. 1. Лл. 40–41.

¹⁷ НА РБ. Там же.

¹⁸ НА РБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 27. Лл. 44–45.

Карчевский Константин Алексеевич – аспирант. Научный руководитель – доктор исторических наук В.К. Коршук.

КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛЮДЬЕ

Уже давно было обращено внимание исследователей на существование в ранней истории восточнославянского региона такого явления, как полюдь. В последнее время найдены многочисленные аналогии в функционировании этого института в самых разных регионах мира¹, однако нет ни одного исторического ареала, где бы рассматриваемое явление выразилось так ярко, как в Восточной Европе. Полюдь во всех без исключения источниках, упоминающих это понятие, связывается с функционированием княжеской власти.

Подтверждением тесной связи княжеской власти и рассматриваемого института служит информация, содержащаяся в 9-й главе сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей». Невозможно найти более ценного источника для характеристики данного понятия, чем сообщение византийского императора. В его сочинении достаточно подробно рассматриваются сам ход полюдя («кружения») и реализация собранных благ².

Значительно уступают по информативности сообщения древнерусских письменных памятников. По ним невозможно составить какую-либо конкретную картину функционирования института полюдя. Более того, сам термин «полюдь» мы обнаруживаем только применительно к XII в. В летописи под 1190 г. читаем, что князь Всеволод Юрьевич «сущу... в Ростове в полюдьи»³, а в грамоте Мстислава Владимировича 1130 г. говорится об «осеннем полюдьи»⁴. Грамота же Ростислава Смоленского под 1136 г. упоминает о собиравшейся в двух пунктах (Лучин и Копысь) подати, называемой «полюдьем»⁵. В упомянутых источниках полюдь выступает уже в принципиально ином качестве, лишь генетически связанном с полюдьем Константина Багрянородного. Что же касается отражения функционирования полюдя в древнерусских материалах, современных византийским источникам, то можно отметить сообщение «Повести временных лет» об обстоятельствах гибели князя Игоря Старого и мероприятиях княгини Ольги⁶. Однако эта информация вызывает неоднозначные толкования в историографии.

Сохранившиеся известия восточных авторов содержат данные о функционировании полюдя на несколько десятилетий ранее приводимых в русской летописи (гибель Игоря в ходе сбора дани (?)) и у Константина Багрянородного. Наиболее раннее свидетельство, связываемое с этим понятием, встречается в сочинении Ибн Руста «Ал-А'лак ан-нафиса» (начало X в.)⁸. Сообщение другого арабского автора Гардизи (начало XI в.) более конкретно⁹. И первый, и второй авторы относят полюдь непосредственно к деятельности главы русов («царя»). Можно также отметить, что термин «полюдь» (*polutasvarf*) встречается и в скандинавских сагах, однако очень трудно определить его значение в контексте повествования источника¹⁰.

Таким образом, источники различного происхождения показывают функционирование полюдя в различных временных срезах, что позволяет наметить его эволюцию. Хронологически функционирование рассматриваемого явления освещают источники по следующей схеме: восточные документы – сообщение Константина Багрянородного – известия русской летописи (гибель Игоря) – грамоты древнерусских князей – поздние сообщения летописей. При этом необходимо помнить, что полюдь X в. вовсе не тождественно институту, называемому тем же термином, XII в., возможно (категорически судить об этом не позволяет недостаток информации), речь даже идет о разных институтах, лишь сохранивших одно название. Но в любом случае объект нашего исследования непременно связывается с личностью правителя.

Внимание исследователей к полюдью впервые было акцентировано в связи со спором норманистов и антинорманистов. Сторонники норманнской теории рассматривали личный сбор князем дани как один из институтов, созданных для собственных нужд варяжскими князьями. Резкой критике это мнение подверг С.М. Соловьев: «Обычай наших князей ходить на полюдь не есть норманнский, но необходим во всех новорожденных обществах...»¹¹. В дальнейших исследованиях истории древнерусской государственности полюдь выступало как способ взимания дани. Однако уже у М.А. Дьяконова заметна попытка выделить его как самостоятельный институт: «В числе прямых сборов, кроме даги, памятники упоминают еще о даре и полюдь. Оба эти вида сборов стоят отчасти в тесной связи. Полюдьем назывался объезд князем своей территории для выполнения правительственных функций, в частности для сбора доходов...»¹².

Наиболее обстоятельно рассмотрен интересующий нас институт в трудах Б.А. Рыбакова. В своей ранней работе ученый еще разделяет понятия «дань» и «полюдь»: «Далекий Новгород и земли данников – это внешняя Русь. Ко внутренней Руси нужно отнести те области вокруг Киева, где князь сам собирал полюдь»¹³. Но позднее Б.А. Рыбаков уже отождествляет эти институты¹⁴. Ученый впервые создает убедительную картину сбора и сбыта благ, собранных князем, намечает маршрут, и что самое главное, делает попытку показать эволюцию яркого явления древнерусской действительности. Исследователь реконструирует схему сбора полюдь-дани и отмечает, что его «следует представлять себе не как первичную форму сбора дани, а как итоговую фазу этого процесса, охватившего и местные племенные дружины»¹⁵. В целом же полюдь, по мнению Б.А. Рыбакова, «... первая, наиболее обнаженная форма господства и подчинения, осуществления права на землю, установления понятия подданства», и это «чисто славянский институт со славянской терминологией»¹⁶.

Широко используя сравнительно-исторический метод, В.И. Горемыкина связывает полюдь с дофеодальной формой экономического обеспечения правителей.

В последнее время И.Я. Фроянов призывает четко разделить понятия дани и полюдь: «По происхождению дань – явление внешнего порядка, тогда как полюдь – фактор внутренней жизни восточнославянского общества»¹⁹. По мысли исследователя, само анализируемое явление генетически связано с дарами, подношениями населения князю за выполнение им различных функций. «Полюдь возникало как общественно необходимый и общественно полезный институт, обеспечивающий нормальное функционирование власти правителя (вождя, князя), а следовательно, и социума в целом»²⁰. На его добровольности исследователь неоднократно настаивает и также утверждает о невозможности рассмотрения его как формы феодальной ренты²¹. Проследивая происхождение этого института, он указывает, что постепенно полюдь «приобретало значение специальной платы князю за труд по управлению обществом, обеспечению внутреннего и внешнего мира»²².

Между тем большинство ученых считают анализируемый институт «примитивной формой феодальной ренты» или «прообразом ренты-налога»²³. Отождествляются также понятия дани и полюдь. «В период становления раннефеодальных отношений, – пишет М.Б. Свердлов, – полюдь как форма сбора даров и даней вполне соответствовало начальной организации системы обложения. Оно было одним из видов эксплуатации свободного населения в раннеклассовом обществе и способствовало его дальнейшей имущественной и социальной дифференциации»²⁴. «Способом сбора дани, – отмечает А.А. Горский, – было “полюдь” – круговой объезд князем и его дружиной подвластных земель»²⁵. При этом исследователь связывает возникновение данного понятия с эволюцией дани: «Изменение характера дани, ее превращение в регулярную подать вызвало появление термина “по-

людые" (древнерусского, в отличие от термина "дань"), обозначавшего систему сбора дани – явление новое по отношению к родоплеменному строю»²⁶. Дополняет эту точку зрения мнение А.П. Новосельцева: «...полюдые ... включало в себя и сбор дани, и полугодовое существование князя (или другого знатного лица) за счет местного, подчиненного Киеву населения».

Представляется, что нельзя считать рассматриваемый институт неким прообразом феодальной ренты: зарождение и само функционирование этого явления происходило в дофеодальную эпоху. Возникавшее же на территории Восточной Европы государство воспользовалось для иных, более масштабных, целей институтом разлагавшегося родоплеменного общества. Зарождение феодальных отношений явилось как бы отрицанием этого явления прежней эпохи, и мероприятия княгини Ольги стали первыми шагами на пути утверждения новых отношений. Родоплеменное общество на последних стадиях своего развития вырабатывает княжескую власть, бок о бок с которой выступает полюдые, на начальном этапе носившее черты добровольности. Первоначальное полюдые – это добровольное вознаграждение персонифицированной верховной власти за выполнение определенных функций, жизненно важных для нормального функционирования общества. Невозможно согласиться с мнением И.Я. Фроянова о сохранении добровольного характера полюды в более поздний период. При этом данное явление конца IX–X вв., периода обоснования в Киеве «варяжской» династии, объединяющей восточнославянские земли, было, несомненно, данью. Своеобразием отличалась лишь форма сбора этой дани.

Начало полюды своими корнями уходит в тот период, когда разрозненные союзы племен начинали объединяться в значительные догосударственные образования («суперсоюзы-государства» по терминологии Б.А. Рыбакова²⁸), т. е. рубеж VIII–IX вв. При этом, несомненно, рассматриваемое явление напрямую связано со становлением института вождей, затем верховной княжеской власти. Вождь, выполнявший в интересах всего общества определенные функции, в полной мере вознаграждался добровольными дарами, подношениями, принимавшими вид платы за работу. По мере стабилизации положения вождя становились постоянными и подношения. Племенной вождь (называемый в славянском регионе князем), власть которого становится постоянной, использует дары, уже освященные традицией, для поддержания формирующегося вокруг него постоянного контингента профессиональных воинов. Представляется, что именно за счет этих подношений первоначально и формировался слой воинов, оторванных от непосредственного производства. Институт княжеской власти, появление которого было вызвано внутренними закономерностями и, несомненно, внешними обстоятельствами (враждебное окружение), первоначально, видимо, ограничивался военными функциями. Но не меньшее значение, чем отражение внешней опасности, имело урегулирование внутренних конфликтов (князь – военачальник, он же и судья) – эти две основные «заботы» князя и требовали вознаграждения.

С созданием суперсоюзов племен, т. е. с подчинением власти одного лица нескольких союзов племен, и появляется институт полюды. Суперсоюз, по Б.А. Рыбакову, включал несколько союзов племен (он подробно рассматривает вятичский союз²⁹), которые в свою очередь делились на первичные племена («неуловимые для нас»³⁰). Ведущий польский славист Х. Ловмянский считал, что все без исключения славяне имели двухступенчатую территориальную структуру, нижнюю ступень которой он называет малым племенем, а высшую – большим. Малые племена входили в состав больших, таких как поляне или северяне³¹. Итак, «большие племена», или «союзы племен», образовывали суперсоюзы, или союзы союзов племен: «...здесь самостоятельно, изнутри, рождались отношения господства и

подчинения, создавалась иерархия власти, установилась такая форма взимания дани, как полюдье, сопряженная с внешней торговлей, происходило накопление сокровищ»³².

На стадии союза племен существовала племенная знать, но при этом власть вождя-князя еще не была индивидуально преемственной, ее наследовали, видимо, определенные «уважаемые» (от «вага» – вес) роды³³. С созданием же суперсоюзов племен княжеская власть стремилась к полному обособлению и установлению наследования в своей семье. Древнейший летописный свод сохранил, вероятно, имена князей таких предгосударственных объединений – это Аскольд и Дир, а также Рюрик³⁴. Полюдье как «порождение родоплеменного общества» было органично вписано в новые условия социально-экономического развития. Уже ставший традиционным институт, сводящийся первоначально к приношению даров, подарков, был закреплён и развит в условиях общества, близкого к созданию государственной структуры. Довольно обширная территория, включающая этнически близкие и не только (вспомним, что Рюрика призвали «русь, чюдь, словени, и кривичи»³⁵) племена, потребовала переезда правителя для сбора даров. В правосознании тогдашнего общества личное присутствие при осуществлении дара, видимо, оказывалось чрезвычайно важным. Любопытно, что институт полюдья продолжает функционировать на первых этапах и в рамках Древнерусского государства.

Полюдье возникло «как общественно необходимый и общественно полезный институт, обеспечивающий нормальное функционирование власти правителя (вождя, князя), а следовательно, и социума в целом»³⁶. Обратим внимание на двоякую сущность дара (дарения), из которого и эволюционировал рассматриваемый институт. Представляется, что И.Я. Фроянов излишнее значение придает сакральной, религиозной сущности полюдья. Его глубинную суть необходимо искать не в религиозном, ритуально-магическом его значении, когда «священный царь, обходя свои владения, уже своим присутствием, а также жертвоприношениями, различными магическими действиями и молитвами богам ... сообщал плодородие земле, скоту и людям, вносил гармонию в общественное мироздание»³⁷, а в том двойном значении, которое вкладывал в понятие дара тогдашний человек. А.Я. Гуревич рассматривал восприятие дара в скандинавском раннефеодальном обществе, при этом он опирался на выводы, сделанных французским этнологом М. Моссом в его «Очерке о даре». Основное значение для нашего исследования имеет то обстоятельство, что в представлении человека родоплеменного общества «на дар ждут ответа». Дар ценен не сам по себе, а благодаря тем отношениям, в которые вступает даритель и одариваемый. «Надобно в дружбе верным быть другу, одарять за подарки», – читаем в «Старшей Эдде»³⁸. Даривший, безусловно, ждал возмещения дара, более того. «в случае если дарение не сопровождалось компенсацией, получивший его оказывался во власти давшего»³⁹. Как и жертвы богам, дар кому бы то ни было (в том числе и вождю) требовал соответствующей отдачи по принципу «do ut des», при этом компенсация предполагалась более существенной. Наблюдения А.Я. Гуревича, без сомнения, можно распространить на все варварские общества Европы⁴⁰, не исключая и славян. К характеристике полюдья, истоки которого можно найти в институте дара, как нельзя более подходит следующий комментарий ученого: «Подданные со своей стороны приглашали покровителей и вождей на пиры, одаривали их, рассчитывая на поддержку и возвратные дары. Более того, основной формой общения были поездки вождя по стране и посещение пиров, которые должны были устраивать сообща все бонды в его честь»⁴¹. Таким образом, вождь получал добровольные подношения от славянских племен, рассчитывавших на то, что тот будет исправно выполнять общественно значимые функции – защиту от внешней опасности, внутреннее регулирование (суд).

Еще С.М. Соловьев считал, что мероприятия княгини Ольги по установлению «уставов» и «уроков» явились заменой полюдь⁴⁸. Такая позиция разделяется и современными исследователями. «... Древлянское восстание и смерть Игоря, – пишет В.Я. Петрухин, – оказываются стимулом для установления государственных правовых норм от Среднего Поднепровья до Новгорода: при этом реформе подвергаются и архаическое государственное право (полюдь), и «племенные» традиционные нормы, послужившие правовым основанием для казни Игоря. Полюдь сохраняется лишь на периферии Русского государства по преимуществу в виде фиксированной дани»⁴⁹.

Вероятно, что значительная часть потребностей княжеской семьи и дружины в продукции сельского хозяйства в дальнейшем покрывалась за счет так называемой «служебной организации»⁵⁰. Некоторые исследователи считают, что полюдь с конца XII – начала XIII в. трансформируется в систему кормлений⁵¹. В.Д. Назаров справедливо замечает, что непреодолимым препятствием на пути построения каких-либо теорий является в данном случае почти полное отсутствие письменных источников.

Можно сделать следующие выводы:

1. Полюдь – это форма сбора дани, когда князь лично отправляется «на места», ближе к непосредственному производителю, чтобы собрать подношения и в то же время сдержать себя и свою дружину в течение зимнего сезона. Полюдем же называются и сами блага, приобретаемые в процессе объезда князем территории подчиненных племен.

2. Развитие института полюдя тесно связано с развитием института княжеской власти. Обосновавшаяся в Киеве династия Рюриковичей поставила полюдь в разряд общегосударственных мероприятий. Постепенно князья норманнской династии все больше внимания обращали внутрь страны и вместе с постепенным «обрусением» осуществляли преобразования феодального характера, являющиеся следствием социально-экономического развития общества.

3. Рассматривая институт полюдя, необходимо отдавать себе отчет в том, что с течением времени происходили значительные изменения в его функционировании, изменялся и его характер. Так, из первоначальных добровольных подношений, даров он превращается в «прообраз ренты-налога», взимавшегося посредством внеэкономического принуждения.

4. Невозможно согласиться с мнением А.П. Новосельцева, утверждающего, что «полюдь носило... стихийный характер, мало отличный порой от набегов с целью взимания добычи»⁵². Размер дани, собираемой в полюдь, был заранее определен, носил традиционный характер, при этом, несомненно, до прибытия князя уже осуществлялся первичный сбор благ в каких-то центрах, иначе трудно представить механизм сбора общерусского полюдя.

5. Полюдь возникает на стадии консолидации союзов племен в более крупные образования («суперсоюзы»), объединенные усилиями окрепшей княжеской власти. Обширная территория суперсоюза требует переездов князя, тогда как необходимости таковых в малых племенных союзах нет.

7. Предтечей полюдя (как своеобразной дани князю) были добровольные подношения, дары, в которых нашла отражение особенность мышления тогдашнего человека.

¹ См.: Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

² Багрянородный К. Об управлении империей. М., 1991. С. 51.

³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1962. Т. 1. Стб. 387; ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 157.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 81. С. 140.

⁵ См.: Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 40; Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // *Ślawianie w dziejach Europy. Poznan*, 1947. С. 85–113.

⁶ См.: Повесть временных лет (далее – ПВЛ) / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. С. 26–27, 29.

⁷ См.: Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в. – первой половины X в. (полюдь) // *Социально-экономическое развитие России: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина*. М., 1986. С. 23.

⁸ См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 389.

⁹ Там же. С. 400.

¹⁰ См.: Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000. С. 139–141.

¹¹ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. I. Т. 1–2. С. 253.

¹² Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 185.

¹³ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 36–37.

¹⁴ См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 316–329; Он же. Смерды // *История СССР*. 1979. № 2.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь.... Указ. пр. С. 325.

¹⁶ Там же. С. 316, 318.

¹⁷ Горемыкина В. И. Возникновение и развитие антагонистической формации в средневековой Европе (опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). Мн., 1982. С. 63.

¹⁸ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 180.

¹⁹ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 467.

²⁰ Там же. С. 468.

²¹ См.: Там же. С. 478–479.

²² Там же. С. 483.

²³ Кобищанов Ю. М. Полюдь и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // *От доклассовых обществ к раннеклассовым*. М., 1987. С. 156.

²⁴ Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978. С. 245.

²⁵ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 25.

²⁶ Там же. С. 33.

²⁷ Новосельцев А. П. Арабские источники.... Указ. пр. С. 24.

²⁸ См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь.... Указ. пр. С. 329.

²⁹ См.: Там же. С. 258–284.

³⁰ Там же. С. 285.

³¹ См.: Ловмянский Х. Основные черты родоплеменного и раннефеодального строя славян // *Становление раннефеодальных славянских государств*. Киев, 1972. С. 97.

³² Рыбаков Б. А. Киевская Русь.... Указ. пр. С. 285–286.

³³ См.: Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 29.

³⁴ См.: ПВЛ. С. 13–14.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Фроянов И. Я. Рабство и данничество. С. 468.

³⁷ Кобищанов Ю. М. Полюдь и его трансформация. С. 140–141.

³⁸ Старшая Эдда / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963. С. 28.

³⁹ Гуревич А. Я. Избранные труды: В 4 т. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 234.

⁴⁰ См.: Там же. С. 231–232.

⁴¹ Там же. С. 237.

⁴² См.: ПВЛ. С. 26–27.

⁴³ См.: Рогов В. А. К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // *Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии*. М., 1984. С. 57.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь.... Указ. пр. С. 326–327.

⁴⁵ См.: Багрянородный К. Указ. соч. С. 51.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Горский А. А. Указ. соч. С. 25.

⁴⁸ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 121–122.

⁴⁹ Петрухин В. Я. Древняя Русь. М., 2000. С. 57.

⁵⁰ См.: Флоря Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // *Отечественная история*. 1992. № 2. С. 56–74.

⁵¹ См.: Назаров В. Д. Полюдь и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актов источников // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии*. М., 1988. С. 164–165.

⁵² Новосельцев А. П. Арабские источники.... Указ. пр. С. 25.

Темушев Степан Николаевич – аспирант. Научный руководитель – проректор по учебной работе доцент О. А. Яновский.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ
В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Древнеримская цивилизация принесла миру одно из совершеннейших достижений, которым мы пользуемся до сих пор, – систему римского права, содержащую регулирование всех сторон экономической, политической, социальной и культурной жизни общества. И поскольку в законодательстве Рима не наблюдалось разделения общества на мужчин и женщин, а выводились две основные группы: *mares* (мужчины) или *feminae* (женщины) и брачные, мужчина и женщина рассматривались в нем только как мать и отец, и женщинам, следовательно, уделялось немалое внимание в законах.

Утверждение ряда исследователей о том, что "... из всех народов Древнего Мира ни у одного женщины не находились в таком почтении и уважении, как у римлян..."¹, можно принять на веру только при сравнении жизни римлянки с жизнью женщин других древних цивилизаций, да и то с оговорками. Но если посмотреть на ее положение в социальной структуре самой Римской империи и сравнить его со статусом мужчины, тезис о "высоком положении" выглядит малодоказательным. Одно из свидетельств тому – римское законодательство.

В политическом плане женщины империи были законодательно неправопособными: закон на протяжении всего существования римского государства предоставлял гражданские права только мужчинам. Л. Фридлиндер утверждает, что в начале империи общественное положение женщины уже не стеснялось никакими рамками²; но факты общественной активности женщин единичны и не позволяют утверждать об их существенной роли в жизни римского общества. Рассмотрим некоторые из них.

Законы XII таблиц (сер. V в. до н. э.) законодательно закрепили тот факт, что женщины не имели права присутствовать на народных собраниях и влиять на принятие политических решений. Постепенно ситуация изменилась, и гражданки империи уже посещали собрания граждан, но право голоса для них осталось недоступным.

Биограф Элагабала, глубоко возмущаясь, пишет о том, что мать и бабушка императора получили право доступа в Сенат (*Vit. Elagab. IV. 1–2*); но после убийства кровавого правителя были предприняты меры к тому, чтобы женщины больше никогда не появлялись там (*Vit. Elagab. XVII. 3*).

Женщины принимали участие в предвыборных кампаниях в магистраты, но в выборах не участвовали. При этом они могли только объявлять о своих политических предпочтениях, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на стенах зданий в Помпеях.

Существовали учрежденные на высшем уровне женские объединения. В частности, в источниках содержится информация о *conventus matronarum* (*Vit. Elagab. IV*). Вероятно, это женское объединение образовалось еще в ранний период существования римского государства. Ливии, описывая события IV в. до н. э., упоминает о поступке матрон города Вейи, которые на собрании решили помочь властям города в сборе средств для выплаты религиозного налога и отдали для этого все свои драгоценности (*Liv. V. 25. 8–9*). О «собрании матрон» упоминается и в I в. (*Suet. Galba. 5. 1*). По всей видимости, в *conventus matronarum* входили женщины из сенаторского сословия, но о функциях этого объединения, его составе и устройстве подробных сведений нет. Возможно, именно на базе этой организации в начале III в. была создана организация с громким названием – *Senaculum* – «Малый» или «Женский» Сенат (*Vit. Elagab. IV. 3–4*), часто высмеиваемая мужчинами того времени. Рассматривал *Senaculum* "... личные или имущественные дела, либо дела, касавшиеся различных общественных привилегий женщин в зависимости от их социального положения"⁵. Элагабал уделял немало вни-

мания своему "детищу" и даже написал для него устав, в котором были подробно рассмотрены вопросы формы одежды, украшений на обуви, типа передвижения для различных социальных групп женщин, формы приветствия между матронами. Интересно, что сам биограф императора весьма скептически относится к этой "забаве" Элагабала (*Vit. Elagab. IV.3*). В 70-е гг. III в. Аврелиан попытался возобновить работу *Senaculum* "... с тем, чтобы там первыми были те, кого Сенат удостоил жреческого сана" (*Vit. Aurel. XLIX. 6*). Вероятно, автор имеет в виду служительниц различных культов, составлявших государственную религию империи, и свидетельствует о религиозном характере деятельности «Женского Сената».

Реальной силы эти общеимперские объединения (У. Дюран же высказывает гипотезу о возможном существовании в Италии целой «национальной федерации женских клубов»)⁶, так же как и местные (типа «Обществ для распространения стыдливости»⁷, или отмеченная в надписи в Лавинии *curiam mulierum*⁸), не имели. Можно полагать, что названные учреждения были своего рода подачкой женщинам высшего сословия, чтобы они не вмешивались в серьезные политические дела.

Вмешательство все же имело место, правда, в неофициальной форме. Женщины влияли на политическую жизнь через своих мужей. Поэтому многие мужчины для продвижения по службе стремились заручиться поддержкой императриц или представительниц высшего сословия. Так, Сенека во многом своей квестурой был обязан тетке, которая даже руководила его предвыборной кампанией⁹. Гессий Флор был назначен прокуратором Иудеи (64–66 гг.) благодаря дружбе своей жены Клеопатры с императрицей Поппеей Сабиной¹⁰. Поддержкой этой императрицы пытался заручиться и юный Иосиф Флавий во время своего первого путешествия в Рим¹¹. Серьезным советчиком во многих вопросах управления государством была для Августа его третья жена Ливия (*Suet. Aug. 84.2*); в ее советах нуждался и сын, император Тиберий (*Suet. Tib. 50.2*). Марком Антонием манипулировала Клеопатра¹², а Гелиогабал стал послушным орудием в руках матери и бабки (*Vit. Elagab. II.1; XII.3*). С помощью влиятельной императорской вольноотпущенницы, дряхлой старухи, делал свою карьеру император Отон (*Suet. Oth. 2.2*). Поддержка жены Траяна Плотины помогла в конечном счете прийти к власти Адриану (*Vit. Adrian. II. 10; IV. 1*). Таких примеров немало. Французский исследователь Г. Буассье полагает, что бесчисленные любовные похождения Цезаря, а затем и Августа, были связаны со стремлением понравиться женщинам, «чтобы через них управлять мужьями»¹³. Гипотеза достаточно смелая, и, пожалуй, имеющая основания. Но все же, на наш взгляд, было бы неправильным объяснять любвеобилие правителей только политическими мотивами.

И хотя женщины высших сословий достаточно активны, законы прямо запрещают занятие ими «гражданских или публичных» должностей (*Dig. 50. 17. 2*). Кроме того, женщина не была защищена от постоянных выпадов со стороны мужчин, верхом которых стал выведенный римскими юристами тезис об *imbecillitate sexus* (*Dig. 16. 1. 2. 1–2*) – природной слабости, глупости женщины, которая слабохарактерна, несерьезна, а потому и не способна к общественной работе и к ответственности за свои поступки вообще¹⁴. Философы говорили об этом более мягко: «... сами природные свойства женщин, такие как стыдливость, слабость, нестойкость и незнание дел, обсуждаемых публично, не позволяют ... женам, сестрам и матерям заниматься политикой»¹⁵. Взгляд итальянского исследователя права Л. Пеппе по данному вопросу противоположен: он считает, что устранение женщин от занятия государственных должностей обосновывалось обычаями, а не природой и психологическими особенностями¹⁶. Но в любом случае факт остается фактом: женщина была полностью исключена из собственно политической сферы деятельности. Возникает вопрос о причинах столь негативной пози-

ции мужчин в отношении женской общественной активности. Интересна в данном случае точка зрения Г. Буассье, который считал, что мужчины потому так выступали против женщин, что побаивались их силы в борьбе за общественную жизнь, так как в Риме, где очень почиталась семья, женщины играли серьезную роль¹⁷. В контексте «семейного вопроса» другой французский исследователь П. Гиро подчеркивал, что римляне смотрели на брак как на «слияние двух жизней», которое могло быть полным только при равном статусе супругов¹⁸.

Таким образом, лишённая легальной возможности влиять на политические дела, женщина могла проявить себя более ярко только в семейной жизни. В системе частного права римлянка занимала несколько более прочное положение. Римские законы трактовали разделение полов не как естественный, а как юридический факт. Законодательство рассматривало мужчину и женщину только как мать и отца. При этом они получали титулы – «*mater familias*» и «*pater familias*». Титул «*pater familias*» (домовладыка) мог получить любой мужчина *sine iuris*, в том числе несовершеннолетний или раб-отпущенник. Он становился главой всей фамилии (семьи) и никому не подчинялся, мог признать или отвергнуть собственного ребенка, мог прогнать жену в случае ее бесплодия; он женил сына и выдавал замуж дочь (при этом согласие матери не требовалось), перед смертью назначал опекуна жене и детям, усыновлял и эмансипировал (отпускал из-под опеки) сыновей, чего женщина опять же делать не могла. Домовладыка свободно распоряжался приданым жены, и в более древние времена она не могла получить его обратно даже в случае смерти мужа.

В отличие от «*pater familias*» титул «*mater familias*» весьма многозначен. Исследователи до сих пор не пришли к общему мнению по вопросу его адресата-носителя. По всей видимости, требования к этому званию менялись с течением времени. Так, во времена Цицерона этот титул могла получить только женщина, состоящая в браке *cum manu*¹⁹, т. е. находящаяся в полной власти мужа. В противоположность Л. Казанцеву и М. Бартошеку польский историк Ф. Велишский считает, что титул *mater familias* могла носить только жена *sui iuris*²⁰. В Дигестах Iв. (*Dig. 1. 7. 44*) *mater familias* – просто законная жена сына, даже если он находится под отцовской опекой. Одно-временно появляется мнение о том, что «Мать семейства начинала так называться не раньше, чем муж ее будет назван отцом семейства...»²¹. Титул женщине обеспечивал только муж, *pater familias*, и то при условии, что она имела детей; поэтому вдова теряла это звание – вот еще одна довольно распространенная версия²². Наконец, Ульпиан во II в. утверждает, что «... матерью семейства делают ... не брак, не рождение, а нравственный образ жизни» (*Dig. 50. 16. 46. 1*). Но римский юрист все же достаточно противоречив: в другой работе он утверждает, что титул *mater familias* может носить женщина, поступившая под власть мужа при форме брака «покупка» (*Ulp. Fragm. II*). Вероятно, различные версии получения титула связаны с изменением реалий римской жизни и, в частности, положения женщины в римской семье. Наиболее реальная для классического периода точка зрения берет свое начало во II в.: титул *mater familias* могла носить любая женщина *sui iuris* (*Dig. 32. 41. 7*). В отличие от привилегий, которые давало звание *pater familias*, привилегии женщины с подобным званием сформулированы довольно расплывчато: «... титул давал честь, достоинство и даже присваивал гражданство, если не политическое, то ... добродетель как назначение...»²³. Таким образом, титул женщины получали только благодаря своей физической природе. Их легальный статус не трактовали независимо от отношений между полами.

Итак, роль женщины в римском обществе воспринималась только в рамках семьи. В целом «... по восприятию римлян, женщина выходила замуж, чтобы служить подходящим инструментом семейных и государственных ин-

тересов...»²⁴. В эпоху империи в Риме самое широкое распространение получил брак *sine manu mariti* (без супруга), при котором женщина *alieni iuris* оставалась под властью *pater familias*, а *sine iuris* имела право на свое имущество, но находилась под юрисдикцией своего домовладыки. Со II в. до н. э. развод стал довольно распространенным явлением. Его инициаторами могли стать как оба супруга (*divortium*), так и один из них (*repudium*). Этот акт со времен Августа стал совершаться в присутствии семи свидетелей – взрослых римских граждан. При этом мужчина сразу же мог вступить в новый брак, а женщине требовался почти годичный перерыв для того, чтобы выяснить, не ждет ли она ребенка, и установить отцовство (*Ovid. Fast. I. 35–36; Cicero. Orationes. 6.35*)²⁵. Единственный период в жизни женщины, когда она не могла развестись, был связан с ее беременностью²⁶.

Большое внимание уделено женщине в брачном законодательстве Августа, которое было направлено на укрепление семьи и увеличение количества римских граждан. В 28 г. до н. э. вышел закон об обязательности брака, по которому все мужчины до 60 лет и женщины до 50 должны были создавать семьи. Брачный возраст невесты наступал с 10 лет, а девушка, которая к 20 годам не имела ребенка, должна была платить штраф, приравненный к штрафу за безбрачие и бездетность²⁷. У мужчины этот возраст наступал позже. Не вступившие в брак лишались наследства по завещаниям, а бездетные получали только его половину. Нарушители закона лишались также права присутствовать на зрелищах²⁸. Закон касался представителей сенаторского и всаднического сословия. Льготы имели семьи, где воспитывалось трое и более детей; женщина с тремя детьми имела ту же власть над своими клиентами, что и патрон²⁹.

Следующим шагом брачного законодательства Августа стали законы против прелюбодеяния (с 18 г. до н. э.). В соответствии с ними женщина наказывалась за измену намного строже: ее дело рассматривали *indicia publica* – государственные суды, где также разбирались уголовные дела. В случае доказательства вины она лишалась половины своего приданого и трети состояния, положенного ей по завещанию (*Pauli. Sentent. 2. XXVI. 14*). Женившийся на уличенной в прелюбодеянии и разведенной женщине также обвинялся в прелюбодеянии, а их брак аннулировался (*Suet. Iul. 43.1; Dig. 25. 7. 1. 2*).

С другой стороны, именно в это время законодательство впервые обращается к вопросу о наказании мужчины за безнравственное поведение (*mores mariti*). Муж за измену привлекался к ответственности лишь по обвинению в *stuprum* (внебрачной связи с иностранкой, вдовой или взрослой девицей из свободного семейства) и подвергался штрафу, который был установлен для обеих сторон еще в 149 г. до н. э. *Lege Scantinia* в размере 10 000 HS³⁰. Его жена, по мнению Ульпиана, могла подать на развод и требовать выплаты приданого немедленно либо в течение шести месяцев. При этом муж должен был выплатить бывшей супруге сумму доходов за 3 года (*Ulp. Fragm. VI. 13*)³¹. И все же после развода муж-прелюбодей мог жениться снова.

Таким образом, женщина императорского Рима имела достаточную свободу как в создании, так и в разрушении семьи, предоставленную ей законодательством. В суде же женщине не ставилось в вину незнание права³², но, с другой стороны, ее свидетельские показания в суде не имели никакой силы, а выступление в качестве обвинителя предполагалось для нее (так же как для солдат или рабов) только в делах «об оскорблении величества» (*Dig. 48. 4. 7. 1–2; 8*).

В I в. н. э. женщина получает право выбора и замены своего опекуна, а *Lex Claudia* оставляет в отношении женщин только «защиту, вытекающую из завещания». От всякой опеки освобождались замужние и матери 3-х детей (вольнотпущенницы – 4-х). В конце II – начале III в. появляется институт

venia aetatis: девушки с 18 и юноши с 20 лет могли освободиться от опеки, если они доказали способность вести дела самостоятельно. Таким образом, юридическая дееспособность женщин наступала раньше, что связано, вероятно, с более ранним наступлением *legitima aetatis* – совершеннолетия (у девушек – 12–25 лет, у юношей – 14–25)³⁴. К IV в. н. э. женщина, отец и муж которой умерли, по достижении 25-летнего возраста обретала самостоятельность³⁵.

Постепенно опека над женщиной изживает себя, и последние упоминания о ней относятся к концу III – началу IV в. С другой стороны, сама женщина получила право опеки, и то очень ограниченное, только в V в. Мать или бабушка могли стать официальными опекунами ребенка, только если таковой не был назначен по завещанию, при этом они должны были отказываться от вступления в повторный брак³⁶. Исключительное право усыновления в *familiam* принадлежало *patri familias*. И только в период империи усыновлять смогла и женщина, но только в случае потери собственных детей³⁷.

Широкое распространение разводов изменило позицию законодательства в вопросе приданого. Юридически его собственником оставался муж (*Dig. 23. 3. 1*); он же распоряжался доходами с приданого в течение всей супружеской жизни (*Dig. 23. 3. 7; Pauli. Sentent. 2. XXII. 1*). Но в случае развода, если в этом не было вины жены, приданое в полном объеме должно было быть возвращено женщине. По всей видимости, это было сделано для того, чтобы после развода женщина не осталась без средств к существованию и смогла бы выйти замуж вторично (*Dig. 24. 3. 1*).

Чтобы взаимно сохранить собственность супругов, запрещались дарения между ними (*Dig. 24. 1. 1*). При этом муж уже не мог использовать имущество жены под угрозой развода. Женщине с 46 г. н. э. было также запрещено *intercessio* – принятие на себя ответственности за чужие долги.

В основу семейных отношений в римском законодательстве был положен принцип частной собственности, и главная задача брачных законов состояла в регулировании имущественных обязательств. Одним из основных вопросов, затрагивавшихся законодательством, была проблема завещания. Женщина еще со времен XII таблиц имела равные права на наследование, но сама составлять завещание не могла, так как для этого ей нужно было посетить народное собрание, куда доступ для всех женщин был закрыт³⁸. Римское право признавало только агнатических потомков (связанных родством через лиц мужского пола) (*Dig. 38. 16. 2. 1*), поэтому женщины долгое время не имели правонаследования. В этом случае действовала формула Ульпиана: «Женщина – начало и конец своей собственной семьи» (*Dig. 50. 16. 195. 5*), означающая невозможность передачи имущественных прав по женской линии родства. Такая практика была прекращена только во II в., когда окончательно утвердилось правонаследование между матерью и детьми. Право составлять завещание женщина получает уже в IV в. до н. э. В начале II в. н. э. вмешаться в составление этого документа мог только опекун, а после ликвидации института опеки над женщиной она смогла составлять завещание свободно. Первоначально более свободными при составлении этого документа были вдовы, матери и женщины, у которых было несколько мужей³⁹. Но еще очень долгое время наследники по матери имели более низкий статус, чем наследники по отцу. Различия между отцовскими и материнскими наследниками были ликвидированы только *Senatus Consultum Tertullianum* (20–30-е гг. III в. н. э.). И лишь в 178 г. н. э. *Senatus Consultum Orphitianum* установил законное право наследования от матери к сыновьям и наоборот.

Согласно свидетельствам античных авторов, женщины императорского Рима были экономически в определенной мере самостоятельны. Источники не раз упоминают должность *procuratorem* – управляющего по делам женщин (*Tac. Ann. 3. 22*). Законы защищают имущество женщин. Сатиры Мар-

циала и Ювенала преподносят нам ряд примеров, в которых женщины высших сословий захватывали бразды домашнего правления (*Marc. XII. 75. 6–8; Juv. VI. 210–215*). Есть также указания на то, что многие женщины в Риме занимались самостоятельным трудом как собственницы мастерских, работницы магазинов, врачи, учителя, писательницы и поэтессы, философы, юрисконсульты и адвокаты. Закон запрещал женщинам только занятия «банкирским промыслом»⁴⁰, под которым, возможно, следует понимать проведение некоторых денежных операций. Среди известных римлянок встречались владелицы огромных состояний, выделяющие немалые средства для строительства городских сооружений. Так, по свидетельству эпитафических памятников, Уммидия Квадратила построила амфитеатр и храм⁴¹.

Женщина имела также некоторые очерченные законами обязанности. Они касались прежде всего ее положения в семье: создание семьи, рождение детей. Она имела равную с мужчиной обязанность по обеспечению старости своих родителей. Но вот одна из основных функций матери в наше время – воспитание детей – стала в равной степени ей доступна только в эпоху Принципата. Причем в случае несогласия сторон решающее слово все же принадлежало отцу⁴². Мать это право получала только в случае смерти отца или при разводе, если она была признана пострадавшей стороной.

Можно сделать вывод о том, что при значительной экономической свободе, связанной, прежде всего, с заботой государства о полноценном функционировании римской семьи и со стремлением к увеличению количества римских граждан, женщина не воспринималась как полноправный член римского общества, так как оставалась политически бесправной. «По многим разделам нашего права положение женщин хуже положения мужчин», – отмечает римский юрист II в. Папиниан (*Dig. 1. 5. 9*).

¹ См.: Уэлькенс. Древне-Римская жизнь. СПб., 1880. С. 13; Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. М., 1913. С. 59.; Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 163; Кудрявцев П. Римские женщины. М., 1875. С. 47; Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 219.

² См.: Фридлиндер Л. Картины из истории римских нравов от Августа до последнего из Антонинов. СПб., 1873. С. 231.

³ См.: Реппе Л. Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta repubblicana. Milano, 1984. P. 134.

⁴ См.: Durant W. Caesar and Christ // A History of Roman Civilization and of Christianity from their beginnings to A.D. 325. New York, 1962. P. 370; Ляпустин Б. С. Женщины в ремесленных мастерских Помпей // Быт и история в античности: Сб. ст. М., 1988. С. 81; Он же. Женщины в ткацком ремесле: производство и мораль // ВДИ. 1985. № 3. С. 44; Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964. С. 202.

⁵ Винничук Л. Указ. соч. С. 170.

⁶ См.: Durant W. Ibid. P. 371.

⁷ См.: Гиро П. Указ. соч. С. 62.

⁸ См.: Durant W. Ibid. P. 371.

⁹ См.: Гиро П. Указ. соч. С. 61.

¹⁰ См.: Иосиф Флавий. Иудейская война. II. 14. Примеч. 62. Мн., 1991. С. 480–481.

¹¹ Иосиф Флавий. Там же. Ревяко К. А., Федосик В. А. Предисловие. С. 4; Винничук Л. Указ. соч. С. 171.

¹² См.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 117.

¹³ Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря // Собр. соч. СПб., 1993. Т. 1. С. 195.

¹⁴ См.: Покровский И. А. История римского права. Петроград, 1917. С. 375; Thomas Y. The division of the sexes in Roman Law // A History of Women in the West (From Ancient Goddesses to Christian Saints): In 6 vol. Cambridge, 1997. Vol. 1. P. 83.

¹⁵ Винничук Л. Указ. соч. С. 163.

¹⁶ См.: Реппе Л. Ibid. P. 99.

¹⁷ См.: Буассье Г. Указ. соч. С. 194.

¹⁸ См.: Гиро П. Указ. соч. С. 62.

¹⁹ См.: Бартошек М. Указ. соч. С. 214; Римское частное право. М., 1948. С. 136; Канцелес Л. Н. О разводе по римскому праву в связи с историческими формами римского брака. Киев, 1891–1892. С. 126.

²⁰ См.: Велишский Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян. М., 2000. С. 328.

²¹ Смирин В. М. Римская "familia" и представление римлян о собственности // Быт и история в античности: Сб. ст. М., 1988. С. 20–21.

- ²² См.: Майорова Н. Г. Семья в Риме VII – начала VI в. до н. э. // Античность Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1992. С. 5.
- ²³ Thomas Y. Ibid. P. 89.
- ²⁴ Ferrero G. Die Frauen der Gasaren. Stuttgart, 1921. S. 29.
- ²⁵ См.: Бартошек М. Указ. соч. С. 228; Черниловский З. М. Лекции по римскому частному праву. М., 1991. С. 70.
- ²⁶ См.: Пио О. Из жизни римских императриц: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 28.
- ²⁷ Фридлиндер Л. Указ. соч. С. 224.
- ²⁸ См.: Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 115; Ревяко К., Шевченко Г. Август и Юлии // Женщины-легенды. Мн., 1993. С. 169.
- ²⁹ См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 421.
- ³⁰ См.: Бартошек М. Указ. соч. С. 197.
- ³¹ См.: Казанцев Л. Н. Указ. соч. С. 227.
- ³² См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 375.
- ³³ См.: Покровский И. А. Там же. С. 375; Бартошек М. Указ. соч. С. 219; Хвостов В. М. История римского права. М., 1919. С. 204.
- ³⁴ См.: Новицкий И. Б. Римское право. М., 1998. С. 51; Бартошек М. Указ. соч. С. 28.
- ³⁵ См.: Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. P. 13–15.
- ³⁶ См.: Хвостов В. М. Указ. соч. С. 407.
- ³⁷ См.: Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 69; Бартошек М. Указ. соч. С. 23.
- ³⁸ См.: Ferrero G. Ibid. S. 10; Покровский И. А. Указ. соч. С. 23.
- ³⁹ См.: Thomas Y. Ibid. 102–103.
- ⁴⁰ См.: Хвостов В. М. Указ. соч. С. 204.
- ⁴¹ См.: Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 202–203.
- ⁴² См.: Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 68–69; Покровский И. А. Указ. соч. С. 362; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 268.

Ленцевич Ольга Михайловна – аспирантка. Научный руководитель – доктор исторических наук В. А. Федосик.

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

ТОТАЛИТАРНАЯ МОДЕЛЬ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

В 1950-х – начале 1960-х гг. главной целью западных специалистов-советологов было стремление к обобщенному описанию советской политической системы. Политическая система определяет отношения управляемых и правителей, устанавливает способ взаимодействия людей в управлении государственными делами, направляет государственную деятельность, создает условия для замены одних правителей другими. Представляя собой сложный комплекс взаимосвязанных, взаимодействующих друг с другом или же противодействующих друг другу институтов власти, политическая система является многоуровневым динамическим образованием. В ней выделяют три составные политические подсистемы: 1) идей, теорий, взглядов, эмоций, чувств, составляющих политическое сознание; 2) отношений между обществом и государством, различными классами и социальными группами, государствами и т. д. по поводу власти; 3) институтов, образующих политическую организацию общества. Все элементы политической системы взаимосвязаны, обуславливают друг друга, и ее анализ дает возможность обнаружить своеобразие каждого режима.

Часть работ англо-американских авторов была посвящена изучению функционирования советской политической системы, часть – описанию существенных характеристик советского режима как “идеального типа” в веберовском понимании этого термина. К первой категории можно отнести труды Р. Бауэра, А. Инкелеса и К. Ключхона “Как советская система работает”, М. Фэйнсоды “Как Россия управляется” и “Смоленск под властью Советов”, Б. Мура “Советская политика: Дилемма власти” и “Террор и прогресс. СССР”¹. В процессе создания модели советской системы важнейшее значение имели работы Х. Арендт “Истоки тоталитаризма” и К. Фридриха и З. Бжезинского “Тоталитарная диктатура и автократия”, в которых политическая система СССР описывалась как уникальный – тоталитарный тип диктатуры². Так, Х. Арендт в “Истоках тоталитаризма”, характеризуя всю историю советского государства как диктатуру, подчеркивает различия между

“революционной диктатурой” в ленинские годы и “тоталитарной диктатурой” в годы Сталина, определяя в качестве водораздела 1929 г. как время установления единоличной власти Сталина и начала процесса массовой коллективизации³.

Использование термина “тоталитаризм” для объяснения феномена нового типа таких диктатур XX в., как режимы Муссолини, Гитлера и Сталина, началось на рубеже 1930–1940-х гг. Хотя сторонники этой концепции осознавали трудности точного определения и описания феномена, они считали, что коммунистический Советский Союз, фашистская Италия и нацистская Германия являются новым, специфическим явлением политической жизни. На вооружение был взят термин *“тоталитарное государство”*, которым еще в середине 1920-х гг. Б. Муссолини определял итальянскую фашистскую систему – *“uno stato totalitario”*, подразумевая национальное единство, отсутствие оппозиции, общность интересов различных социальных групп. Принято считать, что первым употребил термин *“тоталитаризм”* как определение новой формы государства историк К. Хайес в 1939 г. в работе “Новизна тоталитаризма в истории западной цивилизации”. К. Хайес выделял в качестве важнейших черт тоталитарной политической системы присвоение государством всех властных полномочий; использование популизма для общественной поддержки; эффективное применение пропаганды; опору на национализм и использование силовых методов.

Определенные различия в интерпретации тоталитарной концепции сохранялись постоянно. Однако мы можем выделить базовые идеи и характеристики, являющиеся общими для всех авторов. *Во-первых*, тоталитарная диктатура отличается от всех традиционных форм авторитарной власти массовой социальной базой и имеет народный или псевдонародный характер. *Во-вторых*, тоталитаризм, в отличие от более традиционных диктатур, является крайне бюрократизированной системой власти. *В-третьих*, для тоталитарного режима характерно систематическое использование террора не только в отношении реальных противников, но и против ни в чем не повинных людей. *В-четвертых*, тоталитарное государство является чрезвычайно динамичным феноменом, существующим в состоянии “перманентной революции” или “перманентной войны”. *В-пятых*, в тоталитарной системе диктатор обладает большей реальной властью, чем политический лидер в других общественных системах.

Концепция тоталитаризма как нового, присущего XX в. явления в теории и практике деспотизма для англо-американских исследователей стала базой для сравнительного анализа Советского Союза 1930-х гг. и фашистских и нацистских государств. Они выделяли “левый” и “правый” тоталитаризм – два различных проявления одного общего явления, считая, что, несмотря на отдельные отличия, в основном два типа систем совпадают. Внимание обращалось на такие общие черты, как вождизм (фюрерство); наличие единственной массовой партии, контролирующей все общественные организации; агрессивную идеологию; контроль над масс-медиа; “атомизацию” общества; государственный террор; внешнюю экспансию и некоторые другие.

Х. Арендт находила происхождение тоталитарной системы в национализме и империализме, подчеркивая, что максимальная концентрация власти в “центре” обеспечивалась деятельностью нескольких организаций (массовой партии, тайной полиции, военных органов), ни одна из которых не обладала всей полнотой власти и делегировала ее вождю. К. Фридрих и З. Бжезинский представили общую модель тоталитарной диктатуры, основанную на следующих критериях: официальная монопольная идеология; единственная массовая партия; террористический полицейский контроль; монополия на средства массовой информации; монополия на оружие; цен-

трализованно управляемая экономика. Указанные шесть характеристик в совокупности формировали феномен, названный ими "тоталитарный синдром".

Тоталитарная модель не была особенностью англо-американской советологии, она признавалась исследователями Советского Союза практически во всех западных странах, в том числе и теми, кто был критически настроен по отношению к США. Например, английский историк И. Дойчер писал, что и Сталин, и Гитлер "построили машину тоталитарного государства и подвергли людей его постоянному безжалостному давлению"⁴. В течение 1950-х гг. тоталитарная модель доминировала в советологии. Ведущие авторы интерпретировали советский опыт и политические процессы прежде всего, если не исключительно, в терминах этой концепции⁵. Основное внимание фокусировалось на центральной роли Коммунистической партии в политической системе СССР, персональной роли лидера и репрессивной политике режима. Дискуссии, которые возникали при интерпретации советской истории, касались лишь отдельных аспектов, формулировок и не выходили за пределы теории тоталитаризма. В эти годы история и политология были почти едины в англо-американской советологии.

Тоталитарная модель, обеспечивая схему исследований для большинства работ западных советологов в течение десятилетий после Второй мировой войны, подчеркивала первенство политики и рассматривала экономические и социальные структуры как производные. Тоталитаризм определялся как политическая система, которая доводит до максимума государственный и партийный контроль над обществом и его отдельными членами, поддерживается политическими репрессиями и террором, направленными на мобилизацию населения для достижения целей режима. Харизматический лидер вдохновлял население, единственная разрешенная массовая партия действовала как приводной ремень от руководителей режима к населению. Степень участия населения в этой политической системе была минимальной, а пропаганда, направленная на промывание мозгов, всеобщей. Общественные и даже семейные связи были ослаблены, так как режим воспринимал все взаимоотношения, находящиеся вне сферы государственного и партийного контроля, как потенциальный вызов.

В середине 1960-х гг. представление об основных характеристиках советской политической системы как тоталитарной продолжало находить отражение в работах англо-американских исследователей. Примерами такого рода могут служить переработанные издания Х. Арендт, К. Фридриха и З. Бжезинского, а также оригинальные работы З. Бжезинского и А. Мейера⁶. Однако изменения в Советском Союзе, последовавшие после смерти Сталина, поставили под сомнение некоторые положения теории, прежде всего акцент на значимости террора. В 1960-е гг. англо-американские исследователи предприняли попытки модернизации модели. Например, А. Кассоф в статье "Управляемое общество: тоталитаризм без террора" писал, что "управляемое общество" как современный вариант тоталитаризма имеет существенные отличия в механизме действия, отказе от иррациональных элементов, характерных для тоталитарной системы предшествующих десятилетий⁷. К. Фридрих в исправленном издании "Тоталитарной диктатуры" и Х. Арендт в пересмотренных изданиях "Истоков тоталитаризма" также уменьшают значимость террора в политической системе, более того, не настаивают на признании террора в качестве необходимой и постоянной особенности этого режима.

Однако академическое сообщество высказывало сомнения по поводу тоталитарной концепции даже после внесения в нее изменений. Слишком много возникало нерешенных вопросов, недостаточно точных определений, слишком размытой была грань, отделяющая тоталитаризм от других типов

автократии. Таким образом, в советологии создалась ситуация, характерная для отношения ко многим интеллектуальным парадигмам. Сначала – попытка вместить сложную политическую реальность в ее “прокрустово ложе” модели, создать некий “идеальный тип”, а затем разочарование в несовершенстве модели, не дающей ответы на все поставленные вопросы. Более того, у части исследователей возникло недоверие к самой идее применения их парадигм к советским реалиям, разочарование в теории. Особенно это было характерно для специалистов-историков, многие из которых отказывались от использования научных моделей вообще и от тоталитарной модели в частности.

Такая крайняя точка зрения также встретила возражения в академической среде. Д. Бреслауэр отмечал, что неудовлетворенность тоталитарной моделью не должна вести к отказу от использования моделей вообще, это – близорукий ответ на возникающие сложности. Развитие теории, поиск закономерностей необходимы для оценки советской истории и действительности. Б. Мур в работе “Террор и прогресс. СССР” подчеркивал необходимость поиска рациональных сторон различных теорий, их комбинаций для объяснения происходящего в СССР, в том числе использования рациональных аспектов тоталитарной теории.

Одним из последствий тоталитарной модели было господство “твердой линии” в советологии, и что этот факт отражает влияние политической ситуации периода холодной войны. На политическом консерватизме действительно лежит значительная часть ответственности за изоляцию советологии от англо-американской социальной науки. Но свести все причины только к влиянию правых означало бы упростить ситуацию. Левые также несут свою долю ответственности. Для них также было удобнее рассматривать Советский Союз и его историю как изолированную ситуацию, поскольку советская практика порождала тревожные вопросы о социализме, которые левые хотели бы относить только к СССР. Таким образом, проблема советологии как дисциплины в целом заключалась в неспособности использовать советский опыт в критическом смысле. А. Чандлер дает справедливую оценку этой ситуации, подчеркивая, что “советский опыт не использовался для возможной иллюстрации того, что плохо в нашем собственном обществе или в современном мире, но только для иллюстрации советских недостатков”⁸.

Т. Али также обращает внимание на то, что некоторые группы левых, даже несмотря на их враждебность к своей собственной стране, тем не менее разделяли такое отношение к советскому государству. Они использовали термин “тоталитаризм” и рассматривали Советский Союз как образец тоталитарного государства. Использование теории тоталитаризма для формирования американского общественного мнения имело впечатляющее интеллектуальное обоснование. Создателями “либерализма холодной войны” (либерализма, поддерживающего холодную войну), с его точки зрения, были бывшие сторонники того или иного направления марксизма. М. Истман, Б. Вольф, С. Хук и Д. Макдональд были талантливыми писателями и пропагандистами. Их журнал “Обозрение сторонников” (*Partisan Review*) стал голосом интеллигенции, стоящей на стороне Пентагона. В 1955 г. М. Истман писал: “Сталинское полицейское государство не приблизительно, не в какой-то степени, не в чем-то сравнимо с гитлеровским. Оно является тем же самым, только более безжалостным, более хладнокровным, более хитрым, более крайним в экономической политике, более откровенно совершающим мировой захват и более опасным для демократии и цивилизованной морали”⁹. Такую же оценку давал Б. Вольф, заявивший в 1962 г., что “Советский Союз существовал дольше, являлся более тоталитарным, власть Сталина и его наследников была более абсолютной, чистки более кровавыми, все-

охватывающими и продолжительными, концентрационные лагеря большими, чем то, о чем Муссолини мог мечтать или Гитлер представлять. Только в крематориях гитлеровское воображение превзошло сталинские действия»⁹.

Важной причиной принятия западной советологией тоталитарной модели в конце 1940-х – начале 1950-х гг. была невозможность использовать другие концепции общественной науки. Хотя структурный функционализм и некоторые подобные теории были доступны социологам, они практически не использовались историками и политологами, не имевшими необходимой подготовки. А специалистов-социологов, занимавшихся СССР, в это время было чрезвычайно мало. Лишь несколько человек в Гарварде работали по интервью-проекту с советскими эмигрантами. Недостаток специалистов был связан прежде всего со слабой подготовкой советологов в теоретических и методологических вопросах, получивших приоритетное внимание в социальных науках.

Следует отметить и то, что, пользуясь одним термином – тоталитаризм, многие авторы вкладывали в него содержание, зачастую не во всем соответствующее взглядам создателей тоталитарной модели. Так, Б. Мур и М. Фейнсуд рассматривали тоталитаризм прежде всего не как достигнутый результат, а как цель советского режима, стремящегося создать «нового человека» с помощью тотального манипулирования социальной средой. Они подчеркивали в своих работах, что оценка степени достижения советской властью поставленной цели является сложной задачей эмпирического исследования.

Дискуссии, связанные с выяснением значимости и преемственности различных теорий познания советского опыта, позволили точнее определить сферу применения тоталитарной модели. Л. Шапиро, анализируя историю использования тоталитарной концепции, применил формулировку «сохраняющая ограниченную полезность». Модель тоталитарного общества позволила на определенном этапе развития англо-американской историографии глубже понять сталинскую систему и внести системность в изучение Советского Союза.

¹ См.: Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological and Social Themes*. Cambridge, 1956; Fainsod M. *How Russia is Ruled*. Cambridge, 1953; Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, 1958; Moore B. *Soviet Politics: The Dilemma of Power: The Role of Ideas in Social Change*. Cambridge, 1950; Moore B. *Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship*. Cambridge, 1954.

² См.: Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York, 1951; Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, 1956.

³ См.: Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York, 1951. P. 391.

⁴ Deutscher I. *Stalin, a Political Biography*. London; New York, 1949. P. 566.

⁵ См.: Schapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union*. New York, 1960.

⁶ См.: Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New ed. New York, 1966; Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. 2d ed., rev. by C.J. Friedrich. Cambridge, 1965; Brzezinski Z. *Ideology and Power in Soviet Politics*. New York, 1962; Meyer A. *The Soviet Political System: An Interpretation*. New York, 1965.

⁷ См.: Kassof A. *The Administered Society: Totalitarianism Without Terror* // *World Politics*, July, 1964. P. 559.

⁸ Chandler A. *The Interaction of Post-Sovietology and Comparative Politics: Seizing the Moment* // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. 27(1). P. 9.

⁹ Цит. по Ali T. *The Soviet Union is far too important to be left to the Sovietologist* // *Revolution from above*. New York, 1988. P. 159.

И.А. ЗЕЛЕНКОВА

ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ ЖАКА ДЕРРИДА КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПРОЕКТ АУТЕНТИЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

«Что такое деконструкция?» – этот, казалось бы, простой и внятный вопрос предполагает возможность столь же лаконичной и ясной дефиниции. Но если еще лет десять назад для получения таких кратких сведений возникали проблемы со «справочной литературой», то на данный момент скорее можно запутаться во всевозможных вариантах суждений и интерпретаций. Такое положение указывает на два важных момента, где *первый* – очевидная «актуальность» деконструкции (что подчеркивает прежде всего аспект становления, «незавершенности» этого течения как не только популярного, но и имеющего отношение к различным сферам гуманитарного знания), *второй* же – стремительное формирование вокруг него целой традиции осмысления и описания. Оба этих момента отражаются в любом из словарных определений: первому соответствует рассмотрение философских построений Деррида в качестве одного из направлений постструктуралистской мысли – и их соотнесение через такое посредство с тем, что принято подразумевать под «состоянием постмодерна» как неотъемлемым атрибутом и характеристикой современной культурной реальности, второму – оценка деконструкции как радикальной критической концепции, нацеленной на пересмотр, или даже ниспровержение, метафизических основоположений фактически всей западноевропейской философии.

Скомбинированная таким образом дефиниция в качестве некоей предпосылки имплицитно содержит полярные возможности экспликации, неизбежно возникающие в своеобразном поле напряжения, образованном самой логикой взаимодействия традиции и новации: это либо попытка дистанцированного и вместе с тем канонического исследования с привлечением устоявшегося и уже в силу этого не всегда адекватного понятийного аппарата, либо – своего рода «имманентная апологетика», оборачивающаяся лишь воспроизведением, но не объяснением приема. В этом контексте ответ на обозначенный в самом начале «наивный» вопрос оказывается связанным с проблемой выбора между взаимоисключающими исследовательскими установками, однако же сама возможность такого выбора деконструкцией как раз и оспаривается.

Парадокс заключается в том, что в ответ на такой вопрос деконструкция не может предъявить себя традиции иначе, нежели в форме негации (к примеру, в «Иерусалимском триалоге» Деррида вынужден последовательно определять ее полномочия «от обратного»: не разрушение, не просто анализ, не критика, как и не «метод» для достижения предустановленной цели и выгоды и, наконец, не философская система). Тем не менее

конфликт возникает как бы в одностороннем порядке: в режиме непосредственного действия дерридеанская дискурсивная стратегия как раз избегает отрицания, предзаданного в структуре бинарной оппозиции, но эта особая «гибкость» (вполне коррелирующая с представлением о пресловутой «постмодернистской чувствительности») реализуема лишь в перманентной транзитивности процедуры «письма-чтения-письма».

Иными словами, единственным возможным предметом мета-анализа (исключающего не вполне добросовестные попытки управиться с критикой метафизики средствами самой метафизики) оказывается деконструкция с точки зрения своей процессуальности – т. е. как реальная дискурсивная практика или, по выражению самого Деррида, как «способ письма и симптом». Если же возвратиться на уровень «наивных вопросов», то в свете такого заключения выдвинутое первоначально «что есть деконструкция?» переформулируется в «деконструкция – это как?», что в сущности является артикуляцией проблемы *метода*, причем вновь в двух аспектах: как применительно к механизму исследуемой стратегии, так и в отношении самого принципа исследования.

Что касается последнего, то необходимо заметить, что достоинства такого подхода, имеющего дело не с абстрактными концептами, а с определенными операциональными схемами, разворачивающимися в процессе действительной практики, не исчерпываются лишь тем, что, не входя в противоречие с идеей сложности любого начала, он позволяет эксплицировать механизм «действенной философии», в том числе и с точки зрения ее не вполне еще раскрытого потенциала. Не менее важным представляется и отсутствие неоправданного нигилизма в отношении традиции в ее историко-философском модусе: начиная еще с Канта само понятие «критики» существенным образом трансформируется, отсылая не столько к отрицанию предшествующего, сколько свидетельствуя как раз о *методе* – в том числе и как о том или ином типе дискурсивности. Иначе говоря, критика (не в литературном, а в философском, причем вполне «классическом», смысле) – это прежде всего моделирование познавательных практик, включающее и адекватный таким построениям способ выражения.

Приведенный тезис позволяет определиться и с позицией в отношении до сих пор не прекращающихся в историко-философской среде споров о разделении «собственно философского» и «лингвистического» вариантов анализа текстов. Первый подход, традиционно ориентированный «семантически», представляет историю философии преимущественно как «историю идей», в этом смысле являясь вполне метафизическим: преемственность в традиции возможно проследить и на уровне соотношения между собой различных концептов, но в такой ситуации им зачастую присваивается статус если не «универсалий», то неких «оформившихся сущностей», которые впоследствии могут выступать в предикативной роли. Что же касается второго, то имея дело с механизмами сигнификации, он, таким образом, «работает» с самим условием воспроизведения движения мысли – с языком как своеобразным генетическим кодом культуры.

Необходимо не упустить из виду чрезвычайно важное обстоятельство – взаимообусловленности и неразделимости процедур выражения и восприятия, в контексте которого не может существовать никакой «изначальности», абсолютного денотата или означаемого, тождественного самому себе, так как любому «называнию» всегда предшествует отношение, избобличающее его неравновесность. Известное «il n'y a pas de hors-texte» отсылает не только к тому, что любые «смыслы» образуются лишь как *эффекты* процесса бесконечной референции, но и к тому, что так называемая «идентич-

¹ «Нет ничего, кроме (вне) текста» (фр.). Фраза Деррида, часто рассматриваемая в качестве своеобразного «лозунга» деконструкции.

ность» читающего (как и пишущего), в своей конкретности, каждый раз есть не более чем такой моментальный эффект. Разумеется, такой вывод может показаться неосновательным и произвольным, не будучи подкрепленным анализом причин возникновения представления об изначальной самодостоверности воспринимающего (или творящего) и, следовательно, воспринимаемого (или сотворенного). Чему, собственно, и посвящаются несколько наиболее известных «ранних» работ Деррида.

По его мысли, основание идеи «пред-данности» или присутствия заложено в самом принципе фонетического письма, «достоверного» в силу способа прямой фиксации (или воплощения) речи и связанной с ней неразрывно абсолютной достоверности – «жизни духа как самоприсутствию (self-presence) в дыхании»¹; тогда как «нефонетическое письмо разбивает имя на части..., описывает отношения, но не названия»². В этом контексте Деррида исследует механизмы *опространствливания* (espacement) времени и *овременения*, или *темпорализации* (temporalisation) пространства, являющие собой логику движения, соответственно – письма и речи (равно как и их взаимодополнительности). По существу, мы имеем дело с моделью квазигегельянского типа: здесь время «отвечает» за Объективный Дух, и речь, будучи «одушевленной», поставляет столь необходимое метафизике начало «самоналичия» (пресловутого self-presence) или, говоря иначе, ее главную интуицию – об Истине. Именно в таком контексте темпорализация есть «корень онтической метафоры»³, и письмо, «в смысле метафорическом, может быть арендовано» (традицией)⁴. Здесь возможна и иная – «экономическая» (марксистская) аналогия: отношений (пере-)распределения по поводу *собственности* – процедура именования (называния) «закрепляет» за Именем Смысл – как его «личное» («частное»), и это неизбежно вызывает к жизни угрозы отчуждения и(или) экспроприации. Такая процедура в определенной степени объясняет притеснение или «принижение письма в его *собственном* смысле» – письма как *опространствливания* времени, как *Dis-tanz*.

Реабилитация письма (в *собственном* смысле) не имеет ничего общего с характерной для «классических» революций сменой доминант внутри сохраняющихся оппозиций. Деррида восстанавливает (деконструирует) его в свойстве принципиальной адогматичности, неравновесности – неравности самому себе – отклонение, рождающее модуляцию, отмена, ей предшествующая и следующая *вслед* за ней. Поэтому «грамма» – совсем не «дубликат» фонемы, как и не то, что *замещает* имя – но то, что отменяет *место* (или имя как локализацию смысла, как семантическую константу); то, что размыкает «ограду» (cloture), изобличая ее как «притвор».

Однако с точки зрения избранной стратегии исследования самым важным представляется то, что такая «реабилитация» отнюдь не является теоретическим результатом, но реализуется на уровне дискурсивности, т. е. не столько предъясняется в текстах Деррида, сколько самими этими текстами – спецификой их построения, их *действием*. К сожалению, объем этой статьи не позволяет подробно проиллюстрировать работу стратегии косвенного смыслодонесения на примере конкретного текста, но тем не менее прин-

¹ Здесь, прежде всего, имеются в виду «De la grammatologie» (Paris, 1967); «L'Ecriture et la Différence» (Paris, 1967) и «La Voix et le Phenomene» (Paris, 1967).

² «Dis-tanz» (нем.) – слово, обыгрываемое Деррида в работе «Шпоры: Стили Ницше» (Философские науки. 1991. № 2, 3). Необходимо переводить одновременно как «дис-танция» и как «дис-танец». Вариант А. Гараджи – «дис-танц-ирующий танец».

³ Слово «cloture», часто используемое Деррида, традиционно переводится как «ограда», или «замкнутость», однако обозначает в том числе и специфически церковную ограду (притвор), и отдание (праздника). Русское «притвор», отсылая, с одной стороны, к особому типу утаивания (сокрытости), присущему религиозному культу, косвенно указывает на некую негерметичность («притворить» – «неплотно, не до конца закрыть») или мнимость («притворство») этой замкнутости.

цип «нелинейного письма» сказывается уже в неографизме «*differance*» (не воспринимаемое на слух различие – «а» вместо «е» – задействует сам язык в, так сказать, культурно-этимологическом аспекте на манер «базы данных», поставляющей целую цепочку значений: отсылая через латинский корень («*fero*» – «нести») к греческому («*fero*»), от него – к метафоре и т. д.), равно как и в «фармаконе» из «Рассеяния»⁶ или в «огне-золы» из «*Feu la cendre*»⁷.

Именно такой дискурсивный прием «самоустранения» переводит скрытые (вытесненные или подавленные) языковые потенции в «актуальное», «открытое» состояние. В теории, реабилитируя письмо, «на практике» деконструкция реабилитирует *границу*, как бы динамизируя ее: способ и логика письма выстраиваются не как преодоление или разрушение («границ» имен, отсылающих к понятию или представлению об определенной *сущности*), но как движение вдоль границ, что обеспечивает возможность «ненастоящего» пребывания в чрезвычайно широком контексте. Иначе говоря, имея дело с практикой деконструкции, мы сталкиваемся не с попыткой удержать дистанцию, но с «работой» дистанции как таковой.

С точки зрения «технологии» деконструкция не столько предлагает некий новый способ *отношения к традиции*, сколько иной, более гибкий и эффективный, способ пребывания в ней. Фактически Деррида не совершает никакого «переворота» (в отличие от тех, с чьими именами обычно ассоциируется «конец классической философии»), отказываясь от самой идеи такового – или отказывая этой идее в актуальности: современная культурная реальность представляет собой столь обширное и сложноорганизованное, самонаращивающееся информационное поле, что любые попытки предъявить этому пространству нечто новое в качестве абсолютно противоположного всему, что уже есть, требуют невозможного отстранения, а стало быть, чреваты лишь усилением фрустрации.

В этой связи уместно будет вспомнить предшествовавшие рассуждения о «критике». С этой точки зрения «снимается» излишний негативный пафос, столь часто усматриваемый в работах Деррида и его последователей: на уровне «способа письма» деконструкция предлагает вполне артикулируемый *метод*, возможно, в большей степени отвечающий требованиям современности – точно так же, как в свое время происходило с немецкой трансцендентальной философией, с марксизмом или, например, с фрейдизмом. Именно в этом смысле деконструкция – это «симптом»: ускользая от привычных субъект-объектных противопоставлений, деконструктивистский прием позволяет соединять в ситуации резонанса сразу многие информационные потоки, или, точнее, являться самим резонансом.

Здесь будет уместно говорить не о попытке «реанимировать» творящего субъекта, но о новой форме креативности, предполагающей самосотворение как процесс, а также – о пусть не вполне пока еще проясненных, «синтезирующих» полномочиях такого типа дискурса. Важно заметить и то, что понятие «синтеза» в данном случае употребляется главным образом в динамическом и культурологическом модусах – в том числе в связи с проблемой кросскультурной коммуникации, которая видится одним из вероятных горизонтов исследования деконструкции как своеобразной «гуманитарной технологии».

Последнее, что хотелось бы заметить в качестве предупреждения возможных упреков в пусть специфической, но все-таки «абсолютизации» самой деконструкции: целью данного исследования ни в коем случае не являлось рассмотрение этой стратегии в качестве некоего априорного «образца», которому необходимо соответствовать, чтобы «не выпасть» из современного контекста – правильнее было бы сформулировать его задачу как выдвижение ряда гипотетических предположений, возникших в результате изучения работ Деррида и, кроме того, инспирированных необходимостью

поиска методологии, которая могла бы способствовать динамизации и, быть может, большей эффективности историко-философских и культурологических изысканий. С другой стороны, возражения может вызвать и сознательно «прагматический» подход к проблеме, в некотором смысле выводящий деконструкцию за рамки «собственно философии», однако даже радикальное признание деконструкции «не-философией» никак не повлияет ни на тот факт, что возникает данная стратегия все же именно на философской основе, ни на возможность дальнейшей «проверки на прочность» излагавшихся гипотез.

¹ Derrida J. Of grammatology. Baltimore, 1998. P. 26.

² Там же.

³ Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999. С. 113.

⁴ Bennington G. Derridabase. Paris, 1991. P. 126.

⁵ Там же.

⁶ Derrida J. La dissemination. Paris, 1972.

⁷ Derrida J. Feu la cendre. Paris, 1987.

Зеленкова Ирина Анатольевна – аспирантка. Научный руководитель – кандидат философских наук Г.Я. Миненков.

Е.И. ЯНЧУК

ГЕНДЕРНАЯ ПРОЕКЦИЯ В КУРСЕ "ФИЛОСОФИЯ"

Сегодня мы живем и работаем на фоне уже ставшего перманентным реформирования системы образования как в области методического обеспечения учебного процесса, так и содержания основных курсов. Наиболее ощутимы изменения в сфере социально-гуманитарного знания, на котором в первую очередь отражаются подвижки в интеллектуальной атмосфере эпохи.

Одним из таких градиентов, ставших знаменем времени, является всевозрастающая популярность гендерной проблематики в социально-гуманитарном знании. Для западной традиции эта тема не нова, для нас же она до сих пор остается экзотикой. Целью данной публикации является стремление поделить опыт в развитии этой темы в базовом курсе "Философия". Но прежде сделаем некоторые пояснения.

Понятие "гендер" – от англ. **gender** – род, чаще грамматический – может быть переведено на русский язык как "социопол" или "социальная конструкция пола" в отличие от англ. **sex**, что означает "пол биологический" или "биологическая конструкция пола". Как видим, родиться с определенным биологическим полом еще не означает стать мужчиной или женщиной. Поэтому и стали так популярны высказывания, например, Симоны де Бовуар о том, что "женщиной не рождаются, женщиной становятся", и Элизабет Бадентэр о неданности мужской сущности от рождения¹. Термин "гендер" как нельзя лучше отражает результат социализации личности с учетом половой дифференциации. При этом биологический пол – это достаточно точная характеристика, сравнимая с цифровыми кодовыми системами. А на языке, например, корпускулярно-волнового дуализма ей соответствуют корпускулы, к которым приложим, если не вдаваться в биологические детали (хромосомные, гормональные, генитальные), принцип "или – или": или мужчина, или женщина. В свою очередь гендер – характеристика волновая, аналоговая, а поэтому в значительной мере расплывчатая. Здесь становятся возможными самые разнообразные сочетания биологической конструкции и социального поведения. Наряду с типичными мужчинами и женщинами мы часто говорим о мужественных женщинах и женственных мужчинах, что с позиций гендерных исследований становится вполне объяснимым явлением.

Понятие "гендер" вошло в обиход недавно – в 60-е гг. XX в. И если раньше тематика этого направления разрабатывалась в рамках так называемых "женских исследований" и в русле феминизма, то сейчас очевидна тенденция к исследованиям как женской, так и мужской составляющей социума, к организации диалога между этими двумя компонентами человеческой сущности. Важность постановки этой проблематики, в том числе в философском плане, обусловлена также тем, что на смену абстрактным рассуждениям о "человеке вообще" сегодня должно прийти понимание человека во всем богатстве его индивидуального бытия в конкретном социальном контексте. И это касается не только философской антропологии, имеющей дело непосредственно с человеческой проблематикой, но и других разделов философского знания: истории философии, онтологии и метафизики, эпистемологии и социальной философии. Попытки реконструкции философии с позиции гендерного измерения известны².

Гендерные отношения пронизывают все сферы социального бытия. При этом они неинвариантны, несмотря на относительную постоянность биологической природы человека. Любая социальная трансформация и инновация существенно отражаются на гендерных отношениях, причем несимметричным образом: по-разному для мужчин и женщин, производя и воспроизводя на этой почве неравенство. Можно привести такой факт: рождение дочери в некоторых культурах часто воспринимается с сожалением. «Чувство невыразимого облегчения, но – дочь! Ему это казалось несправедливым. Пойти на такой риск, пережить все эти муки – и какие муки! – ради дочери! Он стоял в холле перед камином с пылающими поленьями, подталкивая их кончиком ботинка, и старался успокоиться. "А отец?" – вдруг подумал он. Какое горькое разочарование, и ведь этого не скроешь! В этой жизни никогда не получаешь всего, чего хочешь! А другой ведь нет, а если даже она есть, что в ней толку!»³.

Приступая к изучению философии, студенты в первую очередь знакомятся с ней как элементом культуры. Поэтому, подчеркивая патриархатный характер культуры в большинстве современных обществ, следует отметить и патриархатный характер философии, религии, науки, искусства. В последних как нельзя лучше отражается мужская доминанта культуры: целеустремленность, активизм, сила, власть. Мир, культура сконструированы мужчинами и для мужчин. Женщинам здесь отводится роль "инфернального" Другого, медиатора между Культурой и Природой. Мойра Гатенс называет женщину – в концептуальном и буквальном смысле – "мостом" для мужчины между природой и культурой, между разумом и телом, между приватной и публичной сферами. Но, являясь сама мостом, женщина не может выйти за рамки природы в культуру, из тела к разуму, из приватного в публичное⁴. Кроме того, в большинстве случаев само понятие "человек" отождествляется исключительно с мужчиной. Причем не только в философском, но и чисто в лингвистическом плане. Сравните: немецкое "Das Man", английское "A man", французское "Un homme" – означает и "человек", и "мужчина". Женщина же не является не только субъектом, но и объектом философского знания. Ее присутствие оценивается чаще всего негативно. Крылатыми стали высказывания некоторых мыслителей. **Пифагор**: "Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину". **Сократ**: "Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина". **Иоанн Златоуст**: "Среди всех диких зверей не найти никого, кто был бы вреднее женщины". **Фома Аквинский**: "Мужчина возвышается над женщиной, как Христос возвышается над мужчиной. Женщина неизменно должна жить под властью мужчины и не иметь на свою главу никакого влияния". **Менандр**: "И на земле, и в море водятся чудища, и все же

величайшее из них – это женщина. Женщина – это не оставляющее вас страдание”.

Такое отношение обусловлено реальным положением женщины в обществе. Последнее же определяется рядом факторов, среди которых – участие в экономической жизни, способность к контролю над собственностью и продуктами труда, существующая система власти. Женщина в лучшем случае вторична во всех этих отношениях, в худшем – вытеснена за их пределы.

Женщин нет и среди упоминающихся в курсе философии авторов, но их голос звучал в культуре, начиная с XV в. Они вступали в открытый диалог с авторами-мужчинами. Однако патриархатные интересы не способствовали сохранению этого опыта. Хотя можно сослаться на жизнь и творчество Кристины Пизанской, Екатерины Арагонской, Беатрисы Галиндо, Франчески де Лебрикса, Джейн Грей, Мэри Сидней, Олимпии де Гуж, Абигаиль Адамс, Мэри Уоллстонкрафт, Энн Брэдстрит, Жирмены де Сталь, Маргарет Фуллер, Хэрриэт Тэйлор. Перечень имен может быть продолжен и в XX в. Среди наиболее известных и популярных женщин-авторов можно отметить Вирджинию Вульф, Бэтти Фриден, Джуллиэт Митчел, Суламифь Файерстоун, Симону де Бовуар, Нэнси Чодоров, Элизабет Бадентэр. Все они представляют такие ветви феминистского движения, как либеральная, марксистская, радикальная, социалистическая и психоаналитическая. Интересно, что до сих пор основной ракурс феминистских работ лежит во все той же плоскости: в стремлении женщин людьми зваться. «Сколь глубоко уязвляют нас те, кто заставляет нас превращаться лишь в ласковых комнатных собаченок! – пишет Мэри Уоллстонкрафт в работе «В защиту прав женщин» (1792 г.). – Как часто нам внушают, что мы покоряем своей слабостью и царствуем благодаря покорности. Ну что за сказки! Сколь же ничтожно, да и может ли мечтать о бессмертии существо, способное унизиться до властвования такими порочными методами!..

Пусть меня сочтут самонадеянной особой, все же я выскажу то, в чем твердо убеждена: все, от Руссо и до доктора Грегори, кто писал о женщине, ее воспитании и поведении, неизменно выставляли ее в искаженном свете, показывая как существо более слабое, чем она в действительности является. Не буду делать громких заявлений, в противном случае это прозвучало бы визгливо-искусственно, а не как искреннее выражение моих чувств, того очевидного итога, к которому меня подвели мой опыт и размышления... В трудах упомянутых мною выше авторов... вызывает у меня возражение сама суть, которая отражает, на мой взгляд, стремление принизить значение половины рода человеческого и из всех ценных добродетелей женщины более всего выделить умение угождать»⁵.

В контексте рассматриваемых в курсе “Философия” онтологических проблем также есть возможность спроецировать гендерные отношения. Так, уже среди древних учений весьма популярны были, как мы сказали бы сегодня, гендерные аналогии. Вспомним мужское и женское начала в китайской философии и приписываемые им соответствующие признаки и добродетели. Мужское здесь – символ рациональности, твердости, сухости, света, Неба и т. п., а женское – мистики, мягкости, влажности, тьмы, Земли. В этом и особенно в символе «Большого Передела» – хорошая иллюстрация гендерной асимметрии в древней онтологии, задавшей ориентир для культуры на многие века.

Гендерные отношения в онтологии – это проявление дихотомического мышления европейской философии. Уже в философских системах Древней Греции у ионийцев выделяются пять пар дихотомий: добро – зло, свет – тень, единое – множественное, предел – беспредел, мужское – женское. Правое и левое в этих дихотомиях неравноценны: мужское ассоциируется с добром, светом, единым и пределом, имеющим положительные коннота-

ции. Напротив, женское – это негативные коннотации указанных дихотомий. Такая суперпозиция сохранилась вплоть до Нового времени: у Декарта дихотомия легла в основу всей философской системы, воплотившись в дуализм разума и материи. В конечном итоге для европейской философии противоборство мужского и женского вылилось в противостояние «духа» и «тела» и далее – Культуры и Природы. Женщина-Мать, прародительница, порождающая и воспроизводящая мир, неразрывно связана с Природой и противопоставлена Culture.

Статус женщины достаточно высок в античной Греции. И к природе антик относился с почтением. Природа была его домом, его «экосом». «Экос» и «телос» – два важных символа античной культуры. Однако и здесь Аристотель называл женщину «недостаточным мужчиной». И в целом женщина определялась не через присущие ей признаки, а через мужские качества, которыми она не обладает: «Женщина является женщиной в силу отсутствия мужских свойств у нее. Мы должны видеть в женщине существо, страдающее природной неполноценностью». Далее отношение к природе меняется. Равновесие разрушается мужчиной – покорителем природы и женщины. Его господство выливается в насилие, принявшее в наше время открытые формы и породившее кризис. Созданные мужчиной религия, искусство, наука стали проводниками мужского интереса и способами закрепления мужского доминирования. Поэтому не случаен сегодня союз феминизма и экологизма, стремящихся разрушить социально-экологическую конструкцию современности и создать альтернативные ей институты.

В крайней форме такое потребительское отношение к природе оправдывается тем, что природа – зло. Интересен и может быть использован в качестве иллюстрации анализ отношения к природе нововременного человека, проделанный Симоной де Бовуар в работе «Нужно ли аутодафе?»⁶. Через фигуру маркиза де Сада С. де Бовуар показывает, что природой правит злой гений. Человек в руках Природы – игрушка, орудие, с которым она обращается по собственному усмотрению. Природа жестока, она одержима духом разрушения. Видя в Природе такую кровожадную силу, Сад, по мнению С. де Бовуар, стремится «вырвать у Природы собственную свободу и обернуть ее против нее. “Давайте отважimsя совершить насилие над этой непонятной Природой, овладеть искусством наслаждаться ею”. “...Раз человек сотворен, он более не зависит от Природы; раз уж Природа бросила его, она более не имеет над ним власти”.

Человек не обязан подчиняться естественному порядку, поскольку тот ему совершенно чужд. Поэтому он свободен в своем нравственном выборе, который ему никто не вправе навязывать⁷. Из различных возможных стратегий поведения Сад выбирает насилие, угнетение, преступление, направленное против Природы, олицетворяет которую Женщина. Так и слышатся в таком отношении к Природе-Женщине отголоски средневековья с его потребительским и крайне враждебным отношением к Природе и с его «Молодом Ведьм», символизирующим антифеминистскую истерию того времени.

Гендерная проекция может быть прослежена и в сравнительном анализе когнитивных возможностей мужчин и женщин. Для женщин в большей степени доступны иррациональные составляющие познавательного действия. Не случайно закрепились в языке сочетания «женская логика», «женская интуиция». Действительно, на интуитивном уровне женщина проявляет значительные способности по сравнению с мужчинами. Считается, что это обусловлено филогенетически и связано в немалой степени с биологическим разделением труда и необходимостью частого использования невербальных стратегий коммуникации (в общении с малыми детьми, со стариками). Женщины более внимательны к своим собеседникам, нежели мужчины, в силу их ориентации на установление отношений, а не на демонстрацию своего собственного «Я».

Очень интересной является проблема использования языка не только как коммуникативного, но и как когнитивного средства. Учитывая тот факт, что язык — это кодовая система, формирующаяся в определенном культурном контексте, следует предположить различные способы его использования мужчинами и женщинами. Язык как продукт патриархальной культуры выражает мужской интерес и мужское доминирование. Он в целом приспособлен для выражения мужского жизненного опыта. Или, что будет точнее, не приспособлен для презентации женского жизненного опыта: в естественном языке нередко затруднительно найти средства для выражения иррационально-эмоциональной доминанты женского опыта. Феминистски настроенные авторы в этом и подобных фактах усматривают сексистский компонент как общую черту многих языков. Анализ разного рода моделей использования языка можно найти в работе Д. Камерон «Феминизм и лингвистическая теория»⁸. Автор рассматривает модели Ширли и Эдвина Арднер, Дэл Спендер, Жака Лакана, Люси Иригарэй, Юлии Кристевой, Донны Харазэй и др. Весьма показательно, что сексизм здесь вводится как понятие, отражающее в принципе маргинальное положение представителей любого пола: как мужчин, так и женщин. Однако справедливости ради можно отметить, что чаще от сексизма страдают женщины. Но в целом это — общая проблема.

До сих пор остается открытым вопрос: язык отражает сексизм или является его причиной? Для ответа на таким образом поставленную проблему следует решить в принципе, насколько слиты и взаимопроникают друг в друга лингвистический и социальный факторы. Может показаться, что это проблема «курицы и яйца». И в каком-то смысле так оно и есть. Сформулируем проблему несколько иначе: как соотносятся социальная и лингвистическая реальности — и в плане онтологической первичности, и в плане определяющего влияния? Д. Камерон среди радикальных феминистских теорий выделяет три основные группы:

- детерминистские, в которых язык полностью определяет бытие человека;
- «контролирующие», в которых мужчины контролируют язык и его использование по аналогии с контролем всех сторон жизни патриархального общества, определяя тем самым стратегии речевого поведения и даже значения слов (тем самым язык становится инструментом принуждения);
- «пользовательские», в которых подчеркивается крайне невыгодное положение женщин как пользователя языком. Женщина вынуждена использовать «мужской» язык, что значительно искажает ее опыт и чувства и создает эффект отчуждения. Для самовыражения женщинам необходимо «нарушить молчание» и найти новые языковые средства.

Популярность последней интенции хорошо иллюстрируется попытками создания своеобразного «женского словаря»⁹. Авторы в своей работе пытаются учесть следующие особенности коммуникативной стратегии женщин: склонность к разговорам о неудачах и неудовольствиях; стремление к установлению отношений, а не демонстрации своего «Я»; затруднение в участии в публичных дискуссиях и т. п. Тот факт, что женщины лучше понимают мужчин, чем наоборот, объясняется Ч. Крамара их эмоциональностью и экономической зависимостью от мужчин, что и побуждает женщин быть более внимательными к их поведению и желаниям. Открытым, правда, остается вопрос, является ли такая стратегия сущностной чертой женщины или обусловлена сложившимися патриархальными обстоятельствами.

Названные и подобные им проблемы логически перетекают в сферу социальной философии и антропологии. Женская — мужская тема может быть поднята по проблемам власти и властных отношений (доминирующих и подавляемых групп), и по вопросам лидерства в социальных отношениях в

целом, и по некоторым аспектам соотношения биологического и социального в человеке. Во всех этих и подобных случаях следует отметить особый статус женщины, определяемый категорией Другого, не-мужчины.

Переход к социально-антропологической проблематике требует рассмотрения вопроса о перспективах цивилизации, взятых через фактор гендерных различий. В этом смысле «патриархат» и «матриархат» – крайности, предполагающие отношения доминирования – господства и подавления – дискриминации одной из сторон. И в пылу «решения» «женского вопроса» можно попросту качнуть маятник в другую сторону, и тогда в роли дискриминируемых могут оказаться мужчины. Думается, что такая перспектива неприемлема ни для мужчин, ни для женщин. Выходом из ситуации может стать так называемый «биархат», т. е. такая гендерная проекция общества, в которой оба пола представлены через единство в различии.

¹ С. де Бовуар. Второй пол. М.; СПб., 1997; Бадентэр Э. Мужская сущность. М., 1995.

² Юлина Н. Феминистская ревизия философии: возможности и перспективы. Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993; Юлина Н. Проблемы женщин: философские аспекты (Феминистская мысль в США) // Вопросы философии. 1988. № 5; Discovery Reality. Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science. / Ed. by S. Harding and M. Hintikka. Dordrecht; Boston; London, 1983; Grimshaw J. Philosophy and Feminist Thinking. Minneapolis, 1986; A History of Women Philosophers. Vol. 1. 600 B.C. to 500 A.D. / Ed. by M.E. Waite. Dordrecht, 1987.

³ Голсуорси Дж. Сара о Форсайтах: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 528.

⁴ Gatens M. The dangers of a women – centered philosophy. The polity reader in gender studies. Blackwell Publishers. Oxford, 1994. P. 98.

⁵ Уоллстонкрафт М. В защиту прав женщин. Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 26–27.

⁶ С. де Бовуар. Нужно ли аутодафе? // Маркиз де Сад и XX век: Сб. ст. М., 1992. С. 156–168.

⁷ С. де Бовуар. Указ. пр. С. 160.

⁸ См.: Cameron D. Feminism & Linguistic Theory. London, 1992.

⁹ См.: Kramarae Ch., Treichler P. A Feminist Dictionary. 1985.

Янчук Елена Игнатьевна – кандидат философских наук.

Ю.Н. АСТАПОВА

КРИЗИС ВНЕШНЕГО ХРИСТИАНСТВА: СТРАТЕГИИ ЧТЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА

Современная философия, предложившая понимать культуру как текст, соединила все культуроформы, чтобы определиться с принципами их чтения. Религиозная культура и религиозное сознание как форма существования религиозной культуры заняли свое место в ряду однородных членов из других нарративов, таких как наука, искусство, мораль, политика, быденное сознание. Это положение религии стало губительным не только для самой религии, но и для всей мировой культуры.

После тысячелетней эпохи средневековья, онтологически держащейся на единственном тексте Священного Писания, задававшем единый синтаксис и семантику человеческой онтологии, сменяя друг друга, шли времена новых многоголосых дискурсов, изначально позволявших человеку увидеть истину в ее новом свете, но позже заслонивших ее совсем. Искусство, наука, мораль и политика, предлагая собственные способы реконструкции мира, позволяли человеку по-иному, по-новому, концептуализировать истину собственного существования. Так, религия со своей адаптивной немощью стала к концу двадцатого века наряду с другими лишь одним из возможных стилей мышления.

Ортодоксальная церковь, чувствуя невнимание к тому, что она проповедует, начинает активную интроспекцию с целью внутренней трансформации. Гебраизм, запоздало возрождаемый ныне, «богословие повторения»,

обращенное к старым формам христианства, часто совершенно опускающее живой христианский Дух, явились результатом явного кризиса христианской религиозности. Известный православный экклесиолог протоиерей Г. Флоровский, откликаясь на эту ситуацию, замечал, что необходима переориентация православной мысли в духе нового возвращения к патристике, восстановление святоотеческих критериев суждения в богословии¹.

Подобные стремления к обновлению характерны и для католицизма. Начиная с шестидесятых годов нашего века они проявились в известном религиозном течении аджорноменто, родоначальник которого папа Иоанн XXIII провозгласил, что Церковь не должна держаться застывших форм вопреки требованиям времени.

Словом, двадцатый век привнес в мировую культуру немало философско-религиозных проектов восстановления и реформации религиозного сознания. Однако большинство из них сложилось в рамках теологии протестантизма, не чуждой духу секулярного либерализма и чувствительной к социальным и общекультурным изменениям. Теология надежды, теология процесса, теология кризиса, политическая теология, теология «смерти Бога», теология «смерти теологии», поддаваясь современной общемировоззренческой тенденции, изучение богословия и собственно религии начинают не с центра, а с какой-либо из периферических точек. При этом ошибочно полагают, что процесс понимания религиозного текста тождествен процессу понимания любого другого культурного текста, где степень открытия нового бытия, вхождение в него, определяется степенью творческого. С точки зрения ближайшей рефлексии видно, что степень понимания новой реальности, приобщение к ней осуществляется рядом этапов. В дискурсах обыденного сознания, науки, искусства, морали, политики и так далее каждый приобщающийся изначально принужден ознакомиться с правилами существования, правилами грамматики данного культуротекста.

На первом, элементарном уровне «новичок», дилетант, столкнувшись с новой реальностью, сохраняет на некоторое время ощущение понимания ее, но с совершенной невозможностью оценить понятое. Подобно тому, как слушатель-любитель на концерте классической музыки высказывает свои впечатления в категориях «нравится» – «не нравится», «понятно» – «непонятно». Это уровень «понимающей немоты» слушателя, зрителя, читателя. Понимаю, но сказать не могу – такой фразой можно было бы выразить степень приобщенности к заданному тексту.

Дальнейшее вхождение в синтаксис и семантику текста открывают входящему новое *пространство смыслов (т. е. второй уровень)*, позволяя дилетанту перейти в новый статус «профессионала», умеющего читать по буквам, играть по нотам. Здесь уже достигнуто понимание текста с возможностью передать понятое в форме того же самого текста. Это высокий уровень приобщенности, уровень музыканта-профессионала, в совершенстве владеющего музыкальной грамотой, исполняющего симфонию Бетховена. Условно говоря, это уровень *понимаю и могу сказать словами того же текста*.

Но выше прочих в культуре оценивается *третий творческий уровень* понимания текста – уровень создателя, самого Бетховена, который не только в совершенстве владеет музыкальным языком, дающим возможность воспроизводить уже существующую музыку, но и способен открывать новую музыкальную онтологию. Здесь предполагается такое понимание текста, которое выражается как *понимаю и могу сказать своими собственными словами*.

Близость религиозного языка языку обыденности и морали скоро создает у внимающего ощущение, что путь пройден, все истины постижены. И вот уже «я – творец», «я – говорящий»; но это путь ереси, легкая дорога, ведущая неизвестно куда. Потому сегодня большую роль в христианстве

играют поздние формы протестантизма, философские интерпретации религии и сектантство, но значительно ослаблена роль изоморфного ортодоксального и католического христианства. Гибкий, открытый язык современной религии пересекается и сплавляется с политическими, этическими, экономическими нарративами, вызывая к жизни странные формы религиозности, лишённые Бога и вечности. Наслаждаясь псевдосвободой, читатель религиозного текста так и остается неподготовленным, и вольная интерпретация христианских заповедей ведет к разрушению подлинно христианской онтологии.

Религиозному тексту чужды общие правила чтения, и понимание религиозного повествования происходит в иной последовательности, если не сказать, что в прямо противоположной всем другим нарративам. То, что мы называем свободной интерпретацией Слова, что соответствует уровню, казалось бы, творческого самовыражения *понимаю и могу сказать своими собственными словами*, есть весьма слабый уровень приобщенности религиозному тексту. Это уровень ереси с ортодоксальной точки зрения, уровень «непосвященного вольнодумца», уровень, где еще не познаны горизонты Божественного. Именно эта творческая самонадеянность человека позволяет ему безмерно увеличивать дистанцию со Словом.

Но ни у православного, ни у современного католика, ни у протестанта нет ничего значимее Священного Писания. Религиозный текст задает жесткую дисциплину. Феноменологически любая религия требует постоянной опоры на текст, обращенности к нему, хранения этого текста. И в этом смысле понятна величина культовой фигуры служителя алтаря, священника, пастыря. Священник – знаток синтаксиса и семантики религиозного языка. Близость его речи языку Писания несомненна. Он «понимает и может сказать словами того же текста». Столь серьезное проникновение в религиозную онтологию ставит его в пограничное положение в культуре: он должен быть толмачом всякого религиозного повествования, переводчиком на известный непосвященному язык, он должен показать принципы существования религиозного дискурса, отвечая в первую очередь за сохранение риторики Божественного, невыразимой и непередаваемой ни на какие другие языки. Священник абсолютно привязан к первоисточнику и непреклонен в том, что заповедано, а потому догматизм является основой его жизнеорганизации. Удержание Слова в его чистоте, таким, как оно сказано, – вот что является грандиозной ролью Церкви и священнослужителей в культуре. Итак, священник представляет такой уровень понимания текста, который требует беспрекословного следования этому тексту. Но в принципе догматизма еще нет прорыва в бесконечное, в то, с чем имеет дело религия.

В религиозном тексте прочитывается Бог. Согласно первичным религиозным представлениям Слово принадлежит Богу и тождественно Богу, но также Слово хранит в себе Бога. Принимая Откровение, читатель вмещает такие связи и значения, через которые раскрывается Божественное бытие. Приобщенность к религиозному тексту, достигаемая через догматизм, дает возможность попасть в пространство религиозного, и только оттуда начинается творчество в религии. Точнее, сотворчество, соучастие является высшим уровнем понимания религиозного текста. В христианской традиции оно определяется степенью воплощенности Слова и в своем высочайшем выражении соответствует святости. Святой, он уже не просто внимающий или говорящий по Писанию, он соучастник Божественного процесса, причастный к тайне. Он знает то, что передается только высшей молитвой – молчанием. Замолкает речь, растворяется текст. «*Понимаю, но сказать не могу*», – говорит посвященный. Многословие и суетность сменяются безмолвием любви. Автор «Ареопагитик» описывает этот путь: «По мере восхождения от дольного мира к запредельным вершинам речь моя становится немногословной, дабы по достижении конца пути обрести полнейшую бес-

словесность, всецело растворившись в Божественном безмолвии»². Так религиозная онтология размывает границы своего языка.

За длинную историю умного человечества в сущности мало что изменилось. Хотя поменялось положение религии в культуре, путь веры по-прежнему долог и труден. В сравнении с другими сферами самореализации человека постижение религиозного дискурса является наиболее сложной работой. Обманываясь легкостью чтения религиозного текста, еще не познав Божественного, человек быстро ощущает себя причастным к религиозной истории и распространяет свою неудержимую свободу интерпретаций, воспринятую из других дискурсов культуры, на религию. К особому языку религии, хранящему изначально невыразимое, начинают применяться принципы приобщения, усвоенные пониманием других текстов культуры. Тем самым искажается и разрушается религия. Предполагается, что свобода и творчество в религии возможны, впрочем, как и в других языковых пространствах, только после освоения правил существования самого языка. Но подлинно религиозное творчество совпадает с воплощением Слова, с преодолением Тела Слова как языка, текста, речи. Воплощенное, Живое Слово уже никак невыразимо, оно равно молчанию. В святости раскрывается жизнь Слова. Путь к ней лежит через священство от непосвященности.

В реальном мире человека иллюзорная близость религиозной истины заслоняет даль пути ее постижения. Вся история христианства есть история отдаления от самого христианского текста. А потому для нашего времени совершенно закономерна потеря религиозного напряжения. В этой связи становится значима роль экуменического движения в современном мире. «Церковное единство в наше время – это ананке, неотвратимая судьба», – цитировал слова патриарха Афинагора О. Клеман³. Но сложно признать экуменизм в обычном понимании этого идейного течения. Экуменизм как сближение и объединение всех христианских исповеданий на основе Живого Духа, что прописано в его идеологии, близок к идее создания метарелигии, которая опиралась бы на существующие уже формы христианской религиозности, преодолевая при этом видимые искажения религиозного текста. Экуменизм есть попытка создать новый текст, который бы включил в себя все другие объединяемые тексты, оставив за скобками конфликтные трудности и разночтения. И пока экуменизм является социально-политической акцией, он посягает на то, чтобы быть неким метатекстом христианства. Онтологически он является результатом умножения интерпретаций христианства. Хотя Тело Слова во всяком его переводе хранит Бога и Живой Дух. Поэтому вопрос экуменизма – это только вопрос нашего понимания, нашего приближения к религиозным истинам, разнообразие прочтений которых исключительно, но оно сохраняется внутри нераздельной Церкви.

В действительности, чтобы оказаться с Христом здесь и сегодня, нужно стать чувствительным к историческим событиям евангельского времени, и чтобы слышать Откровение так, как оно звучало изначально, нужно идти не через умножение уже существующих традиций чтения христианского текста, а тем естественным путем, каким шла трансформация христианства. Но идти в обратном направлении, отправляясь из настоящего момента к вечно говорящему прошлому. Все реальные формы христианства могут пониматься в этом случае как хранилища Слова, и учиться понимать Слово можно, приобщаясь к каждой из конфессий, начиная с самой близкой и более понятной нам протестантской Церкви, двигаясь по поверхности католицизма к наиболее древней форме христианства – православию, хранящему духовную высоту христианских истин. То есть экуменизм возможен и значим, но не как параллельное, а как последовательное соединение Церквей, дающее возможность движения в пространстве христианского текста. Единство требует не осуществления, а демонстрации.

Близко к этому размышление О. Клемана: «Если взглянуть на три исторические ветви христианства – Православие, Католицизм и Протестантизм, нельзя не подметить связующей их сложной диалектики, отводящей каждой из ветвей в определенном смысле ключевую роль. Весь опыт моей веры говорит мне, что осью окончательной интеграции станет Православие, потому что это духовная ось <...>. Обратимся теперь к движению протестантизма: оно составляет в каком-то смысле профетическую роль Церкви. Реформаторы не хотели расколоть Западную Церковь. Они хотели ее реформировать. Будучи отвергнутыми – да и могло ли быть иначе при отсутствии духовной «православной» оси – они словно раскрыли исторические скобки, которые закроются, когда Рим, вернувшись к своим «восточным» корням, сможет ответить на их запросы, при этом не растворяя в них тайны Церкви. <...> Что касается Рима, он является осью исторического воплощения Церкви вселенской. Только он может помешать протестантизму раствориться в истории и Православию окаменеть за пределами истории. Он нуждается в духовной «православной» оси, дабы ответить на требования Реформы, не «протестантизируя» себя в дурном смысле слова. И Православие нуждается в нем, чтобы найти пространство для воплощения...»⁴.

Упования прошлого на осуществление «высшего синтеза», поиск единого связующего звена, общего начала мира перекрываются задачей сегодняшнего дня найти способы деления мира, способы фиксации различий среди вещей и явлений. И в этом смысле для христианства перед лицом культуры неизмеримо важна демонстрация специфики его текстов. Противостояние мнению, что жизненный цикл христианства подходит к своему завершению⁵, возвращение религии к тому, что она есть, возможно лишь через осознание особенности религиозного языка, который тем более становится доступен, чем более выражен отказ говорящего от самовыражения. Но малопонятны и глубоко не признаны ортодоксальные формы религиозности из-за жесткости и закрытости их языка. Ради возвращения евангельской веры человеческому сознанию придется проделать обратный путь, в некотором роде путь от ереси к ортодоксии. Необходимо ясно представлять, что путь восстановления религии в культуре подобен особому пути приобщения к религиозному тексту.

¹ См.: Блейн Э. Завещание Флоровского // Вопросы философии. 1993. № 12.

² Послание к Тимофею Святого Дионисия Ареопагита. О таинственном богословии // Историко-философский ежегодник 90. М., 1991. С. 224.

³ Клеман О. Беседы с патриархом Афинагором // Логос. 1992. № 47. С. 85.

⁴ Там же. С. 98–99.

⁵ См.: Freixedo S. Por que agoniza el cristianismo. Algar, 1984.

Астапова Юлия Николаевна – аспирантка. Научный руководитель – кандидат философских наук С.Г. Савина.

Е.А. МАТЫС

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие законодательной власти многогранно, что подтверждают ведущие уже на протяжении многих лет дискуссии о ее характере и эффективности. Противоречия возникают из-за отличий во взглядах на ее сущность и значение для общества. Исторически сложился целый ряд подходов к анализу законодательной власти и пониманию данного феномена в общественно-политической жизни.

С методологической точки зрения существуют две основные формы анализа законодательной власти. Во-первых, исследование может осуществляться с помощью определенной единицы измерения, в качестве которой могут выступать индивид, социальные группы, социум, политический институт или другие показатели. Анализ осуществляется с точки зрения взаимного влияния определенного фактора и законодательной власти. В этом случае говорят о проведении исследований с помощью субстанционального, социологического, нормативного, нормативно-ценностного, функционального, антропологического, психологического, бихевиористского, институционального и ряда других методов. Согласно второму методологическому направлению исследование законодательной власти происходит в рамках определенной теоретической модели, в которой по возможности учитывается вся совокупность основных факторов, влияющих на деятельность законодательной власти, при этом соответственно идет речь об использовании системного и структурно-функционального методов.

Одновременно при анализе законодательной власти, как и в целом в политической науке, не теряют своей познавательной ценности и широко используются в качестве базисного инструментария общелогические и эмпирические методы исследований. К общелогическим относят анализ и синтез, индукцию и дедукцию, абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному, сочетание исторического и логического анализа, мысленный эксперимент, математическое, прогностическое, кибернетическое моделирование и др. Общелогические методы особенно широко используются в рамках традиции, связанной с построением теоретических моделей. Эмпирические методы в основном заимствованы из социологии, кибернетики и некоторых других наук. К ним относится использование статистики, анализ документов, анкетный опрос, лабораторные эксперименты, теории игр, наблюдение, осуществляемое исследователем, являющимся непосредственным участником реальных политических событий, или же наблюдение поведения людей, находящихся в условиях экспериментальной ситуации, и др. Названные методы нашли значительное распространение в исследованиях законодательной власти, поскольку дают возможность получить базовую информацию по таким важным вопросам, как, например, количество принимаемых законов, число депутатов законодательного органа, помогают

описать структуру парламента, число его комитетов, подкомитетов и комиссий, что в целом позволяет составить некоторое представление об эффективности деятельности законодательного органа и провести его первоначальный анализ.

Для каждого исторического этапа характерно превалирование тех или иных методов, образующих определенный методологический подход политологических исследований при анализе политической системы и, в частности, законодательной власти. В классический период, начавшийся с момента появления первых рассуждений о законодательной власти в античности и продолжавшийся до XIX в., законодательная власть в основном рассматривалась с помощью общелогических методов, часто использовались дедуктивный, логико-философский, а также морально-аксиологический подходы. В дальнейшем, в XIX – начале XX в., в институциональный период законодательная власть разбирается при помощи историко-сравнительных и нормативно-институциональных методов. В 20–70-е гг. в рамках бихевиоралистского периода для анализа законодательной власти стали активно применяться эмпирические количественные методы. Начиная с последней четверти XX в. продолжается постбихевиоралистский период, когда к исследованиям законодательной власти начинает широко применяться системный метод.

Обращаясь к рассмотрению основных форм анализа законодательной власти, можно установить, что в соответствии с традицией исследований, когда за основу берется какая-то отправная точка, единица измерения, законодательная власть может рассматриваться через призму множества ранее приведенных показателей (человек, социальные группы, социум, политический институт и т. д.). В случае выбора в качестве единицы измерения социального пространства законодательная власть может определяться как одна из точек напряжения, которая выполняет свою организующую роль путем установления определенных норм и правил общежития. Наиболее характерным примером и достаточно распространенным способом подобного анализа законодательной власти является институциональный подход, в рамках которого вся политическая система и законодательная власть рассматриваются, отталкиваясь от институциональной составляющей.

С точки зрения упомянутого подхода государство является центральным, или осевым, институтом политической системы и обеспечивает целостность и единство разнообразных институтов и учреждений, выполняющих различные функции управления. В таком случае законодательная власть тесно увязывается с государственным институтом, выполняющим нормотворческие функции: с представительным органом, называемым «парламентом». Данный подход сохраняет свою актуальность и используется в настоящее время как политической, так и юридической науками, поскольку четко очерчивает предмет исследования. Однако парламент представляет собой орган, тесно взаимодействующий с другими институтами политической системы, в связи с чем ее рассмотрение в рамках концепции разделения властей расширяет область исследования. Данное понимание законодательной власти акцентирует внимание на важной, но не единственной законотворческой функции парламента. Причем в процессе подготовки и принятия законов участвует также исполнительная власть, партии, другие субъекты политической системы. Поэтому в данном случае для характеристики парламента как политического института подходит более узкое по своему содержанию, но лучше отражающее сущность понятие «законодательного органа» или «органа законодательной власти».

Логичным развитием смещения в сторону комплексного рассмотрения законодательной власти является изучение ее как некоей идеальной субстанции, определенного круга властных полномочий, концентрации власти, результатом функционирования которой являются все общеобязательные

нормативные акты государственного значения. В данном случае законодательная власть берется как целостная система и изучаются ее составляющие части. При этом исследуются такие аспекты, как степень субъекта на право издавать постоянные и временные законодательные акты, влиять на процесс законотворчества, выходить с законодательной инициативой, блокировать принятие законов, иначе определять нормотворческую деятельность.

Данная трактовка законодательной власти тесно связана с системным методом политического анализа, суть которого состоит в рассмотрении политики как целостного, сложно организованного, саморегулирующегося механизма, находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через вход и выход системы. Политическая система имеет как внутреннюю, так и внешнюю среды, формирует эти среды и сама создается ими. Указанная система включает набор институтов, занимающихся формированием и осуществлением коллективных целей общества, и обладает верховной властью. Решения политической системы обычно поддерживаются посредством законного принуждения³.

Главная ценность данного подхода состоит в том, что, в отличие от до-системных методов, он имеет своей целью не описание объекта посредством изучения его отдельных свойств, а выявления механизма «жизни»⁴. «Системный подход дает возможность связать воедино два уровня политики: макроуровень (деятельность государственных органов) и микроуровень (деятельность личностей и групп)»⁵, позволяя проанализировать взаимосвязь законодательной деятельности с социально-политическими процессами. Согласно системному подходу понимания политики законодательная власть является неотъемлемым функциональным и образующим компонентом в рамках любой политической системы.

В соответствии с системным подходом «разработка норм-законов» является одной из базовых функций на «выходе» любой политической системы. В результате чего поэтапно разрабатываются законы, нормативные акты, посредством которых законодательная власть принимает участие в формировании проводимой в обществе политики.

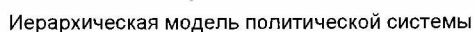
Нормативно-регулятивная подсистема является составляющей структуры политической системы наряду с институциональной, информационно-коммуникативной, и ее основу составляют различные нормы, среди которых важное место занимают регуляторы, вырабатываемые законодательной властью.

Нормы определяют наиболее существенные моменты функционирования субъектов политической системы, регулируют потоки превращения интересов в политические решения, а также их исполнение, оценку эффективности и значения для общества. Законы обуславливают порядок деятельности основных институтов политической системы, регулируют протекающие в ней процессы. Кроме того, нормы-законы устанавливают правила общественной жизни, определяют климат в экономической, социальной, культурной сферах общества.

В рамках системной методологии институциональная составляющая законодательной власти показывает, какие институты, как и каким образом взаимодействуя между собой исполняют нормотворческие функции. Данную функцию, как правило, выполняют законодательные, а также исполнительные и судебные органы, механизмы взаимодействия которых в различных политических системах могут существенно отличаться.

Пользуясь системным методом, можно определить законотворческую деятельность в целом как форму деятельности, в результате которой некоторые требования, желания, потребности, запросы формулируются и переходят в ранг законов, т. е. норм, обязательных для всеобщего исполнения. Вся государственная машина и политическая система являются гарантами

Своеобразным синтезом системного взгляда на законодательную власть в политической системе и отображения институциональной составляющей является иерархическая схема политической системы. Ценность модельных объяснений состоит в том, что они помогают открыть законы исследуемого объекта⁶. Представленная модель политической системы отображает целостную схему, находящуюся в тесном взаимодействии с окружающей средой. В данной модели политическая система структурирована, включает части и подсистемы разной сложности, составляющие их элементы и отношения между ними.

Микроуровень призван содействовать процессам артикуляции потребностей общества, улучшать его взаимосвязь с двумя высшими уровнями политической системы. Данная ступень включает различные общественные группы, политические и неполитические организации и движения, граждан-

ские инициативы. Демократические политические системы характеризуются хорошо развитым и эффективно действующим микроуровнем.

Средний уровень системы, объединенный с высшим, составляет его периферию и включает органы и аппараты региональной и муниципальной администрации, органы самоуправления, вертикаль, профсоюзы, крупные предприятия. Структуры среднего уровня служат связующим звеном между макроструктурами политической системы и обществом, передают импульсы государственных центров власти обществу и ответные реакции инициаторам политики.

Законодательная власть в представленной схеме находится на высшем уровне политической системы и часто трактуется современной наукой как возможность и «исключительное право издавать нормативные акты, которые обладают высшей силой, т. е. законы. Этой власти дано право решать ключевые государственные дела – принимать бюджет, финансовые законы и контролировать действия исполнительной власти – правительства»⁸. Поэтому такую роль определения общественной политики могут выполнять только органы, наделенные самой высокой компетенцией.

Для понимания сущности законодательной власти особое значение имеет рассмотрение эволюции ее структур. Исторически законодательная власть, становление ее структур прошло несколько основополагающих этапов, каждый из которых внес свой определенный вклад в формирование существующих органов и систем законодательной власти.

I. Зарождение представлений о законодательной власти как об одном из видов государственной деятельности и возникновение целого ряда государственных институтов, выполняющих законодательную функцию, произошло в античный период. Мыслители того времени считали целесообразным разделение государственной власти по функциям и по институтам.

II. Развитие представлений о законодательной власти и совершенствование ее структур в эпоху Средневековья, привнесение принципа представительства. Система государственного устройства в средневековье имела специфические особенности и определенные преимущества в сравнении с античной. К ним в первую очередь можно отнести принцип представительности, понимаемый как наделение отдельных личностей правом представлять определенное количество населения. «Свое наиболее явное выражение этот принцип нашел в сословно-представительных собраниях, которые в период с конца XII по конец XV в. в разное время возникли почти во всех странах средневековой Европы»⁹.

III. Появление, апробирование и совершенствование механизма законодательной власти в рамках теории разделения властей с учетом опыта демократий античности и сословно-представительных собраний средневековья. С XVIII в. появляются государства, в устройстве которых в той или иной степени присутствует реальное разделение властей.

Третий этап условно можно также подразделить на три периода:

3.1. Становление представлений о законодательной власти и установление ее структур в классической форме на институциональном уровне в Новое время. В данный период была концептуально сформулирована и получила широкое распространение теория разделения властей, аргументирующая наличие самостоятельной законодательной власти.

3.2. Создание классических представлений о законодательной власти, их шлифовка, поиск оптимального соотношения между властями в XIX – первой половине XX в. В данный период законодательный орган приобретает свои основные черты. По средствам расширения избирательного права парламент утверждается как представительный орган, идеал которого был сформулирован ранее.

3.3. Совершенствование механизма взаимодействия властей с учетом изменяющихся исторических условий, адаптация принципа разделения

властей в странах третьего мира и на постсоветском пространстве в настоящее время. Во второй половине XX в. объем и функции законодательной власти значительно возросли. Законодательные органы, особенно в плюралистических системах, оказывают большое влияние на процесс формирования политики.

Несмотря на то что за парламентами закрепляется определяющая роль в законотворческом процессе, в последние десятилетия также возрастает значение исполнительной власти. В конце XX в. общественные процессы значительно усложнились. Исполнительная власть, располагающая большим аппаратом, отслеживающим данные изменения, имеет лучшие возможности в поиске средств регулирования сложной общественной жизни. По этой причине демократические законодательные органы сегодня чаще рассматривают, изменяют, отклоняют предложения исполнительной власти, чем сами выходят с законодательной инициативой.

Подводя итог рассмотрения законодательной власти как объекта исследования, надо сказать, что исторически законодательная власть выделилась в обособленную ветвь постепенно, в ходе эволюции политических систем. Каждая эпоха вносила свои принципы осуществления нормотворческой деятельности, что способствовало становлению законодательной власти в современном виде.

В целом для мирового развития в последние десятилетия характерна глобализация законотворческой деятельности. В настоящее время набирает обороты процесс создания механизмов унификации мирового законодательства, учреждения надгосударственных законотворческих органов, например, межпарламентских ассамблей, принятия конвенций, работы в рамках международных организаций, появления региональных парламентских структур, таких как Европарламент. В данной системе очевидно распределение законодательной власти по уровням мировой политической системы. Если к первому уровню отнести межгосударственные законодательные учреждения, то в последнее время они усиливают свои позиции. Одновременно можно сделать вывод о некотором ослаблении влияния законодательных органов отдельных государств в силу перераспределения властных полномочий в пользу межгосударственных парламентских организаций и усиления тенденций делегирования части прав в области законотворчества местному, региональному уровню политической власти¹⁰.

¹ См.: Smith B., Johnson K., Paulsen D., Shocket F. Political Research Methods: Foundation and Techniques. Atlanta, 1976. P. 3.

² Котелевская И. В. Современный парламент // Государство и право. 1997. № 3. С. 5.

³ См.: Gabriel A. Almond, G. Bingham Powell, Jr. Comparative Politics Today: A World View, Sixth Edition. Harper Collins College Publishers, 1996. Ch. 2. P. 23, 24.

⁴ См.: Дыльнов Г. В., Шабалин В. А. Социальный механизм законодательной власти: Вопросы методологии. Саратов, 1992. С. 55.

⁵ Антонович Н. А. Системный подход в политической науке: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Бел. гос. ун-т. 1998. С. 15.

⁶ См.: Никитина А. Г. О том, «как возможна» наука политология. Становление и основные методологические проблемы // Полис. 1998. № 3. С. 153.

⁷ Политология: Энциклопедический словарь / Ред. и сост. Ю. А. Аверьянов. М., 1993. С. 275.

⁸ Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. М., 1999. С. 130.

⁹ Гутнова Е. В. Сословно-представительские собрания средних веков и проблемы «демократии» // Власть и политическая культура средневековой Европы. М., 1992. С. 166.

¹⁰ См.: Шугрина Е. С. Вопросы функционирования представительной власти на местах // Полис. 1998. № 4. С. 157–162.

Матыс Елена Анатольевна – аспирантка. Научный руководитель – доктор политических наук С. В. Решетников.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРОЦЕССЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В НАЧАЛЕ 90-х гг.

Одной из важнейших стратегических задач политического руководства объединенной Германии в начале 90-х гг. стало определение основных направлений и приоритетов внешней политики единого немецкого государства. Изменение места и роли ФРГ в системе международных отношений потребовало от германского руководства выработки принципиально новой внешнеполитической концепции.

Западногерманское руководство во главе с канцлером Г. Колем еще накануне объединения неоднократно подчеркивало свое стремление, во-первых, сохранить объединенную Германию в рамках евроатлантической структуры безопасности, т. е. решить вопрос о внешнеполитической ориентации страны путем механического включения территории Восточной Германии в сферу военной ответственности НАТО, и, во-вторых, распространить действие Римского договора 1957 г. на восточные земли. Аналогичных позиций придерживались западногерманские социал-демократы и правоцентристское крыло партии "зеленых". Против участия в НАТО и ЕС выступали лишь представители маргинальных ультралевых, ультраправых и пацифистских группировок, которые не имели реальной возможности оказывать влияние на принятие политических решений¹.

В политических кругах Бонна особых разногласий относительно места и роли объединенного немецкого государства в системе международных отношений не существовало, а предложение левого крыла партии "зеленых" о выходе Германии из НАТО и роспуске бундесвера воспринималось исключительно как проявление идейного экстремизма. В бывшей же Германской Демократической Республике и политическая элита, и значительная часть общества поддерживали идею демилитаризации будущей объединенной Германии и выступали за ее нейтральный, внеблоковый статус.

Антивоенные призывы нашли отражение в предвыборных программах большинства восточногерманских политических партий. Так, накануне первых свободных выборов в Народную палату, которые состоялись 18 марта 1990 г., представители социал-демократической партии декларировали свое стремление к ликвидации в долгосрочной перспективе всех военных блоков путем создания общеевропейской структуры безопасности. За "объединенную Европу, свободную от оружия и армий", выступали также лидеры либерального Союза свободных демократов Р. Ортлеб и Б. Менцель. Идею демилитаризации обоих немецких государств, их нейтралитета, роспуска военных блоков, всеобъемлющего разоружения выдвигали восточногерманские зеленые, блок правозащитных организаций "Союз-90", Национально-демократическая и Демократическая крестьянская партии².

Неучастие будущей объединенной Германии в военных блоках и разоружение предложили восточногерманским избирателям в качестве основных постулатов своей внешнеполитической концепции руководители Партии демократического социализма Г. Гизи и Х. Модров, которые выступали за постепенное объединение страны в форме Германского союза в рамках процесса европейской интеграции.

Единственной политической силой, которая не декларировала свое стремление к нейтралитету, был блок восточногерманских христианских демократов и двух маловлиятельных консервативных партий, получивший название "Альянс за Германию". Основным участником данного блока – Христианско-демократический союз, поддержанный федеральным правительством и лично канцлером ФРГ Г. Колем, обещал избирателям провести демилитаризацию ГДР путем сокращения восточногерманской армии и осуществления до 2000 г. крупномасштабной программы разоружения, а также

призывал к созданию европейской системы безопасности с участием в ней единой Германии⁴.

Консервативный партнер христианских демократов – Германский социальный союз, лидеры которого ориентировались на партийные установки баварского ХСС, выступал за сохранение принципа евроатлантического партнерства во внешней политике объединенного государства. Примечательно, что лидеры движения “Демократический Перелом” (третьего участника блока правых партий) В. Шнур и пастор Р. Еппельманн придерживались кардинально противоположных убеждений и высказывались за неучастие единой Германии в военных блоках, что, однако, не стало препятствием для их политического союза со сторонниками включения территории ГДР в зону ответственности военно-политического блока НАТО⁵.

При анализе предвыборных программ восточногерманских партий накануне первых свободных выборов 1990 г. необходимо обратить внимание на следующие особенности их внешнеполитических лозунгов:

- все политические силы ГДР высказывались за интеграцию немецкого объединенного государства в структуру Европейского сообщества.
- до выборов ни одна из партий прямо не заявляла о своем стремлении сохранить объединенную Германию в НАТО.
- идея демилитаризации территории Восточной Германии в той либо иной форме присутствовала в программах всех политических сил.

Вышеперечисленные позиции являлись основой внешней политики последнего коммунистического правительства ГДР во главе с Х. Модровым, которое находилось у власти в ноябре 1989 – апреле 1990 г.

Однако результаты выборов 18 марта 1990 г. радикальным образом изменили ситуацию. Новое руководство страны ориентировалось исключительно на внешнеполитическую линию боннского правительства, которое стремилось как можно быстрее осуществить присоединение Восточной Германии к ФРГ и сохранить будущее единое немецкое государство в структуре НАТО, принципиальным противником чего являлся Советский Союз. При этом необходимо отметить, что если до смены власти в Берлине Москва могла рассчитывать на полную поддержку в данном вопросе со стороны правительства ГДР, то новый восточногерманский министр иностранных дел, член ХДС М. Меккель однозначно следовал указаниям из Бонна⁶.

Данное обстоятельство фактически изменило расстановку сил на переговорах об условиях германского объединения: представители ГДР, ФРГ и трех западных держав выступили единым фронтом против предложений Советского Союза предоставить объединенной Германии нейтральный статус. Вследствие этого к июлю 1990 г. советское руководство было вынуждено дать согласие на сохранение единого немецкого государства в НАТО в обмен на незначительные уступки и финансовую помощь со стороны Бонна.

Внешнеполитическую линию нового берлинского руководства поддерживала значительная часть населения ГДР. “Альянс за Германию” получил 48,1 % голосов избирателей, преимущественно жителей сельских районов и маленьких городов, где и в годы социалистического режима антивоенные лозунги не были популярны⁷.

Однако более половины восточногерманских избирателей отдали предпочтение партиям, которые выступали за роспуск военных блоков и нейтралитет ФРГ. Из них почти 20 % голосов в сумме набрали Партия демократического социализма, “Союз-90” и “зеленые”, предлагавшие наиболее радикальные антивоенные и пацифистские лозунги, при этом антивоенные призывы левых партий получили наибольшую поддержку у молодых избирателей – жителей крупных городов⁸.

Первые свободные выборы обозначили устойчивую тенденцию в политическом развитии Восточной Германии – значительная часть населения

этого региона демонстрировала устойчивые антивоенные настроения и не поддерживала внешнеполитическую линию боннского правительства, направленную на усиление роли ФРГ в системе евроатлантической безопасности и постепенную милитаризацию объединенного германского государства. В последующие годы данная позиция стала неотъемлемым атрибутом политической культуры новых земель и оказала существенное влияние на дальнейшее развитие общественных процессов в этом регионе.

Непосредственное политико-правовое оформление единого германского государства и стремительная трансформация социально-экономической структуры Восточной Германии временно оттеснили проблему несоответствия внешнеполитических взглядов части населения новых земель официальному курсу Бонна на международной арене. Уже в ходе первых общегерманских выборов, состоявшихся 2 декабря 1990 г., предметом острой дискуссии был вопрос о возможности участия частей немецкого бундесвера в миротворческих военных операциях за пределами страны. Именно указанная проблема в дальнейшем станет ключевым моментом разногласий между федеральным правительством Германии и региональной политической элитой новых земель.

Основной закон ФРГ 1949 г. запрещал использование вооруженных сил страны вне ее территории. Однако уже в первые месяцы 1991 г. в связи с началом международной военной операции против Ирака под эгидой ООН в боннских кругах стала стремительно набирать популярность идея изменения формулировки соответствующей конституционной статьи. Иная трактовка статьи позволила бы объединенной Германии наряду с другими членами НАТО участвовать в международных военных операциях по поддержанию мира.

Наиболее последовательными сторонниками пересмотра Основного закона выступили представители ХДС–ХСС, которые полагали, что суверенное немецкое государство должно обладать такими же международными правами, как и другие независимые страны. В частности, подобный подход был изложен в интервью журналу "Морген" от 23 марта 1991 г. экспертом по внешнеполитическим вопросам христианско-демократической фракции бундестага К. Ламерсом, который заявил, что решение этого вопроса является крайне важным для статуса объединенной Германии в европейской и мировой политике⁹.

Схожего мнения придерживались и многие другие политики. Однако правительство Г. Коля в ходе операции "Буря в пустыне" предпочло ограничиться лишь посылкой солдат бундесвера в Турцию, территории которой могла угрожать опасность со стороны Ирака. Помимо этого, федеральное правительство предоставило финансовую помощь для проведения военной операции в размере 18 млрд марок. В связи с незапланированностью этих расходов в государственном бюджете боннские власти были вынуждены пойти на новое повышение налогов, что вызвало резкую критику со стороны оппозиции¹⁰.

Стремление Г. Коля заявить о претензиях объединенной Германии на активное участие в миротворческих операциях под эгидой ООН обусловило серьезную дискуссию в немецких политических кругах о возможных формах подобного участия. Правящая коалиция ХДС–ХСС продолжала настаивать на полном включении германских вооруженных сил в международную систему безопасности.

В ходе военной акции против Ирака германская позиция невмешательства вызвала негативную реакцию многих зарубежных политиков и экспертов, прежде всего из США, Великобритании и Израиля. Немецкий нейтралитет в аналогичных кризисных международных ситуациях оказался неприемлемым для партнеров Бонна по НАТО, что стало еще одним аргументом

для правительства Г. Коля при проведении политики усиления военной мощи Германии. К поддержке данной позиции склонялось и большинство социал-демократов. Однако представители парламентской фракции СДПГ в случае непосредственного участия частей бундесвера в боевых действиях за пределами страны настаивали на предварительном решении Конституционного суда ФРГ о соответствии подобного прецедента Основному закону страны¹¹.

Принципиально иной подход к определению основных направлений политики объединенной Германии на международной арене был предложен представителями Партии демократического социализма, которые опирались на поддержку населения новых земель. Восточногерманские социалисты по-прежнему выдвигали антивоенные лозунги и подвергали резкой критике внешнеполитическую стратегию федерального правительства, обвиняя канцлера Г. Коля и министра иностранных дел Х.-Д. Геншера в стремлении возродить германский экспансионизм. С точки зрения представителей ПДС, в объединенном государстве существовала значительная угроза усиления претензий правящих кругов ФРГ на военное и политическое доминирование в мире, что рассматривалось ими как проявление агрессивных внешнеполитических интересов крупного немецкого капитала¹².

Исходя из этого, Партия демократического социализма объявляла себя единственной политической силой, способной не допустить подобной трансформации германской внешней политики. Парламентская группа левых социалистов в бундестаге 12 созыва (1990–1994 гг.) во главе с Г. Гизи превратилась в наиболее последовательного и принципиального сторонника принципа нейтралитета ФРГ и ее неучастия в военных блоках. Отсутствие в высшем законодательном органе страны представителей наиболее радикальной левой западногерманской партии – “зеленых” – позволило лидерам ПДС возглавить в начале 90-х гг. антивоенную оппозицию внешнеполитической линии боннского правительства.

При этом, в отличие от представителей левого крыла партии “зеленых”, которые выступали лишь за выход ФРГ из НАТО, восточногерманские социалисты предлагали принципиально иную стратегию внешней политики, направленную прежде всего на установление партнерских отношений со странами третьего мира и прекращение их экономической эксплуатации совместно с другими западными государствами¹³.

Так, в январе 1991 г. представители Партии демократического социализма выступили с резкой критикой военной операции против Ирака, обвинив президента США Дж. Буша в развязывании войны. Один из лидеров партии А. Брие заявил, что подлинной целью “Бури в пустыне” является защита американских экономических интересов на Ближнем Востоке и демонстрация мировой гегемонии Вашингтона¹⁴. Представители этой партии осудили планы боннской правящей коалиции по созданию политико-правовой основы для участия частей бундесвера в военных действиях за пределами страны. Свою позицию по данному вопросу левые социалисты объясняли тем, что любые миротворческие операции являются лишь инструментом агрессивной политики США, осуществляемой при поддержке ООН.

Незначительное представительство радикальной антивоенной оппозиции в парламенте и неопределенность позиции основной оппозиционной партии – социал-демократов – по данному вопросу позволило правительству Г. Коля уже летом 1992 г. приступить к практическому осуществлению плана привлечения немецких вооруженных сил к проведению миротворческих операций за пределами территории страны. 15 июля 1992 г. федеральное правительство заявило об участии ВМФ ФРГ в операции ООН по блокаде морского побережья союзной Республики Югославии, которая предусматривала осуществление военного контроля за соблюдением решения ООН¹⁵.

Фактическое снятие запрета на применение немецкой армии за пределами страны вызвало серьезную критику не только со стороны парламентской оппозиции, но и многих жителей новых земель, которые продолжали придерживаться традиционных антивоенных взглядов. Новые международные инициативы боннских властей, которые пользовались полной поддержкой западногерманского общества, вызывали более чем сдержанную реакцию у значительной части населения восточной части страны.

Подобные общественные настроения были с успехом использованы представителями ПДС, которые в своей новой программе, принятой на третьем съезде партии в конце января 1993 г., фактически предложили **альтернативную концепцию внешней политики ФРГ**. При этом необходимо отметить тесную связь внешнеполитической позиции левых социалистов с актуальными экономическими и социальными проблемами населения новых земель. Внимание к жизненно важным проблемам позволило данной партии увеличить свою популярность к середине 90-х гг. в Восточной Германии почти в два раза. Партия демократического социализма требовала от федерального правительства отказаться от поддержки идеи расширения НАТО, так как включение в эту организацию лишь первых трех восточноевропейских государств потребует расходов в размере 120 млрд долл., при этом 80 % этой суммы должны будут оплатить страны Западной Европы, и в первую очередь ФРГ¹⁶. Вполне естественно, что подобное требование ПДС находило поддержку среди избирателей новых земель, склонных обвинять федеральное правительство в недостаточном внимании к социально-экономическим проблемам жителей восточной части страны.

Еще одним фактором, который левые социалисты успешно использовали в своей агитации в новых землях, было недовольство значительной части восточногерманского общества односторонней евроатлантической внешнеполитической ориентацией федерального правительства. Многие жители новых земель, которые в годы существования ГДР были тесно интегрированы в систему советско-германских связей в различных сферах, по-прежнему продолжали воспринимать Россию и другие страны СНГ как наиболее близких партнеров Германии. Данной социальной группе особенно импонировали предложения левых социалистов относительно создания новой системы европейской безопасности, в которую смогли бы войти и государства – члены НАТО, и Россия со странами СНГ¹⁷.

Исходя из анализа внешнеполитических предпочтений жителей новых земель, лидеры Партии демократического социализма выделили следующие ключевые пункты в международном разделе своей программы:

- роспуск НАТО и ЗЕС и создание новой системы коллективной безопасности путем дальнейшего реформирования ООН и усиления роли СБСЕ;
- полный запрет разработки, производства и размещения ядерного оружия на территории ФРГ;
- прекращение разработки новых систем вооружений;
- запрет на использование бундесвера за пределами Германии;
- прекращение экспорта оружия и военной помощи ФРГ другим государствам;
- отмена всеобщей воинской повинности;
- немедленное сокращение военного бюджета на 30 % и направление полученных средств на осуществление программы разоружения¹⁸.

В начале 90-х гг. восточногерманские социалисты стали основными оппонентами международной политики официального Бонна, сменив в этом качестве лидеров левого крыла западногерманской партии «зеленых». В последующие годы именно ПДС выступала с наиболее радикальной критикой действий правительств Г. Коля и Г. Шредера, направленных на усиление военного фактора во внешней политике ФРГ.

Активная поддержка нынешним левоцентристским правительством ФРГ во главе с председателем СДПГ Г. Шредером операции НАТО против Югославии обусловила дальнейшую консолидацию восточногерманских избирателей вокруг ПДС. Данное обстоятельство позволило левым социалистам претендовать на широкую поддержку жителей новых земель, более 60 % которых выступали против немецкого участия в этой военной акции¹⁹. Существенное увеличение популярности данной партии в Восточной Германии, о чем свидетельствуют итоги выборов 1999 г. в земельные парламенты Берлина, Бранденбурга, Саксонии и Тюрингии, а также значительный успех ПДС на выборах в Европарламент 13 июня 1999 г.²⁰ позволяют сделать следующие выводы:

- Антивоенные настроения восточных немцев, которые четко обозначились еще в ходе выборов в Народную палату ГДР в 1990 г., спустя десять лет после объединения позволяют ПДС – партии-наследнице СЕПГ – доминировать в политическом спектре новых земель ФРГ. Предложенная этой партией в январе 1993 г. концепция внешней политики объединенной Германии продолжает сохранять свою актуальность и в рамках нынешней международной ситуации.

- Внешнеполитическая линия правительства объединенной Германии по-прежнему не пользуется популярностью среди значительной части жителей новых земель, которые предпочитают поддерживать антивоенную позицию левых социалистов.

Таким образом, период 1990–1993 гг. стал решающим этапом в процессе выработки концепции внешней политики объединенной Германии. Наличие существенных противоречий между двумя основными подходами к определению места и роли ФРГ в современной системе международных отношений является одной из ключевых проблем политического развития немецкого государства в начале XXI в.

¹ См.: Gutjahr L. German foreign and defence policy after unification. London, 1994. P. 177–180.

² См.: Lindner B. Die demokratische Revolution in der DDR 1989/1990. Bonn, 1998. S. 139.

³ Gortemaker M. Beginn der deutschen Einigung // Brocher M., Diehl E., Faulenbach J. u. a. Der Weg zur Einheit. Deutschland seit Mitte der achtziger Jahre. Bonn, 1996. S. 31–32.

⁴ Lindner B. Указ. пр. S. 136–137.

⁵ См.: Ebd. S. 139.

⁶ См.: Терехов В. Как "закрывался" германский вопрос // Международная жизнь. 1998. № 8. С. 83.

⁷ См.: Yoder J. A. The regionalisation of political culture and identity in post-communist Eastern Germany // East European Quarterly. 1998. XXXII. № 2. P. 218–219.

⁸ См.: Jung M., Roth D. Kohls knappster Sieg. Eine Analyse der BW 1994. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1994. B. 51–52. S. 8–9, 11–12, 14–15.

⁹ См.: A "MORGEN" interview with the foreign policy spokesman for the CDU/CSU Karl Lamers, 23 March 1991 // Gutjahr L. German foreign and defence policy after unification. London, 1994. P. 206–207.

¹⁰ См.: Lehmann H. G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn, 1996. S. 472–473.

¹¹ См.: Ebd. S. 476.

¹² См.: Gegen die Herrschaftsansprüche der neuen deutschen Grossmacht – für radikale Schritte bei der Entmilitarisierung von Politik und Gesellschaft. Beschluss des Parteivorstandes der PDS. Rostock, 1992. 23 Februar. S. 13, 29.

¹³ См.: Gysi G. Rede im Deutschen Bundestag am 17.01.1991 // Die Waffen nieder! Argumente gegen Krieg. S. 31.

¹⁴ См.: Brie A. Eine 5000 Jahre alte Politik // Die Waffen nieder! Argumente gegen den Krieg. Bonn, 1991. S. 27–28.

¹⁵ См.: Lehmann H. G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn, 1996. S. 476.

¹⁶ См.: Friedlich und antimilitarisch. Gegen Internationale Bundeswehreinsätze und weitere Militarisierung der Gesellschaft. Argumentationmaterial zu fragen von Frieden, militärischer Gewalt und Militarisierung der Gesellschaft. Berlin, 1997. S. 23.

¹⁷ См.: Ebd. S. 41–43.

¹⁸ См.: Partei des Demokratischen Sozialismus. Programm und Statut. Berlin, 1997. S. 23–24.

¹⁹ См.: Die Krieg spaltet die Deutschen in Ost und West // TAZ. 13 April. 1999.

²⁰ См.: Grosser Erfolg für die PDS. Zum Ausgang der Europawahl erklärt der Parteivorstand der PDS. Berlin, 1999. 14 Juni.

Е.А. КЕЧИНА

СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

Проблемы организации, управления и изучения такой сложноорганизованной и динамичной системы как современное общество предполагают получение и анализ значительного объема информации экономического и политического содержания. Наиболее эффективным способом для получения достоверной информационной картины социальной реальности является организация социального мониторинга – непрерывного и оперативного получения данных о явлениях и процессах, происходящих в обществе. *Социальный мониторинг – это разветвленная система получения, обработки и хранения социологической и статистической информации по наиболее актуальным проблемам жизни общества.* Составными и взаимосвязанными частями названной системы являются подсистемы социологического и статистического мониторинга, имеющие одинаковые принципы организации. Методологические принципы построения и функционирования системы социального мониторинга уже изложены автором в некоторых публикациях¹, и основное внимание при этом уделялось вопросам технической реализации этой системы, разработке принципов сбора и визуализации первичной информации. При этом подчеркивалось, что важнейшей методологической задачей реализации своих функций данной системой является организация комплексной обработки статистической и социологической информации.

Под результатами такой комплексной обработки будем понимать построение системы показателей, базирующейся на информации обоих указанных видов и содержащей интегральные оценки процессов и явлений в социальной сфере. Чтобы конкретизировать и определить особенности и структуру такой системы, рассмотрим особенности статистической и социологической информации, а также специфику их взаимодействия и взаимосвязи.

Социальная статистика, как и вся статистика в целом, базируется на фундаментальном принципе массового наблюдения, изучения статистических совокупностей и выявления в них соответствующих закономерностей. Такие специфические черты статистики в целом, а значит, и социальной в частности, определяют и ее возможности в плане изучения социальных явлений. Безусловный приоритет при этом имеют массовые социальные процессы и явления, чьи особенности носят объективный характер, и, следовательно, поддаются выражению в форме количественных величин. Например, потребление населением материальных благ и услуг отражается в социальной статистике (потребления материальных благ и услуг) в виде разнообразных показателей (коэффициентов, индексов и т. д.). Получение на-

селением доходов характеризуется показателями статистики доходов и т. д. Надо отметить также, что указанные социальные статистические показатели рассчитываются не только для всего населения, но и в разрезе различных социальных групп или групп населения, дифференцированных по некоторым другим признакам. Однако все чаще возникают ситуации явной недостаточности качественно-количественных характеристик социальной сферы и процессов, в ней происходящих, именно вследствие традиционной ориентированности статистического наблюдения на объективность признаков явлений и массовости их проявлений. Становится все более насущной потребность в отклонении от традиционных методов сбора статистической информации с целью более качественного описания объектов соответствующих исследований.

Возьмем, к примеру, политическую статистику. В настоящее время как отрасль социальной статистики она проходит процесс активного формирования, и на сегодняшний день уже сформировалась структура системы показателей *политической статистики*. Она включает в себя следующие характеристики: избирательной системы и выборных органов государственной власти; органов государственного управления; партий, общественно-политических и массовых организаций; социально-политической активности, осуществления их прав и свобод; политического сознания общества; межнациональных отношений.

Как видим, часть блоков этой системы показателей формируется не за счет объективных характеристик политических процессов, а за счет учета субъективных мнений людей о некоторых социально-политических явлениях. Так, ставшие традиционными данные рейтингов политических деятелей, входящие в систему информации политической статистики, по сути, являются социологическими данными, определяемыми по вторичной совокупности. Их особенность и значимость для социальной статистики в том, что они оказывают сильное влияние на объективно наблюдаемые процессы и явления. В данном случае мы наблюдаем также переход от *макроуровня* (численность партий, движений, демонстраций и т. д., определяющих политическую деятельность населения в целом), характерного для статистических исследований, к *микроуровню*, когда данные первичных статистических исследований получают на основе опроса респондентов. Такая ситуация характерна и для статистики условий и охраны труда (работники сами оценивают степень тяжести труда), и для статистики сферы обслуживания населения (оценивается удовлетворенность качеством услуг).

Таким образом, можно говорить о формировании нового уровня статистического исследования – микроуровня, когда в качестве источников информации, первичных статистических данных выступают оценки субъективных мнений населения, получаемые в ходе социологических исследований. Такие данные и рассчитываемые на их основе показатели в перспективе все больше будут входить в практику социальной статистики, повышая качество результатов исследований в этой области. Социологические данные дают возможность не только строить на их основе простейшие (абсолютные) статистические показатели, но и включать их в более сложные по методике расчета коэффициенты и индексы.

Рассмотрим такую новую для социальной статистики междисциплинарную область, как *оценка качества населения*. Одна из методик предлагает оценивать его с помощью индекса качества населения:

$$I = \sum I_i \cdot R_i$$

где R_i – значимость i -той качественной характеристики (рассчитывается по результатам социологических обследований), I_i – индекс обобщенного показателя i -той качественной характеристики (рассчитывается на основании статистических данных).

В индексе качества населения присутствуют данные статистических и социологических исследований. При этом происходит соединение как результатов сплошного обследования (I_i), так и выборочного (R_i).

В результате мы имеем макропоказатель, поскольку «качество населения» – это категория обобщающая, не индивидуальная, а охватывающая все население. Но при вычислении данного показателя используются и данные микроуровня, т. е. мнения отдельных людей относительно значимости тех или иных аспектов качества населения.

Таким образом, можно выделить первую методологическую перспективу в построении системы показателей социального мониторинга – это сбор первичных статистических данных социологическими методами и преобразование их в статистические показатели. Развитие этого направления дает возможность рассматривать не только статистические данные как социологическую информацию, но и, наоборот, делает социологические данные неотъемлемой частью статистической системы информации.

Рассмотрим второе направление в формировании системы показателей социального мониторинга. Как уже отмечалось, сами принципы статистического наблюдения определяют и характер, специфику объекта исследования. Практически все показатели характеризуют *категории макроуровня* – уровень жизни населения, сферу обслуживания, политические процессы, структуру домохозяйств и семей, т. е. даются характеристики социальных процессов и явлений на уровне или всего населения, или его составных частей. Однако нередко возникает потребность в статистических характеристиках таких объектов, которые предполагают индивидуализацию признаков единиц совокупностей. Тогда появляются новые отрасли, например *статистика личности*², где объект исследования является *категорией микроуровня*, и именно в таком ракурсе рассматривается философией, социологией и другими науками, изучающими проблемы личности. Статистика личности дает возможность описания и получения четких количественных характеристик новой для статистики области – области жизнедеятельности людей, того, что ранее поддавалось только субъективным оценкам. Основной статистики личности является система статистических показателей, методологической базой которой является социологическая теория личности. В данном случае мы имеем синтез статистики и социологии на теоретико-методологическом уровне, т. е. на уровне разработки самой теоретической концепции этой отраслевой статистической науки. Поэтому и систему показателей статистики личности можно отнести к типу социолого-статистической информации.

Таким образом, можно говорить о формировании совершенно нового типа количественных показателей – социолого-статистической информации, которая включает в себя:

- результаты социологических исследований, представленные в виде количественных показателей;
- коэффициенты, построенные на основе таких показателей, и данные социально-экономической статистики.

При этом отбираются материалы социологических исследований, дающие значимые характеристики тех или иных статистических совокупностей, например, различных социальных групп; имеющие устоявшиеся методики определения и потому обладающие сравнимостью во времени и в пространстве.

Коэффициенты, построенные на основании социологических и статистических показателей, представляют собой, как правило, интегральные характеристики каких-либо групп людей (качество населения, тяжесть труда, удовлетворенность качеством обслуживания и др.). В целом, рассматривая совокупность таких социолого-статистических показателей, мы получаем непривычную ситуацию, когда социологические данные становятся источ-

ником статистической информации. Традиционный подход, как известно, рассматривает статистические данные как эмпирическую базу социологических исследований, т. е. как источник социологической информации.

Появление социолого-статистических показателей является результатом процесса взаимодействия социологии и социально-экономической статистики. Процессы превращения социологических данных в статистические и, наоборот, статистических данных в социологические дают возможность формировать систему социолого-статистических показателей. Такая система позволяет сочетать макро- и микроуровни в социальных исследованиях, повышая качество социальной информации.

Рассматривая в целом социолого-статистическую информацию, можно выделить две ее структурные составляющие:

- систему показателей, интегрирующую статистические и социологические показатели;

- статистические данные, относящиеся к новым отраслям социальной статистики, формирующейся на стыке различных наук, объектами исследования которых являются социальные процессы и явления, традиционно изучавшиеся на микроуровне (статистика личности, гендерная статистика). Социологическая значимость этих характеристик определяется именно спецификой объекта исследования.

Процесс формирования системы социолого-статистической информации еще только начинается и требует серьезной научной разработки принципов и методов сбора, обобщения и анализа таких данных. Образование такой системы – важнейший этап обработки и анализа информации в области социального мониторинга. Какими бы совершенными не были системы накопления и структурирования социальной информации (базы данных, различные их массивы, библиотеки, сети и т. д.), какие бы большие объемы информации они не аккумулировали, эффективность ее использования зависит от того, как эта информация будет сгруппирована, обобщена и сведена в отдельные показатели. Важнейшим свойством таких показателей должна быть их значимость, т. е. отражение главных особенностей объекта исследования.

Очевидно, что полное представление об этом объекте исследователь получает, рассматривая его с различных сторон. Использование статистических данных вместе с социологическими и дает нам возможность получить и объективные, и субъективные характеристики социальных явлений и процессов, представленные в виде интегральных социолого-статистических коэффициентов. Система социального мониторинга дает возможность реального взаимодействия социологической и статистической информационных систем, введения в практику социальных исследований информации нового типа. Разработка методологии построения социолого-статистической информационной системы – важная научная задача, имеющая междисциплинарный характер и высокую практическую значимость. В системе социолого-статистической информации система социального мониторинга находит свое логическое продолжение в виде системы интегральных количественных показателей.

¹ См.: Кечина Е. А., Елсукова Н. А. Методологический анализ социального мониторинга // Весн. БДУ. Сер. 3. 1995. № 1. С. 37–40.

² См.: Кечина Е. А. Основные принципы построения системы показателей статистики личности // Сацыялогія. 1998. № 1.

К.В. ДОБРЯНСКИЙ

ЭКСПОРТ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОДУКТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОГРЕССА ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В НОВОМ ВЕКЕ

Начало XXI в. знаменуется активным формированием так называемой "новой" экономики в большинстве промышленно развитых стран (ПРС). Происходят феноменальные качественные преобразования в институциональных структурах, составлявших основу экономического организма государства на протяжении веков, такие как количественный и качественный рост новых отраслей (информационной и биотехнологической); появление новых товаров, создание новых рынков и видов услуг (прежде всего виртуальных); качественные изменения в традиционных отраслях; глобализация производственного процесса; многократный рост объемов мирового финансового рынка и т. д.

Существенно возрастает роль новых высокотехнологичных отраслей, которые дают весомый вклад в рост ВВП развитых стран. Например, по оценке экспертов Rothschild March Resources из ожидаемого 4–5 % роста ВВП США в 2000 г. на секторы "новой" экономики пришлось 1,5–2 %. Помимо собственного роста, указанные отрасли генерируют рост в традиционных отраслях за счет снижения материало- и энергоемкости, повышения производительности труда, снижения транзакционных издержек. Например, в 1999 г. выпуск высокотехнологичной продукции и интеллектуального продукта составил 10 % от всего промышленного производства США. В то же время отрасли "новой" экономики обеспечили рост традиционных производств на 85 %¹.

Благосостояние отдельных государств все более определяется степенью их вовлечения в глобальные рынки мобильной связи третьего поколения, виртуальных услуг в сети Интернет, биотехнологических разработок, фармацевтических новшеств, другой высокотехнологичной продукции и интеллектуального продукта. Новое знание, воплощенное в этих товарах, составляет наиболее динамичный компонент глобальной экономики. Указанное обстоятельство подталкивает ПРС к переносу за границу не только экологически небезопасных производств, но и любых материало-, энерго- и трудозатратных производств. Первенство на рынках массовой продукции традиционных отраслей переходит от ПРС к новым индустриальным и развивающимся странам (НИС и РС).

Новые игроки на индустриальных рынках, как правило, располагают емким внутренним рынком (финансовая опора любого экспорта), невысокой стоимостью рабочей силы и значительными трудовыми, энергетическими и сырьевыми ресурсами. Количество производителей готовой продукции традиционных отраслей постоянно увеличивается, технология производства таких товаров становится все более доступной. Согласно информации Все-

мирового банка в 1999 г. в десятке крупнейших мировых экспортеров находились 7 стран, относящихся к категории НИС или РС. В результате складывается ситуация, когда производить низко- и среднетехнологичные товары становится все более и более невыгодно. Это подтвердил депрессионный спад 1997 г. в НИС Юго-Восточной Азии, который явился не чем иным, как кризисом перепроизводства готовой продукции традиционных отраслей. Поскольку причины, приведшие к такой ситуации до конца не преодолены, вполне вероятно его повторение с более глубокими последствиями^{2,3}.

Кардинальные изменения на мировых рынках не обошли стороной и Беларусь. Начиная с 1997 г. наблюдается сокращение экспорта практически всех категорий товаров. При этом становится очевидным, что поддержка высокотехнологичного сектора в республике осуществляется явно в недостаточном объеме, поскольку экспорт этой товарной группы (интегральные схемы, полупроводники, лампы и трубки, телевизоры, летательные и космические аппараты и их части, приборы и аппараты оптические, фотографические, измерительные, медицинские и их части, фармацевтические продукты) сократился в 1999 г. по сравнению с 1997 г. на 45 %* (рис. 1).

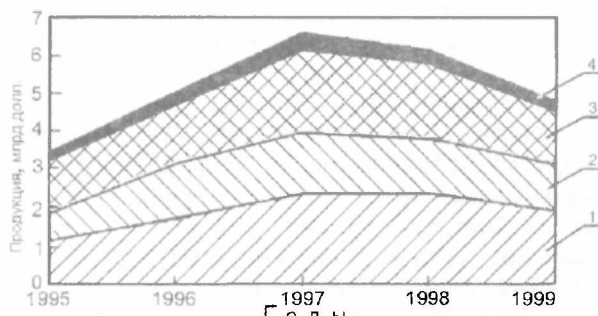

Рис. 1. Экспорт основных видов промышленной продукции Республики Беларусь, дифференцированный по уровням наукоемкости, (млрд долл. США):
1 – низкая, 2 – средненизкая, 3 – средняя, 4 – высокая

Не внушает оптимизма ситуация с объемами экспорта интеллектуального продукта, под которым понимается оказание научных, инжиниринговых, консалтинговых услуг, разработка программного обеспечения и других высокотехнологичных услуг. В 1999 г. наблюдалось падение объемов экспорта практически всех высокотехнологических услуг, что говорит о том, что в

республике до сих пор не начался процесс замещения индустриального уклада укладом постиндустриальным, с характерным для этого замещения процессом "софтизации" экономики, т. е. повышением роли не вещественных, интеллектуальных факторов производства, углублением информатизации общества, расширением сферы услуг⁵ (рис. 2).

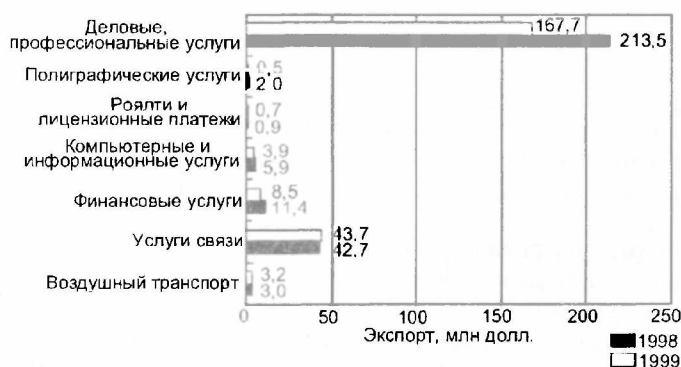

Рис. 2. Экспорт высокотехнологичных услуг (интеллектуального продукта) Республики Беларусь, тыс. долл. США
(*за вычетом услуг по переработке нефти)

Обострение конкуренции на внешних рынках сбыта основных экспортных отраслей белорусской экономики (машиностроения, химии и нефтехимии) привели к чрезвычайно болезненным последствиям для всего народно-хозяйственного комплекса. Все более насущной для Республики Бе-

ларусь становится задача переориентации имеющихся производств на выпуск высокотехнологичной продукции, развитие ориентированных на экспорт пионерских секторов и отраслей промышленности. При этом Беларуси

нет необходимости повторять вслед за ПРС весь путь постиндустриального развития, а необходимо перейти к внедрению технологий "новой" экономики, позволяющих увеличить эффективность производства не на 20–30 %, а в несколько раз.

Беларусь располагает необходимым для этого кадровым и технологическим потенциалом⁶. Однако указанные позитивные факторы и наличие потенциала сами по себе не обеспечат наращивания экспорта, а тем более – качественных перемен в структуре внешней торговли. По нашему мнению, для укрепления позиций Беларуси на рынках пионерских секторов мировой экономики необходима реализация комплекса макроэкономических мероприятий, которые можно сгруппировать в несколько блоков.

В рамках первого блока *институциональных реформ* необходимо:

1. Провести ускоренную реструктуризацию и приватизацию промышленных предприятий и научно-исследовательских институтов, занимающихся прикладными научными исследованиями и разработками⁷.

2. Инициировать создание горизонтально- и вертикально-интегрированных финансово-промышленных групп прежде всего в отраслях электроники, оптического приборостроения, металлургии, транспортного и сельскохозяйственного машиностроения⁸. В рамках сформированных хозяйственных объединений необходимо:

- сориентировать имеющийся комплекс традиционных машиностроительных отраслей на экспорт высокотехнологичной продукции, включая специальные транспортные средства, оборудование трубопроводного транспорта, высокоточные металлорежущие станки, оборудование для нетрадиционной энергетики, химической промышленности;

- расширить внешнюю экспансию комплекса производства аппаратного обеспечения информационных технологий (вычислительной техники, оборудования связи и телекоммуникации) и комплекса высокотехнологичных услуг (ПО, услуги связи, услуги в сети Интернет, ремонт авиатехники, инженеринговые услуги);

- обеспечить поддержку отечественного ВПК по направлениям, которые уже сегодня имеют выход на внешние рынки (ремонт и модернизация бронетанковой и авиатехники, производство техники ПВО и инженерной техники, оптических устройств и авионики, оборудования связи).

В рамках второго блока *финансового обеспечения* технологичной перестройки экономики республики необходимо:

1. Освободить всех субъектов хозяйствования в республике от тех налогов и платежей, которые сегодня необоснованно, чисто фискально включаются ими в издержки производства, что ведет к снижению способности предприятий к проведению технического перевооружения, внедрению новых технологий^{9, 10}. С целью приоритетного развития Интернет-сферы в Беларуси необходимо отменить налог на добавленную стоимость при совершении сделок в сети Интернет, разработать и применять к интернет-компаниям специальную методику финансового анализа и бухгалтерского учета¹¹.

2. Создать систему льгот для лизинговых компаний, кредитующих закупки за рубежом новейших технологий и оборудования для образования новых конкурентоспособных высокотехнологичных производств¹².

3. Принять законодательство по созданию и функционированию венчурных предприятий, венчурного финансирования, работе биржевых и внебиржевых рынков ценных бумаг высокотехнологичных компаний, регламентации доступа на указанные рынки зарубежных инвесторов¹³.

4. Изменить требования Нацбанка по формированию резервов банков под кредитные вложения, привлекаемые для инвестиционных проектов и финансирования экспорта высокотехнологичной продукции и интеллектуального продукта.

5. Ввести специальные экономические нормативы для инвестиционных банков.

В рамках третьего, *внешнеполитического* блока необходимо использовать политические, дипломатические и иные рычаги влияния для:

- улучшения внешнеполитического и внешнеэкономического "имиджа" республики;
- вступления во Всемирную торговую организацию;
- обеспечения участия белорусских предприятий и организаций в крупных международных научных и высокотехнологичных промышленных проектах (космос, телекоммуникации, информатика, энергетика, транспорт и др.).

¹ См.: Wyatt S. Rise of high-tech leaves metals prices stalled // Financial Times. 2000. March 31. P. 24.

² См.: Иноземцев В. Призрак новой технологической катастрофы над Юго-Восточной Азией // Финансист. 2000. № 10. С. 50–52.

³ См.: Мы уже никогда не поймем этот мир // Эксперт. 1999. № 32. С. 12–16.

⁴ См.: Внешняя торговля Республики Беларусь в 1999 г. Мн., 2000. С. 14–16.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Добрянский К. В. Развитие высоких технологий – путь к устойчивому промышленному росту, оздоровлению социально-экономической обстановки в республике // Проблемы стабилизации социально-экономического развития Республики Беларусь: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 окт. 1999 г. Мн., 1999. С. 39.

⁷ См.: Добрянский К. В. Реформирование наукоемких предприятий (на примере НПО "Центр") // Формирование национальной экономики Республики Беларусь и механизм ее функционирования: Сб. науч. тр. молодых ученых. Мн., 1999. С. 62–67.

⁸ См.: Добрянский К. В., Пастушок В. А. Совместная деятельность субъектов хозяйствования как фактор стабилизации и промышленного роста // Проблемы стабилизации социально-экономического развития Республики Беларусь. Указ. пр. С. 39.

⁹ См.: Леонов М. Какие налоги нам нужны // Национальная эканамічная газета. 2000. № 54. С. 5.

¹⁰ См.: Добрянский К. В. Налоговые льготы как фактор стимулирования прикладных научных исследований и разработок, освоения прогрессивных технологий // Оптимизация системы налогообложения Республики Беларусь: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–16 дек. 1999 г. Мн., 2000. С. 80–81.

¹¹ См.: Добрянский К. В. Проблемы финансового анализа компаний электронной коммерции // Проблемы учета, анализа и статистики на рубеже веков: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 апр. 2000 г. Мн., 2000. С. 192–194.

¹² См.: Добрянский К. В. Лизинг как фактор повышения эффективности предпринимательской деятельности // Предпринимательство: проблемы и перспективы: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 апр. 1999 г. Мн., 1999. С. 307.

¹³ См.: Добрянский К. В. Главный источник валютных поступлений // Финансы, улук, аудит. 2000. № 4. С. 64–68.

Добрянский Константин Валерьевич – начальник отдела ОАО «Приорбанк».

Т.Э. ЛЕВКОВИЧ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сегодня в качестве одной из главных проблем любой переходной экономики выдвигается структурная перестройка. Решать эту задачу приходится в условиях спада производства, развивающейся инфляции, глубокого экономического кризиса. Главным итогом кризисного спада производства и проводимой экономической политики являются серьезные структурные сдвиги в производстве, в выпускаемой продукции и в распределении ресурсов. Экономический кризис, как правило, имеет положительные функции: способствует ликвидации убыточных производств, сокращению удельного веса традиционных отраслей и стимулирует развитие эффективных производств, новых отраслей, основанных прежде всего на высоких технологиях. Основной причиной кризиса многие экономисты считают сложившиеся в предыдущие годы диспропорции в отраслевой структуре.

Отраслевая структура производства может выступать как **межотраслевая, внутриотраслевая** и **межпродуктовая** (соответственно макро-, мезо- и микроструктура). К *межотраслевой* обычно относятся отрасли народного хозяйства материального и нематериального производства. *Внутриотраслевая* структура производства – это соотношение между различными подотраслями любой отрасли. *Межпродуктовая* – соотношение между отдельными видами продуктов, производимыми отраслью или подотраслью.

Отраслевая структура материального производства включает прежде всего структуру межотраслевого распределения трудовых ресурсов, отражая общественное разделение труда, и структуру производственных фондов. Она представляется удельными весами отраслей в общем объеме ресурсов или продукта.

Отраслевая структура производства постоянно изменяется и совершенствуется. В меньшей мере такие процессы затрагивают межотраслевую структуру как более инерционную и в большей – внутриотраслевую и межпродуктовую. Изменения происходят на основе всё углубляющегося общественного разделения труда, роста специализации уже существующих и создания новых производств. Причина динамики кроется в необходимости более полного удовлетворения потребностей общества, реализации достижений науки и техники, создания принципиально новых видов продукции и технологии, повышения эффективности производства. Поначалу новая продукция производится в составе существующих отраслей. С учетом значимости ее для экономики и потребности в ней общества целые группы новых производств с увеличением выпуска выделяются в отдельные отрасли, расширяя отраслевую структуру производства.

Закономерностью развития отраслевой структуры народного хозяйства является цикличность обновления технологий и отраслей. Основополагающие принципы циклического обновления отраслевой структуры экономики были сформулированы в работе Й. Шумпетера¹. Согласно его теории материальную основу изменения отраслевой структуры экономики составляют нововведения, несущие в отрасль технологический прогресс. Й. Шумпетером были выделены следующие фазы цикла преобразований:

начало цикла – появление важных технологических нововведений, приводящих к повышению прибыли и производительности труда, что способствует появлению новых отраслей и производств (возрастающая часть волны);

середина цикла – массовое распространение новых технологий на другие отрасли и сферы деятельности (достижение максимального пика волны);

окончание цикла – постепенное снижение эффективности данной группы нововведений, исчерпание возможностей роста эффективности в рамках обновленной структуры, завершение преобразований отраслевой структуры на основе данного класса нововведений (падающая часть волны).

В экономической литературе принято считать зарождением отраслей появление новых предприятий и производств и – как следствие – увеличение удельного веса в отраслевой структуре выпускаемой ими продукции. Преобразование отраслевой структуры обычно оценивается по изменению соотношения между группами однородных отраслей – макроотраслей. Однако в силу высокой агрегированности показателей теряется из виду образование новых подотраслей и производств – так называемых микроотраслей. В связи с этим представляется необходимым понятие новых отраслей расширить, распространив его на существовавшие прежде, но обновленные технически и технологически старые отрасли, так как преобладающая часть общественного продукта создается в отраслях, функционирующих сотни лет, например, в металлургии, строительстве, транспорте, торговле. Очевидно, что со сменой технологий происходят такие изменения в производ-

стве, которые равнозначны созданию новых отраслей в традиционных видах деятельности. Появляются новые поколения машин и оборудования, новые виды продукции. Менее заметна смена поколений конструкционных материалов или сельскохозяйственной продукции. Но и здесь происходят внутриотраслевые структурные сдвиги. В частности, при выведении нового сорта сельскохозяйственной продукции возникает новая подотрасль, которая отличается от прежней не только технологией, но и производимым продуктом, поскольку потребительские свойства его меняются. Изменение структуры средств производства под воздействием нововведения обуславливает изменение потребительских свойств традиционных продуктов и требует перестройки в обрабатывающих отраслях и в сфере потребления.

В течение одного цикла преобразования отраслевой структуры, как правило, успевают сформироваться подотрасли и производства, не существовавшие прежде, и происходит частичное обновление прежних макроотраслей. Полное обновление и преобразование последних в отрасли следующего цикла могут продолжаться в течение нескольких циклов.

Обновление отраслевой структуры не носит абсолютного характера, но изучение структурных сдвигов на макро- и микроуровнях необходимо для идентификации прохождения отраслевой структурой определенного цикла и фазы развития, прогнозирования тенденций структурных преобразований.

Совершенствование структуры должно быть направлено на повышение степени удовлетворения всевозрастающих потребностей общества на основе роста эффективности производства. В то же время, по мнению С.А. Хейнмана⁷, в условиях интенсификации межотраслевые структурные сдвиги являются результатом роста эффективности и одновременно обеспечивают его.

Межотраслевые структурные сдвиги оказывают влияние на эффективность производства по трем взаимосвязанным направлениям.

1. Непосредственно через преимущественное развитие отраслей, которые обеспечивают наибольший конечный результат с меньшими затратами труда, фондов, материалов (прямое влияние).

2. Через развитие ускоренными темпами отраслей, определяющих уровень технического прогресса во всем народном хозяйстве (косвенное влияние). Это дает возможность применять более прогрессивную технику, технологию, материалы, что интенсифицирует производство и повышает отраслевую эффективность.

3. Через повышение уровня пропорциональности и сбалансированности между отраслями. Это позволяет получить прирост конечного народнохозяйственного результата за счет устранения диспропорций. При структурной несбалансированности обычно наряду с недостатками одной продукции в избытке имеется другая.

Что касается циклического развития отраслевой структуры, то отраслевая структура народного хозяйства экономически развитых стран находится сейчас в начале постиндустриального цикла. Первый цикл индустриального развития характеризовался высокими темпами экономического роста, обусловленными расширением производства в традиционных отраслях на основе эффективных технологий. Второй цикл индустриализации под воздействием энергетического кризиса 70-х гг. включал преобразования, связанные с технологическими процессами ресурсосбережения. Постиндустриальный цикл связан с распространением прорывных информационных, биоинженерных, молекулярных и прочих технологий и с изменением роли человека в традиционных отраслях.

Особенность централизованной экономики бывших соцстран состояла в том, что циклическая перестройка отраслевой структуры постоянно тормозилась в середине циклов на фазе распространения технологических нововведений традиционных отраслей в связи с нехваткой ресурсов и стремле-

нием к получению максимального отраслевого эффекта. Поэтому оставались незавершенными процессы расширения доли новых и обновленных микроотраслей, что объективно вело к снижению фондоемкости производства, темпов роста валовых показателей. Новые технологии появлялись, но не становились преобладающими, циклы обновления отраслевой структуры начинались, но не завершались. В результате экономика выключилась из нормального циклического обновления структуры и стало невозможным определить, в каком цикле развития находится общественное производство.

Опыт индустриально развитых стран свидетельствует, что при изменении условий воспроизводства выход из кризиса начинается со структурной перестройки. Прежде всего, происходит динамичное инвестирование в новые наукоемкие отрасли и стабилизация или умеренный рост инвестиций в традиционные отрасли народного хозяйства.

Представляет интерес японская модель структурной перестройки промышленности. Японские предприниматели, учитывая насыщенность мирового рынка продукцией традиционных отраслей, повели политику сдерживания инвестиционной активности в традиционных сферах, сокращения там производственного аппарата, одновременно стимулировался поиск новых областей приложения капиталов как в новых, так и в традиционных отраслях. Например, металлургические компании стали вкладывать капиталы в производство материалов для электроники, новых видов керамики, оптических волокон. Налоговые кредиты и льготы предоставлялись традиционным отраслям только с целью свертывания или перепрофилирования производства. При сохранении предприятиями этих отраслей прежнего профиля производства они оказывались под жестким финансовым прессингом (им ограничивали поступления банковского кредита для расширения производства). Существенную роль играла рыночная конкуренция, которая специально усиливалась политикой правительства по снижению, вплоть до полной отмены, импортных тарифов для продукции традиционных отраслей.

В осуществлении структурных преобразований значительную роль сыграли так называемые депрессионные картели, а также картели рационализации. В депрессионных картелях предприятия и фирмы договаривались о добровольном сокращении объемов производства, сохранении лишь наиболее конкурентоспособных и эффективных производственных мощностей, а также об условиях перепрофилирования или продажи предприятия. Если перепрофилирование было невозможно, то оборудование распродавалось по частям мелким и средним предприятиям, развитию которых правительство уделяло особое внимание. Картели рационализации направляли усилия на повышение рентабельности предприятий отрасли за счет кооперации, повышения технического уровня и качества продукции.

Важной составной частью стратегии правительства, направленной на приспособление экономики к новым условиям воспроизводства, были широкие льготы для новых и новейших отраслей, приоритетность которых оценивалась по возможности быстрого наращивания экспорта, перспективам усиления конкурентоспособности отрасли на внешнем рынке и увеличения спроса на продукцию на внутреннем рынке. Фирмам прогрессивных отраслей на выгодных условиях предоставлялись различные льготы. Индустриальная политика Японии сначала была направлена на развитие трудоемких отраслей (легкая промышленность), затем на развитие капиталоемких отраслей (сталелитейная, судостроение), а позже на развитие наукоемких отраслей.

В общем теоретическом смысле структурная перестройка есть не что иное, как перелив капиталов, материальных и трудовых ресурсов из одних отраслей в другие, и происходящие в результате изменения в соотношении объемов производства различных отраслей. В развитой экономике она происходит по окончании кризиса перепроизводства, когда в период подъема

экономики вместо обанкротившихся предприятий и отраслей возникают и развиваются новые. Высвободившиеся в процессе банкротств ресурсы вкладываются в перспективные производства, сулящие прибыль в будущем.

Но для стран с централизованной экономикой характерно отсутствие свободных ресурсов, которое объясняется тем, что кризис возник не как результат перепроизводства товаров, и нельзя выделить предприятия или отрасли, производящие ненужную или излишнюю продукцию, которые разорялись бы в соответствии с законами рыночной экономики, и которые можно было бы свернуть или перепрофилировать без ущерба для народного хозяйства. Созданию такой ситуации способствовала старая система централизованного хозяйствования, имевшая цель избежать перепроизводства и связанных с ним экономических кризисов. В течение десятилетий производство детально рассчитывалось, координировалось и планировалось. В результате был создан механизм, в котором все части оказались тесно подогнаны друг к другу, каждая из них связана со многими другими и не способна обособленно существовать. Поэтому спад производства происходил в форме тотального обвала экономики. Он не мог привести к вычленению отдельных предприятий и их автономному банкротству. Предприятия вольно или невольно начали поддерживать друг друга на плаву, производя и отгружая продукцию, несмотря на массовые неплатежи, частые недопоставки. Произошедшие такого рода изменения структуры промышленного производства, например, в экономике Беларуси, наглядно отразили большую способность к выживанию производителей промежуточного продукта по сравнению с производителями продукции конечного потребления. Об этом свидетельствуют следующие данные, опубликованные НИИ статистики РБ. Основные показатели экономического развития отдельных отраслей промышленности РБ в 1994–1996 гг. выглядели следующим образом³. Объем продукции в 1994 г. по отраслям нефтеперерабатывающей промышленности составлял 310 млн долл. США, включая черную металлургию (291,7 млн долл.), по отраслям химической промышленности – 1197,7 млн долл. США, в том числе производство минеральных удобрений – 450,4 млн долл. США, объем производства деревообрабатывающей промышленности в 1994 г. составлял 427,4 млн долл. США. Как свидетельствует статистика, к 1996 г. эти отрасли в целом сохранили и даже повысили существующие объемы выпуска и достигли следующего уровня соответственно: в 1995 г. нефтеперерабатывающая промышленность – 348,1 млн долл. США (включая черную металлургию – 287,9 млн долл.), химическая промышленность – 1339 млн долл., деревообрабатывающая промышленность – 348,3 млн долл., в 1996 г. нефтеперерабатывающая промышленность – 328,6 млн долл. США, в том числе черная металлургия – 355 млн долл., химическая промышленность – 1371,2 млн долл., включая производство минеральных удобрений – 581 млн долл., деревообрабатывающая промышленность – 395,7 млн долл. В процентном отношении валовой выпуск 1996 г. по сравнению с 1995 г. составил по отраслям соответственно: нефтеперерабатывающая промышленность – 94,4 %, производство черных металлов – 123,3 %, химическая промышленность – 102,4 %, производство минеральных удобрений – 104,7 %, деревообрабатывающая промышленность – 113,6 %.

Что касается отраслей-производителей продукции конечного потребления, то в этом случае наблюдалось постоянное снижение валового выпуска.

Каждая страна имеет свои специфические условия, которые тем или иным образом формируют отраслевую структуру. Однако решающим фактором является тип экономики, присущий данному государству. Сравним для примера отраслевую структуру ВВП США и Беларуси. В США сфера услуг занимает особое место в ВВП (в 1987 г. она составляла 47 %)⁴. Напротив, в Республике Беларусь преобладают предприятия промышленного ха-

рактера и сельскохозяйственной сферы. Торговля, связь, транспорт, сфера услуг занимают у нас незначительную долю в ВВП, хотя в последнее время наблюдается поворот в сторону развития этих отраслей. Изменения в сторону увеличения доли продукции этих отраслей характерны для стран с переходной экономикой. Критики радикальных реформ расценивают происходящие структурные изменения (повышение удельного веса услуг и сырьевого сектора) как деиндустриализацию. По их мнению, процесс реструктуризации превращает страны СНГ в сырьевой придаток Запада. В первую очередь пришли в упадок отрасли, стоящие в конце технологической цепочки и более других испытывающие груз затратной экономики: легкая промышленность, сельское хозяйство, машиностроение.

Сторонники радикальных реформ, напротив, видят в развертывающихся структурных сдвигах естественный процесс приведения отраслевой структуры производства в соответствие с потребностями рынка. Рост сферы услуг – часть процесса спонтанной реструктуризации, происходящей в экономике многих стран в соответствии с современными экономическими потребностями. Рыночное хозяйство нуждается в разнообразных финансовых, посреднических, информационных и других услугах. Развитие таких услуг, помимо прочего, поможет странам занять более надежные позиции в международном разделении труда.

Изложенные выше аспекты структурной перестройки отраслевой сферы экономики позволяют сделать вывод о необходимости комплексного подхода к процессам межотраслевой реструктуризации, таким как разработки государственных мер, направленных на уменьшение препятствий для межотраслевого и межрегионального перелива капитала и научно-технического обмена, стимулирование наиболее перспективных производств, содействие развитию наукоемких производств и перепрофилированию или свертыванию традиционных отраслей. Большое значение имеют оценка тенденций экономического роста в мировом хозяйстве и подготовка комплекса условий для проведения структурных реформ.

¹ См.: Шимов В. Н. Теоретические и методологические основы структурной перестройки экономики Беларуси. Мн., 1996.

² См.: Хейнман С. А. Проблемы интенсификации промышленного производства. М., 1968.

³ См.: Отраслевая структура экономики Беларуси // Капитал-Эксперт. 1997. № 20.

⁴ См.: Матюшевская В. Н., Лукьяненко С. К. Особенности процессов диверсификации и реструктуризации экспортного потенциала экономик переходного периода. Мн., 1997.

Левкович Татьяна Эдуардовна – аспирантка РИВШ БГУ. Научный руководитель – доктор экономических наук В. Л. Ключня.

Т. А. КОСТИНА

НЕОБХОДИМОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исторический опыт ряда промышленно развитых стран, в которых сложилась высокоразвитая, гибкая, эффективно функционирующая экономика, подтвердил жизнеспособность рыночной системы. «Однако здесь имеется в виду современный рынок – как атрибут сложившейся социально-экономической модели, а не как ее всеохватывающая характеристика. Сам же рынок рассматривается как социально ориентированный, эффективно регулируемый и органически вписанный в соответствующие социально-экономические модели, весьма многообразные и не исключające друг друга»¹. Так, например, функционируют англо-саксонская, романская, скандинавская, восточно-азиатская модели рынка. А страны переходной экономики стоят перед поиском приемлемой для них экономической системы, регулирующей

функции государства в развитии рыночных и конкурентных отношений. Данное положение раскрывается в ряде научных исследований, на основании которых можно сделать следующие выводы:

- **Первое.** Нет, и не может быть эффективной, базирующейся на современных научно-технических достижениях социально ориентированной рыночной экономики без активной регулирующей роли государства.

- **Второе.** Направления, формы, методы и механизм государственного регулирования не остаются неизменными. За государством всегда сохраняются классические функции, такие как защита прав собственности; борьба с монополистическими тенденциями; обеспечение свободы предпринимательства, законности и правопорядка в хозяйственной сфере; устойчивости национальной валюты; регулирование денежного обращения, взаимоотношений между трудом и капиталом, между предпринимателями и наемными работниками; контроль за внешнеэкономической деятельностью, включая организацию таможенной системы и т. д. Ни одна из этих функций не исчезает и не утрачивает своей роли. Перемены касаются механизмов, методов, способов осуществления государством этих функций и своего предназначения в экономике. Вместе с тем с развитием общества, с изменениями в структуре общественного производства, сдвигами в его технической базе, актуализацией тех или иных сфер общественной жизни происходят развитие, обогащение, уточнение функций государства. Данный процесс идет по следующим направлениям: последовательный переход от прямых к косвенным методам регулирования экономики; резкое усиление социальных функций государства, его роли в регулировании социальных проблем, таких как комплекс взаимоотношений труда и капитала, социальное партнерство, уменьшение неоправданной дифференциации в доходах населения, обеспечение стабильности в обществе. Возникли и качественно новые функции государства, которые ранее не были однозначно структурированы, что связано с постепенным становлением постиндустриального общества. К ним можно отнести принятие государством обязательств в области образования, формирования и поддержки фундаментальной науки, создания специальных зон для разработки современных технологий, проведение четко сформулированной промышленной политики, решение экологических вопросов. Рынок привел к экологической катастрофе, поэтому концепция вытеснения государства из сферы экономики, уменьшения числа его функций и ослабления регулирующей роли не способствует глобальным мировым тенденциям и не соответствует реалиям стран с переходной экономикой.

- **Третье.** Роль государства качественно отличается на этапах становления, формирования рыночной экономики и в условиях функционирования уже сложившегося, хорошо отлаженного механизма. Самоорганизация, а рынок – классический образец самоорганизации, присуща достаточно устойчивым системам и малоэффективна в период перехода от одной системы к другой. Важно иметь в виду, что в условиях социально-экономической трансформации принцип самоорганизации способствует усилению консервативной, защитной функции, возврату экономики в прежнее состояние, укоренению старых тенденций. К тому же отсутствие каких-либо регулирующих начал в период трансформации ведет к неизбежному нарастанию хаотических процессов. На этапе становления рыночной экономики можно выделить несколько задач государства, прежде всего формирование новой системы отношений собственности, присущей смешанной, многоукладной экономике. Самостоятельно данный процесс в исторически обозримой перспективе в принципе не может произойти. Становление малого предпринимательства, в том числе и фермерского хозяйства, невозможно без поддержки и государственного регулирования. В последнем нуждаются и современные высокоорганизованные структуры (например, финансово-про-

мышленные группы и аналогичные им образования), которые являются столпами современной рыночной экономики во всем мире. Их создание тоже не может быть пущено на самотек, а требует четкого инициирования, регулирования и поддержки со стороны государства. Говоря о формировании основных элементов рыночной экономики, включая финансовый и фондовый рынки, институты регулирования рынка труда и занятости, инфраструктуру рыночной экономики в целом, можно сказать, что они вряд ли могут сложиться без активного регулирующего участия государства. После создания основ рыночной экономики опять-таки нельзя говорить об устранении государства из этой сферы, так как на этапе регулирования сложившейся, отлаженной системы экономических отношений возникают новые задачи по выполнению законодательной, координирующей и других функций.

• **Четвертое.** Масштабы государственного регулирования, его конкретные формы и методы существенно различаются по странам. Они отражают и историю, и традиции, и тип национальной культуры, масштабы страны и ее геополитическое положение, многие другие факторы. Поэтому было бы неверно пытаться найти готовые схемы. Необходимо понять логику общественных изменений, изучить, как реально складываются современные механизмы и структуры регулирования экономических и социальных процессов. Прежде всего, мы наблюдаем последовательный процесс становления институтов гражданского общества, которые приобретают все большую значимость в регулировании социально-экономических процессов. Это различного рода соглашения, конференции, ассоциации – союзы промышленников и предпринимателей, ассоциации банкиров или торгово-промышленные палаты, не являющиеся элементами государства, но и не чисто рыночные структуры. Следует назвать и такие образования, как профессиональные союзы, многочисленные институты социального партнерства, общества потребителей, экологические движения, выступающие реальными участниками и субъектами регулирования экономических и социальных процессов.

В то же время повышается значение и регулирующее влияние межгосударственных институтов и различного рода финансовых и иных структур, в частности, транснациональных корпораций, которые во многом определяют регулирование экономических и социальных отношений. По имеющимся оценкам, около 2/3 мировой торговли – внутренний оборот транснациональных корпораций. Обычно роль государства в экономике связывается с несовершенством или пороками рынка, которые государство должно компенсировать. Реальная ситуация значительно сложнее. Существуют обстоятельства и факторы, которые определяют роль государства не просто как средства для компенсации несовершенств рынка. Есть функции, относящиеся к его исключительной прерогативе, так как общество представляет собой достаточно сложную структуру, а не атомистическое скопление индивидумов или хозяйственных единиц. В настоящее время происходит все большая социализация индивидов и хозяйственных образований, включающихся в некие общности, совокупности, страты, классы, слои и другие группы со своими интересами, баланс которых обеспечить довольно сложно. Таким образом, задачи государства связаны не только с созданием условий для функционирования рынка, но и с выполнением определенных условий для соблюдения равенства общественных интересов, социальной стабильности в защите национальных интересов при проведении как внутренней, так и внешней политики.

Учитывая рыночную саморегуляцию, вмешательство государства в экономику должно быть предельно ограничено. Нормальная рыночная экономика развивается по своим законам. Прежнее, примитивное понимание конкуренции сводилось к ее трактовке как столкновению своекорыстных интересов отдельных фирм. На деле в форме такого столкновения действует

сложный механизм удовлетворения общественных потребностей, механизм поиска и использования более экономичных возможностей покрытия спроса в масштабе общества. Но конкуренция внутренне противоречива, не исключает ущемления экономических интересов ее участников и полезна в рамках определенных правил, которые нужно сознательно устанавливать. Не случайно регулирование механизма конкуренции занимает очень большое место в экономической жизни всех развитых стран. Осуществление конкурентной политики – одна из наиболее сложных задач государства в переходной экономике, суть которой в том, чтобы мерами экономического и административного характера обеспечить принцип равных возможностей и благоприятные условия для деловой активности фирм, ограничивать разрушительные проявления конкуренции и ее проникновение в неподходящие сферы. Но при этом важно не допустить, чтобы регулирование конкуренции переросло в подавление. В целях создания благоприятных условий для развития предпринимательства государство вмешивается в решение вопросов, касающихся предпринимательской деятельности юридических и физических лиц, находящихся в законодательно закрепленной, исключительной компетенции государства: соблюдение законности, оборона и безопасность общества, защита здоровья граждан, налоговое, ценовое и антимонопольное регулирование, предоставление социальных гарантий, соблюдение экологических, санитарных и противопожарных правил, а также разработка законодательства о криминальном предпринимательстве, имеющем целью извлечение прибыли посредством действий, наносящих ущерб обществу. У рыночной экономики есть злейший враг – это недобросовестная конкуренция. Отсюда необходимость вмешательства государства в конкурентные отношения с целью их правовой регламентации и сохранения как таковых, что повлекло за собой формирование специального законодательства, направленного на борьбу с недобросовестной конкуренцией. «Само понятие “недобросовестная конкуренция” возникло во Франции в середине XIX в. Его стали использовать суды для защиты интересов предпринимателей, которые вступили в конкурентную борьбу на рынке, терпели ущерб от нечестных действий их неразборчивых в средствах конкурентов. В настоящее время во многих странах действуют (и уже длительное время) специальные законы, направленные против недобросовестной конкуренции: в ФРГ – Закон 1909 г.; Австрии – Федеральный Закон 1923 г.; Японии – Закон 1931 г.; Швейцарии – Федеральный Закон 1980 г. и др. В других странах, например Великобритании, Италии, США, Франции, пресечение недобросовестной конкуренции обеспечивается общими нормами права»². В Российской Федерации понятие недобросовестной конкуренции впервые встречается в законе от 1990 г. “О предприятиях и предпринимательской деятельности”. В Республике Беларусь в целях развития конкуренции одной из задач является совершенствование правовой базы для пресечения злоупотребления рыночной властью и недобросовестной конкуренции.

Потребность обеспечения условий для создания и эффективного функционирования товарного рынка, в частности, необходимость создания обстановки для честной конкурентной борьбы определяют задачу коренного пересмотра уголовного законодательства, действующего в сфере хозяйственных отношений. При этом определяющим должно быть положение, что уголовно-правовое вмешательство государства в эту сферу должно допускаться лишь в исключительных случаях. Необходимо иметь в виду, что воздействие государства на экономику может происходить двояко: либо государство мешает действию одного вида конкуренции и тем самым способствует повышению роли другого вида; либо, наоборот, ослабляя монополизм в одной сфере экономики, способствует усилению монополизма в другой.

Важнейшей предпосылкой перехода к конкурентному рынку является введение единой налоговой системы, устанавливающей равные условия

для функционирующих на рынке производителей. Необходимость общих принципов налоговой политики не означает, что государство должно единообразно подходить ко всем предприятиям. Оно может дифференцировать условия хозяйствования, устанавливать льготы по платежам, дотации, субсидии. Однако такая дифференциация должна определяться не спецификой отдельных предприятий, а приоритетами, установленными самим государством. Можно стимулировать и процессы, непосредственно способствующие демонаполизации. Например, налоговые и кредитные льготы могут устанавливаться для предприятий, осваивающих непрофильную продукцию и создающих тем самым возможность выбора потребителям, а также для производителей, впервые выходящих на высокомонополизированные рынки. Льготы могут предоставляться предприятиям и на конкурсной основе. В этом случае их получает тот, кто представит лучший вариант решения поставленной задачи. И здесь соревновательные начала находят вполне адекватное осуществление.

Установление принципов взаимоотношений предприятий с государством – очень важный, но далеко не единственный вопрос создания и регулирования рынка. Не менее принципиально обеспечение общих условий деятельности производителей, определяющих их отношения друг с другом, позволяющих препятствовать монопольному диктату и способствовать активизации конкуренции. Ведь если в экономике не соблюдаются пропорции между спросом и предложением, между товарной массой и деньгами, все рыночные отношения оказываются нарушенными. Сейчас, в условиях перехода нашей страны к рынку, особое значение приобретает прежде всего освоение саморегулирующегося хозяйственного механизма, который не создаст, неотрегулирует никто, кроме государства, и когда интересы конкурирующих предприятий войдут в противоречие с интересами общества, и когда соперничество примет слишком ожесточенный характер, подрывая требования социальной политики. Говоря о желательной активизации конкурентных процессов, нельзя не видеть деструктивных, разрушительных возможностей конкуренции. Осуществляя активную экономическую политику, государство должно прибегать к структурному регулированию интенсивности "силового поля" конкуренции в различных секторах народного хозяйства, поощряя одни формы конкуренции и ограничивая другие. При этом политика общего ограничения конкуренции таит в себе, как продемонстрировал опыт последних десятилетий, и некоторые опасности: в ряде случаев государственное регулирование в развитых капиталистических странах настолько исказило ценовые пропорции и способствовало снижению экономической эффективности, что после "дерегулирования" 80-х гг. некоторые отрасли столкнулись с перспективой крупных убытков.

Таким образом, государство не может ограничиться ролью стороннего и безразличного наблюдателя функционирования рыночных отношений. Оно должно активно вмешиваться в процессы, происходящие в экономике, с помощью всех методов, имеющихся в его распоряжении, способствовать как развитию и поддержанию конкуренции, так и недопущению монополистического диктата и разрушительных форм конкуренции. От государственного регулирования во многом зависит, насколько действенно конкуренция будет выполнять свою главную роль стимула эффективного развития экономики.

¹ А Балкин Л. // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 4–14.

² Волженкин Б. В. // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. 1992. Вып. 4. С. 17.

Костина Татьяна Александровна – аспирантка. Научный руководитель – кандидат экономических наук М.Л. Зеленкевич.

СКРЫТАЯ БЕЗРАБОТИЦА КАК СЛЕДСТВИЕ НЕРЫНОЧНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

Скрытая безработица для современной белорусской экономики является не просто проблемой неполной занятости, чреватой потерями рабочего времени, трудового потенциала в целом. В специфических условиях переходного периода она перерастает в структурный кризис, при этом формируются микро- и макроэкономические основы ее устойчивости, ограничиваются возможности ее снижения. В стабильной рыночной экономике избыточная занятость «является по преимуществу циклическим феноменом и отмечается на понижительных фазах цикла, когда падение занятости запаздывает по отношению к падению выпуска», т. е. желание работодателей нанимать не полностью занятых работников оправдано в краткосрочном периоде, когда ожидается экономический рост в будущем.

«В плановой экономике трудоизбыточность имеет не краткосрочный, а устойчивый, системный характер»². Будучи следствием административно-планового контроля, скрытая безработица характеризует и современный переход к рынку. Можно предположить, что устойчивая и длительная неполная занятость оправдана с точки зрения экономических субъектов (работодателей, работников, государства).

Возникает вопрос: почему работодатели сохраняют занятость прежней, если работники (скрытые безработные) непроизводительны? Такое положение формируется, потому что их увольнение по причине спада покажется неоправданным в следующем, повышательном, периоде цикла. Согласно логике с наступлением подъема потребуется увеличение занятости труда (равно как и других факторов производства), а также увеличение зарплатов, т. е. производственных издержек, для этой цели. Анализ показывает, что в переходный период, характеризующийся перманентным спадом производства, работодатели (производители товаров и услуг) не увольняют работников в тех масштабах, в которых вынуждены снижать производство, хотя для оптимистичных ожиданий их будущего роста нет оснований. Иначе говоря, видятся необоснованными предположения о том, что формирование скрытой безработицы в краткосрочный период спада обусловлено ожиданием дальнейшего экономического роста, так как спад производства в переходный период является долгосрочным.

В чем причины сохранения избыточной занятости в долгосрочной перспективе, на протяжении всего переходного периода; за счет чего содержат работодатели таких занятых? Обобщив опыт белорусской (и российской) экономики в этой сфере, можно сделать вывод: основная причина устойчивости скрытой безработицы видится в том, что работодатели ожидают дальнейшего роста или сохранения темпов инфляции.¹

Казалось бы, ускорение инфляции понижает реальные доходы, а при снижении реальной зарплаты спрос на дополнительных работников должен расти – в этом и есть причина избыточной занятости. Но изменение реальной заработной платы в отечественной экономике неоднозначно на протяжении переходного периода (рис. 1)³.

Обобщая все значения анализируемого периода, отметим, что покупательная способность среднестатистической зарплаты за ряд лет не снижается, и даже темпы ее роста не замедляются (наблюдалось замедление темпов роста зарплаты только в 1992 и 1994 гг. по сравнению с предыдущими периодами).

Уменьшение занятости является вполне оправданным при увеличении реальной зарплаты. Темпы же изменения занятости и зарплаты не всегда находятся в обратной зависимости между собой: в одних случаях с увеличением темпа роста зарплаты замедляется темп роста безработицы

(1992–1993 гг., 1995–1996 гг.); в других – наблюдается замедление темпов роста занятости и зарплаты (1991–1992 гг., 1993–1994 гг.).

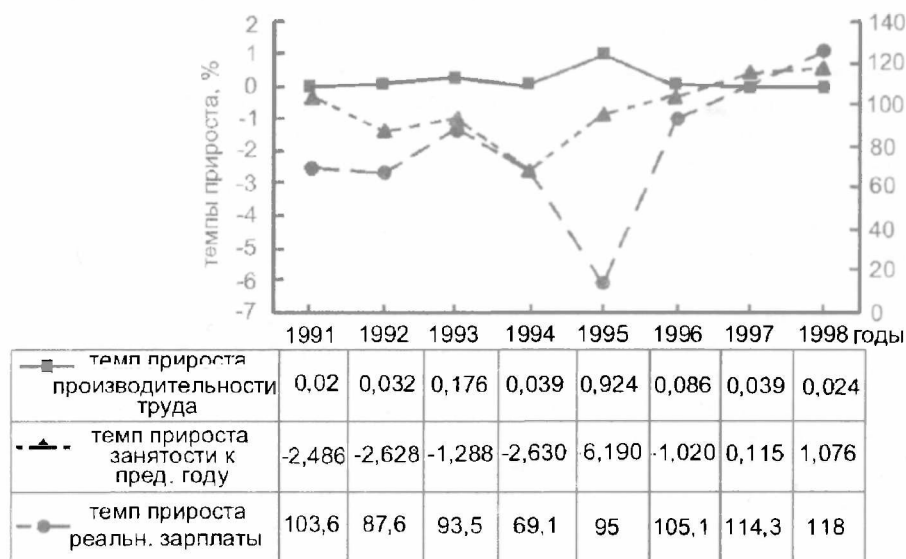

Рис. 1. Сравнение темпов роста реальной зарплаты, занятости и производительности труда в белорусской экономике*

Начиная с 1995 г. безработица снижается притом, что реальная зарплата увеличивается темпами, опережающими ее предыдущий рост, и к 1998 г. достигает более высоких темпов, чем в начале переходного периода (1991 г.). Хотя теоретически с ростом реальной зарплаты предполагается увеличение безработицы, а не занятости; тем более что производительность труда в этот период замедляется значительно, чем когда-либо за анализируемый промежуток времени.

Абстрагируясь от колебаний, в целом реальная зарплата демонстрирует жесткость к понижению, что в теории считается причиной роста безработицы. Следовательно, в условиях жесткости реальной зарплаты к понижению открытая безработица в переходный период остается низкой – такова специфика белорусской экономики. К концу анализируемого периода (1996–1998 гг.) занятость даже начала расти. Теоретически для агрегированных показателей такая ситуация является исключением, ибо с увеличением зарплаты безработица растет, а не занятость. Практически изменения зарплаты не являются показателем для субъектов, принимающих решения о занятости, – работодателей и отчасти самих работников.

Более того, наблюдается отрицательная зависимость между темпами роста занятости и производительности труда: когда производительность труда растет быстрее, занятость труда падает быстрее. Когда производительность становится самой низкой (1996 г.), занятость – самой высокой за весь анализируемый период. Данные процессы свидетельствуют о том, что: в экономике возрастает занятость непроизводительного фактора производства (труда) и снижается занятость производительного; понижение производительности фактора покрывается ростом его занятости и наоборот. Следовательно, когда труд становится производительным, то высокий уровень его занятости не требуется, ибо структура экономики рассчитана на

* Темпы прироста получены как отношение разницы между показателями за два года к показателю предыдущего (первого из двух) года, измерены в процентах к предыдущему году. Темп прироста производительности труда получен как прирост реального ВВП, рассчитанный на каждого занятого. Реальный ВВП получен как отношение номинального ВВП к индексу потребительских цен в размах.

экстенсивный рост производства и не приспособлена для замещения менее производительных факторов производства более производительными. Другими словами, при заданной структуре экономики наиболее производительные факторы производства простаивают (на примере труда).

Начиная с 1994 г. темпы роста ВВП и занятости труда изменяются в обратном направлении (рис. 2).

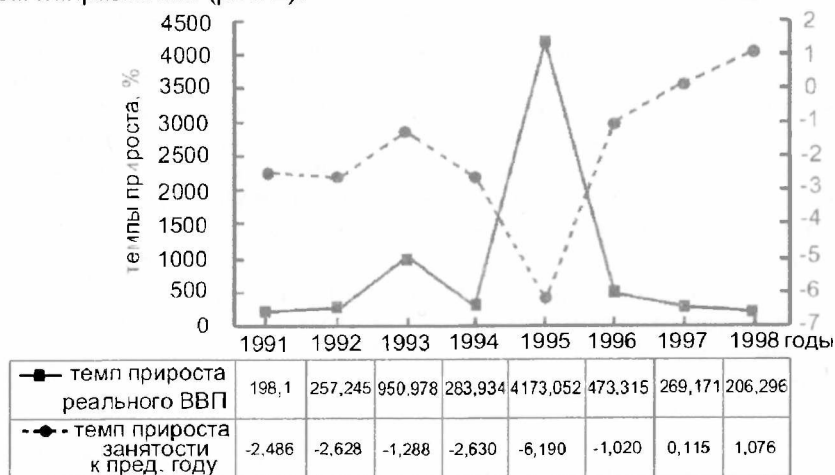

Рис. 2. Соотношение темпов прироста реального ВВП и занятости труда³

Изменения темпов указанных в таблице показателей в одном направлении за некоторый промежуток времени (1992–1994 гг.) говорит об экстенсивности развития белорусской экономики и о том, что занятость труда определяет выпуск в большей степени, чем занятость других факторов производства. Начиная с 1994 г. изменения занятости труда уже не определяют изменения общего выпуска производства: когда занятость набирает темпы, ВВП их снижает. А с 1995 г. (см. рис. 1) возрастают темпы роста реальной зарплаты.

Реальная зарплата растет все быстрее (тогда как реальный выпуск – все медленнее) за счет следующих процессов:

- перераспределения в пользу труда доли ВВП, произведенного другими факторами производства;
- роста номинальной зарплаты темпами большими, чем рост реального ВВП;
- роста номинальной зарплаты темпами большими, чем рост инфляции (исключение составили данные периода 1992–1995 гг. из данных периода 1990–1998 гг.⁴).

Труд (как один из факторов производства) обеспечивает себе доход вне зависимости от своей производительности, от производительности других факторов, производящих ВВП (ибо снижение ВВП или замедление его роста говорит о снижении или замедлении роста производительности факторов).

Перераспределение доходов от одних факторов в пользу других может прямо или косвенно осуществляться государством:

1. Прямое – посредством налогообложения и социального обеспечения.
2. Косвенное – в условиях отечественной экономики посредством индексации зарплат, административного регулирования ценообразования.

Ожидания инфляции работодателями в этом случае связаны с возобновлением спроса на выпускаемую продукцию, с государственным стимулированием экономики в виде льготного налогообложения, государственного кредитования и субсидирования производства. Несложно предположить, что не всех предприятий касается подобное стимулирование, а только госу-

дарственных традиционно монопольных с большой численностью работников. Чем больше подобных предприятий сохраняется в экономике, тем масштабнее уровень скрытой безработицы. Именно поэтому скрытая безработица переходного периода – явление структурное, а не циклическое.

Если реальная зарплата не снижается и спад производства или замедление его роста, наблюдаемые при этом, не сопровождаются высвобождением работников, то это означает, что для работодателей уровень зарплаты (и его изменение) не является мотивом сокращения занятости. К такому показателю рыночной конъюнктуры, как зарплата, работодатели безразличны; для них более значимы другие, нерыночные, факторы воздействия (в частности, государственная политика). Наличие большого количества работников позволяет претендовать на государственное субсидирование выплаты заработков, поддержку созданных рабочих мест. Но самое главное оправдание избыточной занятости – выплата невысокой зарплаты для снижения нагрузки подоходного налогообложения (данное оправдание касается как государственных, так и частных работодателей). Несмотря на то что реальная зарплата растет (см. рис. 1), в структуре издержек производства она сохраняет незначительный удельный вес.

Какова причина государственной поддержки скрытой безработицы, поддержки непроизводительного труда и неэффективного производства? Теоретически такое поведение государства имеет целью стимулировать рост производства, при этом главный фактор, посредством которого рост достигается, – увеличение совокупного спроса. Излишние занятые имеют денежные доходы, а значит, и свою долю в совокупных расходах, так скрытая безработица становится залогом сохранения совокупного спроса. История мировых stagflationных кризисов показывает, что стимулирование совокупного спроса приводит к краткосрочному экономическому росту, который в долгосрочной перспективе перерастает в спад, отягощенный инфляцией.

Экономика переходного периода в Республике Беларусь имеет необычный для экономической теории опыт. *Во-первых*, доля занятых остается стабильной в длительном периоде независимо от динамики общего выпуска. Другими словами, спад производства не сопровождается соизмеримым по масштабу высвобождением рабочей силы, а рост – увеличением занятых: ибо на протяжении длительного периода избыток занятых в экономике обеспечен. *Во-вторых*, политика стимулирования экономического роста достигает своей цели только в долгосрочном периоде. На протяжении всего переходного периода государство фискальными методами формировало мотивы всеобщей занятости и полной загрузки мощностей. Но в краткосрочный период не наблюдался экономический рост в ответ на такое стимулирование, и только через несколько лет (к 1995 г.) проведения политики массивной экономической экспансии (как фискальными, так и монетарными методами) в экономике обозначился рост. Дальнейшая экспансия сопровождается замедлением темпов роста реального ВВП, но в то же время увеличением занятости работников (которые уже не обеспечивают быстрого роста ВВП).

Так или иначе в краткосрочный период макроэкономическая политика своей цели не достигает. При этом и в краткосрочный, и в долгосрочный периоды (перманентно) экономика сталкивается с ее последствиями – инфляцией и инфляционными издержками. Между тем целью нашего анализа является не макроэкономическая политика, а условия, в которых она планируется и осуществляется. Благая цель политики – экономический рост – оказалась неосуществимой в условиях той структуры, которую имеет переходная экономика Республики Беларусь, так как она позволяет сохранять избыточную занятость.

Помимо государства и работодателей, к формированию скрытой безработицы имеют отношение и сами работники. Другими словами, если заня-

тость в экономике не изменяется с течением времени, значит (кроме того, что работников не увольняют), работники не увольняются сами.

Есть причины, по которым занятые работники не ограничивают свою занятость, даже если сталкиваются с неплатежами по зарплате или с недостаточностью заработков по сравнению с потребностями. Прежде всего вероятность найти более доходную занятость невысока. Но даже если предполагать, что более доходные сферы занятости имеются, работники не стремятся к высоким доходам, так как риск перехода в более доходные сферы занятости связан с боязнью потерять минимум, обречь себя на объем работы больший или другого качества по сравнению с имеющимся (в принципе более доходная занятость является более ответственной и рискованной).

Кроме этого, работники не стремятся к иной занятости ради роста дохода, так как могут иметь другие источники средств – натуральные или социальные (при неполной занятости возможности роста натуральных и социальных доходов выше). Доля неденежных доходов в виде натуральных продуктов, произведенных в личном подсобном хозяйстве, велика в общем объеме потребления и общего дохода. Например, в общем объеме потребления всего населения производство картофеля в натуральном хозяйстве составляет в среднем за несколько лет около 87 % (при этом в сельской местности – около 97 %), производство овощей – более 76 % (при этом в сельской местности – более 91 %)¹. В связи с этим работникам выгодно быть не полностью занятыми, ибо свободное время востребовано натуральным производством, тем самым требование к величине собственной зарплаты понижается.

Большинство работников заняты в отраслях со значительной государственной собственностью, и невысокие доходы объясняются ограничениями государства (в виде тарифов по зарплате) – от поведения самих занятых, от их трудовой активности зависят слабо. Работники так называемых бюджетных сфер занятости имеют низкие реальные доходы, так как источник их дохода – налоги всего остального сектора экономики, а последние растут слабо при небольшой налогооблагаемой базе или сокрытии некоторой ее части.

Кроме этого, в переходный период инфляция лишает смысла более доходную занятость: чем больший доход, тем больше бремя инфляционного налога (не говоря о бремени налогообложения). В то же время при инфляции рискованно сберегать, а значит, и больше для этого работать. Таким образом, работники соглашались на неполную занятость, на низкие по сравнению с потребностями доходы, и не стремятся их увеличивать.

Можно сказать, что экономика медленно (в долгосрочном периоде) реагирует на макроэкономическую политику и активно реагирует на вмешательство государства в мотивы поведения микроэкономических субъектов. А можно интерпретировать полученные выводы как нерыночность экономики в целом и поведения ее субъектов в частности. Большая доля нерыночности в поведении субъектов определена вмешательством государства в деятельность рынков. Вместе с тем поведение экономических субъектов не зависит от рынка настолько, насколько сами субъекты сумели эту независимость в своем поведении сформировать.

¹ Аукционек С.П., Капелюшников Р.И. Почему предприятия придерживаются рабочей силы (Статья первая) // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 11. С. 90.

² Там же.

³ См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь'99. Мн., 1999. С. 100, 125, 268.

⁴ Статистический ежегодник Республики Беларусь'99. Мн., 1999. С. 125.

⁵ Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Мн., 1998. С. 97.

Скирко Наталья Ивановна – преподаватель кафедры экономической теории.

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ МИРОВОГО ЭКСПОРТНОГО РЫНКА*

Перспективы достижения Республикой Беларусь показателей, заложенных в Национальной программе развития экспорта Республики Беларусь на 2000–2005 гг. в части развития экспорта услуг, зависят как от внешних, так и от внутренних факторов и будут определяться изменением физических объемов внешней торговли, потребностей и платежеспособного спроса иностранных, прежде всего российских, предприятий и граждан, а также взвешенности и продуманности подходов государства к регулированию деятельности рынка соответствующих услуг¹. Ярким примером весомости последнего фактора может служить развитие ситуации вокруг международных перевозок в республике.

В результате удобного геополитического положения страны и соответствующих экономических предпосылок в 1992–1998 гг. значительно возросли объемы международных перевозок. Создание благоприятных условий для поездок иностранных перевозчиков по территории Беларуси, выразившихся в проводимой политике по взаимному с соседними государствами освобождению от оплаты сборов за проезд по автомобильным дорогам общего пользования, принятие мер по обеспечению своевременного и оперативного пограничного и таможенного оформления, формирование сети сервисного обслуживания международных перевозчиков способствовали достижению возможности получения белорусскими перевозчиками необходимого количества иностранных разрешений. Обеспеченность иностранными разрешениями, высокая рентабельность международных перевозок, благоприятный инвестиционный климат в этой сфере способствовали высоким темпам развития данного вида услуг. За период с 1992 по 1998 г. число юридических и физических лиц Республики Беларусь, имеющих лицензии на выполнение международных грузовых перевозок, увеличилось с 447 до 6753².

Последствия российского кризиса вызвали в конце 1998 г. значительное сокращение объемов перевозок, что сказалось на уменьшении почти в 2 раза фрахтовой ставки на направлении Восток–Запад. Доходы белорусских перевозчиков снизились более чем на 40 %. Введение в республике дополнительных сборов с транзитного транспорта, увеличение ставок действующих сборов повлекли за собой ряд негативных последствий. Так, только за первый квартал 1999 г. число автомобилей, следующих транзитом через республику, сократилось более чем в 5 раз, в результате чего доходы бюджета от дорожных сборов снизились с 9,2 млн долл. США до 1,8 млн долл.^{3,4}. Транзитные потоки и, следовательно, валютные доходы переместились в страны Балтии. Падение количества международных перевозок по территории республики снижает эффективность использования и рентабельность придорожной сервисной инфраструктуры, что автоматически также влечет за собой сокращение поступлений налогов от предприятий данной сферы. Кроме того, происходит обострение отношений с другими странами СНГ и Европы, которые принимают адекватные меры к белорусским перевозчикам, что ставит их в худшие условия по сравнению с транспортными предприятиями других стран, лишает возможностей удержания завоеванных позиций на рынке транспортных услуг, в результате чего республика теряет источники значительных валютных поступлений. Как показывает опыт взимания повышенных сборов с международных перевозчиков, ущерб от этих действий на уровне республики значительно выше получаемых доходов.

* Продолжение. Начало в № 2. 2000.

Непростой является ситуация в двух других основных отраслях экспортных услуг страны – нефтеперерабатывающей и строительной. В области переработки нефти основная масса услуг экспортируется в Россию. С позиций конкурентной устойчивости данное положение нестабильно, так как существует большая зависимость от поставщика сырья и покупателя услуги. Предпочтения заказчика могут измениться, в результате чего производственные мощности будут задействованы не в полной мере. Целесообразно произвести географическую переориентацию и диверсификацию заказчиков в целях повышения безопасности национального экспорта. Аналогичным является положение в строительной отрасли. Кроме того, расширение экспорта строительных и нефтеперерабатывающих услуг требует значительных инвестиционных затрат на оборудование и технологии, что является сдерживающим фактором для развития данного сегмента рынка.

В сложившейся ситуации перед Республикой Беларусь стоит непростая задача: компенсировать с помощью внутренних факторов потерю части внешних источников поддержания равновесия в народном хозяйстве, снизить возможный отрицательный эффект, которым грозит эта потеря. Однако акцент на более активное использование собственного потенциала не снимает необходимости эффективного сотрудничества с зарубежными странами. При этом нужна такая внешнеэкономическая политика, которая максимально отвечала бы задачам экономических преобразований и развития хозяйства и была свободна от недостатков и просчетов прошлых лет.

Возможная стагнация внешнеэкономических связей способна спровоцировать негативные процессы в народном хозяйстве. Можно прогнозировать, в частности, такие ее последствия, как сокращение производства и занятости в некоторых работающих на экспорт отраслях, снижение объема валютных поступлений. Достаточно вероятными представляются также сужение возможностей технической модернизации производства с использованием зарубежного оборудования, обеднение потребительского рынка, падение доходов бюджета от таможенного обложения импорта. Все это затруднит процесс оздоровления экономики и переход ее к стадии роста.

Политические и экономические интересы страны диктуют сохранение принципиальной линии на открытость экономики, на обеспечение свободного хозяйственного взаимодействия отечественных предприятий, фирм и банков с внешним миром. Однако ориентация на открытость уже никак не может оставаться единственным определяющим компонентом внешнеэкономической политики страны. В ее арсенале должны найти подходящее место меры, направленные на защиту национального производства и внутреннего рынка от неблагоприятных воздействий извне.

В ближайшей перспективе основные цели этой политики – адаптация отечественной экономики к качественно меняющейся системе мирохозяйственных связей; использование взаимодействия с зарубежными странами в качестве катализатора экономического роста, повышения конкурентоспособности отечественных товаров и услуг; улучшение или, как минимум, сохранение сложившихся условий для развития экспортной деятельности.

Взаимодействие Беларуси с остальным миром может, на наш взгляд, осуществляться в нескольких вариантах, различающихся главным образом позициями, которые будет занимать страна в системе мирохозяйственных связей. Гипотетически она может стать участником одного или сразу двух экономических блоков (европейского и восточноазиатского), членом самостоятельного интеграционного объединения государств СНГ, независимым аутсайдером.

Очевидные выгоды сулит одновременное сотрудничество Беларуси с ЕС, восточноазиатским регионом и странами СНГ, прежде всего с Россией. При этом, естественно, присоединение к одному или нескольким блокам

вовсе не гарантирует Беларуси автоматического прилива финансовых и материальных ресурсов из других стран. Факт присоединения отнюдь не обязывает партнеров направлять инвестиции в республику, участвовать в подъеме экономики страны и расширять двусторонние торгово-экономические связи с Беларусью. С учетом всего этого, по нашему мнению, отношения Беларуси с единой Европой в начале наступившего века предпочтительнее развивать на базе имеющегося соглашения о партнерстве и сотрудничестве, во многом основанного на нормах Всемирной торговой организации (ВТО), тем более, что оно пока не используется отечественной промышленностью в полной мере.

Пока еще рано говорить о каких-либо реалиях в вопросе создания единого Союзного государства России и Беларуси, поскольку соответствующими договорами, подписанными в 1999–2000 гг. была намечена лишь программа действий и основные ориентиры, для достижения которых необходимо реализовать целый ряд мероприятий. В данной связи взаимоотношения Республики Беларусь и Российской Федерации на текущем этапе времени будут осуществляться в рамках двусторонних партнерских связей. Интересам республики отвечало бы и расширение через сближение с Россией взаимовыгодных хозяйственных связей со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Для этого, несомненно, есть хорошие предпосылки – взаимодополняемость экономик и географическая близость российского Дальнего Востока к данному региону. Кроме того, с учетом выгоды своего геополитического положения Беларусь может играть роль своеобразного транзитного моста между Европой и Азией.

Создание единого экономического пространства на территории бывшего СССР (исключая страны Балтии), по мнению приверженцев данного варианта, помогло бы оживить экономически оправданные и технологически детерминированные производственно-кооперационные связи белорусских предприятий с их партнерами из постсоветских республик, что оказало бы содействие развитию экспорта из республики. Такие связи могли бы возродиться в оборонных отраслях, металлургии, химии, машиностроении. Это способствовало бы экономическому росту и поддержанию занятости в отечественном народном хозяйстве, сохранило бы для Беларуси ранее освоенные рынки в условиях, когда рынки развитых и развивающихся стран в основном поделены и пробиться на них даже с качественной продукцией чрезвычайно сложно.

Экономический союз со странами СНГ, прежде всего с Россией, Украиной и государствами Центральной Азии, позволил бы обеспечить стабильность поставок сырья и энергоносителей, содействовал бы подъему транспортной и смежных с ней отраслей за счет увеличения оборота грузов в европейском и азиатском направлениях. Сопредельные страны заинтересованы в надежной и рентабельной работе транспортных объектов и магистралей, являвшихся некогда их общей собственностью.

Что бы ни говорили противники СНГ, Беларусь и Россия еще не потеряли шансов создать вместе с другими бывшими советскими республиками единое евроазиатское экономическое пространство, которое, во-первых, могло бы стать достаточно крупным рынком в 300 млн потребителей, позволяющим каждой из стран Содружества во многом ориентировать на него свое производство и полнее использовать эффект масштаба. Во-вторых, страны Содружества, пойдя по пути интеграции, получили бы возможность сообща отстаивать свои интересы в соперничестве с другими экономическими группировками. В-третьих, интеграционное сообщество на постсоветском пространстве можно было бы создать быстрее, чем зону свободной торговли стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна, что немаловажно в нынешней ситуации.

Анализ различных вариантов включения Беларуси в интеграционные процессы мирового экспортного рынка дает основания считать оптимальной в среднесрочном периоде линию на концентрацию усилий по формированию интеграционного сообщества совместно с Россией и странами СНГ, а также на развитие экономического взаимодействия с Евросоюзом и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сдвиг сроков присоединения к ВТО оставляет Беларусь вне процесса многостороннего регулирования мировой торговли, сужает ее возможности в снятии дискриминационных ограничений экспорта, от которых наша страна ежегодно теряет миллионы долларов. С другой стороны, отсрочка позволяет избежать неминуемого дальнейшего открытия отечественного рынка, чреватого крахом значительного числа национальных производителей товаров и услуг и ставящего под угрозу существование целых отраслей, работающих на внутренний потребительский рынок.

На наш взгляд, вступление в ВТО – непереносимое условие дальнейшей интеграции Беларуси в систему мирохозяйственных связей. Однако вряд ли есть смысл добиваться членства в этой организации любой ценой. Продолжая переговоры с ВТО и участвуя в Раунде тысячелетия в качестве наблюдателя, следует использовать время для повышения конкурентоспособности отечественных производителей и усиления защиты отдельных секторов внутреннего рынка.

Само собой, для переговоров нужны ясные представления о приоритетах структурной политики государства на ближайшие годы и программе совершенствования механизма регулирования импорта и поддержки экспорта, включая услуги и продукты интеллектуального труда. Базируясь на таких представлениях, можно четко определить пределы уступок, на которые следует идти в целях присоединения к мировому торговому сообществу. Было бы не лишним также детально просчитывать совокупный эффект (выигрыш и потери) от каждого шага на пути сближения отечественных и международных норм регулирования обмена товарами и услугами. До сих пор таких оценок, к сожалению, не делалось.

В ряд среднесрочных проблем входит также поддержание нормальных деловых отношений с международными финансовыми организациями без завышенных ожиданий эффекта от сотрудничества с ними.

В отношениях с МВФ и Всемирным банком следует, видимо, исходить из того, что данные институты останутся важным потенциальным источником наших внешних заимствований, без которых сложно преодолеть трудности финансирования бюджетного дефицита и исполнения платежных обязательств. Вместе с тем значение кредитной помощи МВФ и Всемирного банка вряд ли оправданно возводить в абсолют и связывать только с ней возможности дальнейшего реформирования экономики. Отказ в предоставлении помощи, вероятно, усложнит валютно-финансовые проблемы страны, но одновременно заложит предпосылки для проведения макроэкономической политики в гораздо меньшей степени, чем ранее, ориентирующейся на рекомендации Фонда и Всемирного банка.

В настоящих условиях возрастает значение прямых иностранных инвестиций в производство, транспортную инфраструктуру, а также в банковскую сферу республики, без чего достижение намеченных целей развития национального производства и экспорта является достаточно проблематичным. Однако ощутимое увеличение объемов прямых иностранных вложений в народное хозяйство вряд ли возможно без серьезного улучшения инвестиционного климата в стране – обеспечения стабильности законодательства, снижения налоговой нагрузки на предприятия, удешевления кредита, стабилизации цен, сближения уровней доходности в производственном, торговом и финансовом секторах, повышения надежности банковской

системы. Следовательно, для решения задачи привлечения зарубежных инвестиций важно задействовать как средства внешнеэкономической политики (финансовую дипломатию, законодательные и организационные рычаги), так и широкий комплекс мер, относящихся к внутренней политике государства.

При решении перечисленных проблем в области взаимоотношений с мировым торговым и финансовым сообществом важное значение приобретает соответствующая настройка механизма государственного регулирования внешнеэкономических связей. Его следовало бы модифицировать таким образом, чтобы, с одной стороны, не возникали новые препятствия для экспорта и импорта товаров, услуг и капитала в целом, а с другой – усиливалась бы выборочная защита отдельных секторов отечественного производства и внутреннего рынка с помощью общепринятых инструментов.

Тарифные и нетарифные ограничения импорта на избранных направлениях в указанный период необходимы для того, чтобы помочь встать на ноги потенциально способным выдерживать конкуренцию предприятиям, секторам и отраслям экономики. Протекционизм ни в коем случае не должен быть тотальным и всеохватывающим, долгим и неизменным по уровню поддержки. Защитные меры следовало бы применять на сравнительно коротких отрезках времени (4–7 лет), в течение которых уровень государственной поддержки последовательно снижался бы. Другими словами, защита национального производства не должна препятствовать выбраковке неэффективных производств, полной либо частичной замене импортом отдельных видов отечественной продукции.

В этой связи требуется сместить акценты в тарифной политике на интересы структурной перестройки экономики. Прежде всего необходимо достроить импортный тариф, который пока недостаточно дифференцирован по товарным позициям, не эшелонирован по ставкам и в силу этого малоприспособлен для структурного регулирования экономики на уровне отраслей и подотраслей, для защиты узкоспециализированных производств. Требуется, во-первых, расширить номенклатуру позиций тарифа: сейчас она значительно ограниченнее, чем у большинства развитых и крупных развивающихся стран, где насчитывается 10–12 тыс. тарифных позиций. Во-вторых, следовало бы увеличить нынешний узкий диапазон эскалации ставок тарифа, находящийся в интервале от 5 до 30 %. Между тем в тарифах развитых государств диапазон весьма широк – от нуля до трехзначных цифр, причем значительная часть товаров вообще не облагается пошлинами, а на некоторые товары, прежде всего продукцию сельского хозяйства, установлены максимальные ставки.

Для оживления отечественного производства и экспорта крайне желательно использовать максимально широкий арсенал средств нетарифного регулирования импорта. Применение тарифа, как известно, приводит к ограничению предложения иностранных товаров на внутреннем рынке косвенным образом, через их удорожание в результате таможенного обложения. Нетарифные же ограничения, сохраняя эффект удорожания, ставят дополнительные барьеры на пути импорта. К числу таких барьеров относятся лимиты ввоза или внутреннего потребления. Они могут устанавливаться по количеству (квоты, лицензии, "правила о смешивании" – пропорции потребления и т. д.), по ценам (минимальные импортные цены, антидемпинговые и компенсационные пошлины, варьируемые сборы, внутренние налоги, методы таможенной оценки и пр.), по техническим характеристикам товара (стандарты, технические, санитарные, экологические требования и т. п.). По механизму своего действия нетарифное регулирование носит более эшелонированный характер, что в конечном счете делает его более действенным и труднопреодолимым.

Очевидно, что фундаментом для совершенствования импортного тарифа и более активного использования нетарифных ограничений может быть лишь ясно выраженная структурная политика, без которой защита отечественного производства может вылиться в тотальный протекционизм и погону за ростом фискальных доходов.

Отечественных производителей-экспортеров было бы целесообразно поддерживать также мерами, дающими импульс к расширению их выхода на внешние рынки. Производству экспортной продукции следовало бы предоставить, условно говоря, режим наибольшего благоприятствования в кредитовании, налогообложении, получении валютных ресурсов на цели развития и т. д. Желательно также объединить усилия отечественных экспортеров и экономической дипломатии в переговорах с промышленно развитыми странами о смягчении ограничений на белорусский импорт.

Разумеется, как уже отмечалось выше, в нынешней ситуации вряд ли можно всерьез рассчитывать на реализацию в полном объеме принятой Национальной программы развития экспорта Республики Беларусь на 2000–2005 гг. – государство не располагает необходимыми для этого финансовыми ресурсами. Однако нельзя забывать о том, что без действенной системы государственной поддержки достаточно сложно обеспечить расширение экспорта, особенно готовой продукции, даже если обрабатывающие отрасли будут в состоянии конкурировать с зарубежными соперниками по ценам и качеству.

Очевидной представляется также необходимость дальнейшего проведения Национальным банком денежно-кредитной и валютной политики в рамках принятой на 2000 г. концепции. На нынешнем этапе к валютному курсу рубля следовало бы, видимо, подходить не только как к макроэкономическому индикатору, по динамике которого оценивается состояние народного хозяйства, но прежде всего как к важному инструменту регулирования внешнеэкономического обмена. При таком подходе управление курсом могло бы быть нацелено на его плавное изменение в зависимости от темпов инфляции, складывающегося паритета покупательной способности, динамики валютных курсов на мировых финансовых рынках и других показателей. Необходимость официального установления границ колебаний курса рубля в этом случае отпадает.

Трудности с привлечением новых финансовых ресурсов из-за рубежа, сокращение валютных поступлений в республику объективно требуют укрепления валютного регулирования и валютного контроля в целях недопущения незаконной утечки капитала за рубеж. В последнее время в этом направлении были приняты определенные меры и издан ряд законодательных актов в области регламентирования внешнеэкономической деятельности.

Вообще вывоз капитала весьма сложно замедлить или остановить без устранения его фундаментальных причин – неблагоприятного инвестиционного климата, нестабильности денежной и банковской систем, высокой инфляции, слабости национальной валюты, всеобщих неплатежей, натурализации обмена и других негативных явлений в народном хозяйстве. Существует мнение о необходимости восстановить государственный контроль или даже монополию на экспорт и импорт важнейших товаров, институт спецэкспортеров и специмпортёров, тотальную регистрацию участников внешнеэкономической деятельности. Однако возврат к государственной монополии значительно увеличит бюджетные расходы: внешнеторговые организации должны располагать достаточными средствами для оплаты экспортной продукции. Кроме того, государственная монополия, как показала практика, ослабляет мотивацию предприятий к работе на внешний рынок, а внешне-торговых посредников – к наибольшей эффективности сделок, что в конеч-

ном итоге может обернуться для страны дополнительными потерями. Следовательно, для противодействия оттоку капитала лучше использовать уже освоенные другими странами методы борьбы с нарушениями валютного законодательства, контрабандой и другими криминальными действиями во внешнеэкономической сфере.

Известно, что лучшей является не та политика, которая обещает больший эффект, а та, которую можно реализовать. Изменение внутренних и внешних условий развития народного хозяйства накладывает определенные ограничения на внешнеэкономическую политику. Ее акценты объективно смещаются с прежней доминанты – усиления открытости – на иные задачи, которым в последние годы уделялось недостаточное внимание, т. е. – формирование интеграционного сообщества постсоветских республик при всемерном использовании возможностей экономического взаимодействия со складывающимися мировыми полюсами торгово-финансовой мощи; вступление в ВТО на приемлемых условиях и ослабление зависимости от МВФ и МБРР; точная настройка инструментов регулирования экспорта и импорта товаров, услуг и капитала, в том числе прямых иностранных инвестиций, с учетом интересов отечественного производства. Такой перенос акцентов на нужды структурной перестройки экономики, повышения ее конкурентоспособности на внешнем рынке и насыщения внутреннего рынка мог бы в наибольшей мере способствовать преодолению кризисной полосы как в народном хозяйстве в целом, так и во внешнеэкономических связях в частности, выходу страны на траекторию устойчивого роста и вступлению в качестве полноправного члена в систему мирового экспорта.

¹ Основные положения Национальной программы развития экспорта Республики Беларусь на 2000–2005 гг. Мн., 2000.

² Республика Беларусь в цифрах. Краткий статистический сборник. Мн., 1999.

³ Беларусь и страны мира. Статистический сборник. Мн., 2000.

⁴ Republic of Belarus: Recent Economic Developments and Selected Issues. International Monetary Fund. New York, 2000.

Раковец Александр Адамович – кандидат экономических наук (директор иностранного банка «Москва–Минск»).

В.В. КУВШИНОВ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ЕГО МЕСТО В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Предпринимательство как социальный фактор современной рыночной экономики приобретает устойчивую динамику и все большее значение в системе материальных отношений.

Переходный период экономических преобразований на постсоветском пространстве – достаточно болезненный и противоречивый процесс. Меняются общественная психология, социальные акценты, в целом государственная политика в отношении рыночных преобразований. Фигура предпринимателя в социальной структуре уже заняла прочное место и становится предпосылкой для формирования среднего класса, развития частного сектора экономики и рыночной инициативы. Вследствие процессов, происходящих в обществе, частный сектор становится, в первую очередь, индикатором уже сделанного и поводом для осмысления направлений экономического развития в республике.

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо определить основные функции малого и среднего предпринимательства. Опыт показывает, что в его формировании необходима ориентация на решение, в первую очередь, микроэкономических задач и постепенный переход к вопросам макроэкономического уровня. Такие же проблемы были сформулированы еще на заре экономических преобразований времен буржуазных революций.

Впервые понятие «предпринимательство» употребил английский экономист Ричард Кантильон в XVIII в., определив главную характеристику предпринимательской деятельности как несение риска и экономическую неопределенность. Классики политической экономики (А. Тюрго, Ф. Кене, А. Смит, Ж. Сэй, Д. Рикардо) высказывали различные точки зрения на предпринимательство, рассматривая его как владение капиталом, ориентацию на извлечение прибыли и капитализацию дохода, использование рыночных возможностей, способность к преодолению сопротивления среды, особое управление производством, перемещение экономических ресурсов из сфер с низкой производительностью и прибылью в сферу с более высокими показателями. Экономика же рассматривалась как самофункционирующее образование. Гуманитарная наука, начиная уже с XIX в., уделяет пристальное внимание изучению предпринимательства, рынка и системы товарнопроизводительных отношений. Так, например, марксистская теория концентрировалась на социально-политических и экономических проблемах, где акцент ставился на системе классовых противоречий и эксплуатации наемного труда. В принципе творческий компонент марксизма – теория прибавочной стоимости – есть расширенная трактовка трудовой теории стоимости А. Смита, тем более что А. Смитом впервые в известной работе «Исследования о природе и причинах богатства народов» были определены классы и дана характеристика социальной структуры. В системе понятие «класс» выведено с точки зрения производства и присвоения материальных богатств.

Социологический подход в рамках данной проблемы сформулирован у М. Вебера, согласно которому стратификация идет как бы по принципу привязывания к видам деятельности: финансисты, промышленники, сельскохозяйственные предприниматели и т. д.¹ По теории экономического развития (Й. Шумпетер) функция предпринимателя состоит в реформировании экономики путем рыночных инноваций и способности преобразовывать многообразие комбинаций производственных и товарообменных факторов. Имеется в виду технология предпринимательства в рамках тех ее законов, которые и определяют систему рыночных, а вернее, взаимоотношений².

В трудах А. Хайека о предпринимательстве центральное место отводится личности, индивиду, т. е. субъекту свободного рынка³. А. Хайек с принципиальных позиций рассматривает общепринятые взгляды на понятия спроса и предложения на рынке труда и услуг.

С точки зрения теории рыночных отношений представляет интерес учение П. Верхарна, которое касается системы ценностей предпринимателя в контексте его влияния на социальные отношения⁴. П. Верхарн пришел к выводу, что немаловажным обстоятельством для предпринимателя является не обладание собственным или чужим капиталом, а умение им распорядиться. Согласно этой точке зрения критериями, определяющими роль и место предпринимателя, являются: рентабельность предприятия (прибыль), получение максимальной прибыли без ущерба для начатого дела (отказ от сиюминутных выгод), перспективы успешного существования как субъекта хозяйствования. Развитие предпринимательской деятельности невозможно без ее общественной поддержки. Таким образом, в зарубежных исследованиях обоснованы подходы к предпринимательству как в рамках теорий социального действия, так и с точки зрения структурализма.

В настоящее время при изучении предпринимательства учитывается его роль в экономических преобразованиях страны, в социальных отношениях, а также принимается во внимание анализ социальной структуры самого предпринимательства. Исследуется также система управления, так как предприниматель вырабатывает стратегию, принимает решения, направля-

ет движение капиталов (т. е. осуществляет деятельность по организации производства) и оказывает воздействие на социальные связи и отношения. Таким образом, в функциях предпринимательской деятельности необходимо выделять три составляющие: экономическую (макро- и микроуровни), социальную и личностно-психологическую. Третья функция, возможно, имеет определяющее значение. На основании проведенного анализа сущность современного предпринимательства можно определить как особый вид самостоятельной деятельности, отличающийся творческим, инновационным характером, ориентацией на достижение как личностных, так и общественно значимых целей и заключающийся в создании новых предприятий, производящих товары и услуги в различных сферах, не запрещенных законом.

Развитие названной сферы деятельности является одной из приоритетных задач государственной политики. Общество уже начинает осознавать, что с помощью малого и среднего бизнеса можно не только смягчить кризисные проявления, но и выйти на более качественный уровень. Признавая значимость предпринимательства, многие ученые рассматривают его как ключевой фактор экономического роста и стратегического ресурса наполнения бюджета, обеспечивающего переход от экстенсивного к интенсивному развитию. Если в 50-е гг. в США ежегодно регистрировалось в среднем 130 тыс. фирм, в 60-е гг. – 220 тыс., то в 90-е гг. ежегодно возникало в среднем около 600 тыс. фирм

В последнее десятилетие в странах с устойчивой рыночной экономикой наблюдается своеобразный взлет предпринимательской активности: многие стремятся основать свое дело. Причина данного процесса видится в действии трех факторов:

- 1) влияния технического прогресса, научно-технической революции, информатизации и опоры на интеллектуальные ресурсы общества;
- 2) усложнения и расширения индивидуальных и общественных потребностей. Диверсификация потребностей современного общества столь велика, что только предпринимательство с его гибкостью и быстрым реагированием способно более оперативно решать запросы населения;
- 3) связи с социально-политическими процессами.

Общей тенденцией прогресса для развитых стран является становление в них новых, так называемых постиндустриальных систем, для которых характерны социальные, экономические, культурные, технологические революции, затрагивающие образ жизни, социальные отношения, ценностные ориентации, процессы расширения свободы и индивидуализации в обществе. Таким образом, предпринимательство как фактор социально-экономической реформы занимает важное место в системе отношений и государственной политики и личностно-общественных отношений.

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

² См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

³ См.: Проблемы предпринимательства в истории западной индустриальной социологии. М., 1994.

⁴ См.: Хайек А. Ф. Дорога к рабству. М., 1992.

Права

И.И. МАХ

К ВОПРОСУ О ЗАКОННОСТИ

Состояние законности – основополагающее условие существования и развития правового демократического, социального государства. Законность необходима для обеспечения свободы и реализации прав граждан, осуществления демократии, образования и функционирования деятельности государственного аппарата. Она обязательна для всех элементов государственного механизма (организаций, учреждений и т. д.), гражданского общества (общественных, религиозных объединений и организаций и др.).

Для практики государственного строительства и юридической науки рассматриваемая проблема всегда была очень важной и дискуссионной.

Содержание и суть данного правового термина, несмотря на его весьма частое использование в правовой и иной литературе, остается до конца не выясненным, и ученые-юристы продолжают спорить по его поводу. Вопросы законности с момента возникновения государства и права привлекали внимание ученых-правоведов, древних философов.

«Что законно, то и справедливо», – утверждал Сократ. В своей доктрине законности Локк, размышляя о праве, отмечал в качестве одной из ее целей «...сопротивление всяким незаконным правилам власти»¹.

Вопросы законности как объект размышлений над правовыми проблемами присутствовали у многих древних ученых-философов, в частности Ф. Бэкона, Аристотеля, Папиниана, Платона и др.² По сути, позиции, выработанные мыслителями того и более позднего периода, легли в основу концепций правовых государств, по пути развития которых пошли ряд наиболее прогрессивных стран Запада и американского континента. Результатом этого явились: Конституция США, Французская декларация прав человека, Конституция Франции, Речи Посполитой и др. К сожалению, эти глубоко прогрессивные явления в меньшей мере коснулись России, в том числе и Беларуси, входившей тогда в состав империи.

Концепции же законности, появившиеся в советский период в силу исключительной политизированности всех сфер общественной жизни, были весьма далеки от сути общепризнанной модели правового государства, основной составляющей которой она является.

Анализ юридической литературы того времени, а в ряде случаев и мнения ученых-правоведов сегодняшнего дня позволяют указать на доминирование в понятии законности, ранее социалистической, следующего положения: «...Социалистическая законность – это строгое и неуклонное исполнение законов и подзаконных нормативных актов всеми субъектами советского права».

Произошедшие в последнее десятилетие объективные процессы смены общественной системы и политического режима вызвали существенный

импульс развития отечественных обществоведческих наук, в числе которых и правовая наука. В научной юридической литературе развернулись бурные дискуссии, в которые включились правоведы. Не остался без внимания и вопрос о понятии и содержании категории "законность". При этом следует отметить, что основные положения, высказанные более двух тысяч лет, по сути, и сегодня лежат в основе суждений современных авторов, исследующих эту проблему.

Предварительные итоги обсуждения этого вопроса позволяют сделать сегодня вывод о существовании двух основных позиций. Авторы, придерживающиеся первой из них, заменив понятие "социалистическая законность" на просто "законность", остаются приверженцами старого его содержания, суть которого заключается в том, что под законностью понимается "строгое и неуклонное соблюдение законов и основанных на них подзаконных актов". В качестве представителя первых можно назвать, в частности, М.С. Строговича, который отмечает, что сущность законности заключается в соблюдении и исполнении законов. А соблюдение подзаконных актов вытекает из природы соответствия их закону³. Аналогичную позицию занимает В.Н. Кудрявцев, по мнению которого законность отражает определенный режим общественной жизни, метод государственного руководства, «состоящий в организации общественных отношений посредством издания и неуклонного осуществления законов и других правовых актов»⁴. Придерживаются данного мнения и другие ученые-юристы. Суть содержания концепции законности другой группы ученых заключается в том, что, оставив основное содержание понятия "законность", они используют в своих понятийных конструкциях, кроме термина "законы", и термин "право".

Ко второй группе ученых можно отнести, например, Н.В. Витрука, который утверждает, что «законность есть система реально действующего права»⁵. Такой же позиции придерживаются и авторы учебного пособия по теории государства и права под редакцией профессора В.Г. Стрекозы, по мнению которых законность – это общественно-политический режим, состоящий в господстве права и закона в общественной жизни, неукоснительном осуществлении предписаний правовых норм всеми участниками общественных отношений, последовательной борьбе с правонарушениями и произволом в деятельности должностных лиц, обеспечении порядка и организованности в обществе⁶. По сути, в высказанных ими дефинициях ставится знак равенства между понятиями "закон" и "право". По нашему мнению, такая позиция не совсем верная, хотя и имеет под собой вполне обоснованную теоретическую концепцию, суть которой заключается в том, что "законность есть справедливость".

Близко по своей сути высказывание В.Н. Храпанюка и других ученых-правоведов, по мнению которых законность есть строгое и полное осуществление предписаний правовых законов и основанных на них юридических актов всеми субъектами права⁷.

К одной из причин для подобного видения законности можно отнести принятие нашим обществом концепции правового государства, которая отражена в конституциях России и Беларуси. В частности, в ст. 1 Конституции Республики Беларусь указано, что республика является правовым, демократическим, социальным государством, что подтверждается и содержанием других статей Конституции, а также принятыми на их основе законодательными актами, составляющими механизм правового государства и обеспечивающими защиту его основных принципов.

С другой стороны, сказывается привязанность к сложившемуся в течение десятилетий, практически единодушно признаваемому понятию и содержанию законности.

Придерживаясь позиции первых и не отрицая необходимости изменения взгляда на категорию "законность", отметим, что основой противоречий мо-

жет стать обсуждение вопросов, связанных с такими основополагающими категориями правовой науки, как "право" и "закон", их содержанием и соотношением. В основе подобного суждения находится имеющая место в течение многих лет дискуссия, связанная с названными проблемами.

Существуют различные позиции ученых-юристов по поводу места правовых явлений в теории и практике. Одни признают и отстаивают позицию сложной, широкой трактовки категории "право", другие, по сути, не отрицают такую точку зрения, но считают неприемлемой и в ряде случаев вредной для практики.

К представителям первой позиции относятся Н.М. Коркунов, отмечавший "неизбежность некоторого раздвоения права"⁸. Л.И. Петражицкий, утверждающий, что "право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и поэтому осуществление есть основной признак права"⁹. К современным авторам данной концепции можно отнести Л.С. Явича, который в содержании права видит не только нормы, но и правосознание, правоотношения, субъективное право, акты применения и т. д.¹⁰ Системный характер права, включающий не только нормы, но и юридические отношения, отмечает и Е.Б. Пашуканис¹¹. По мнению Д.А. Керимова, в понятие права входят, во-первых, правовые принципы, т. е. устоявшиеся основы правового сознания и главные направления правовой политики; во-вторых, правовые предписания, имеющие как нормативный, так и ненормативный характер; в-третьих, правовые действия, непосредственно реализующие правовые принципы и предписания, воплощающие их в реальную действительность, в правовую сферу жизнедеятельности общества¹².

Как указывают авторы учебника "Проблемы общей теории права и государства", право – не только позитивное, но и естественное и включает основные права и свободы человека¹³, прирожденные и неотчуждаемые.

Ко второй группе авторов можно отнести С.С. Алексеева, который считает, что при широкой трактовке права, когда оно отделяется от закона, само понятие правомерного может быть деформировано и войти в противоречие с принципом законности, привести к легализации незаконной, юридически противоправной деятельности тех или иных лиц, действующих якобы в соответствии с некими не выраженными в законе правами¹⁴.

Если исходить из положения Сократа "что законно, то и справедливо" либо Фомы Аквинского "закон должен выражать общее благо", то данное суждение трижды верно. Но существуют и иные суждения, например, Демокрит отмечал "законы" как дурное изобретение, подразумевая, видимо, что не всякий закон есть благо. Законы могут быть "хорошими и дурными" как указывал Б.Н. Чичерин¹⁵ спустя более двух тысячелетий. Право, в отличие от "произвольного", "несовершенного", "недостаточного", а иногда даже "неприемлемого" закона, всегда "истинно", "разумно", "естественно", "действительно", "человечно", как отмечают и наши современники¹⁶. К сожалению, приведенные выше множественные высказывания по поводу закона вполне обоснованны, о чем свидетельствует, например, природа законодательства в антидемократических государствах, в бывшем СССР.

Существуют и более радикальные мнения по поводу правового позитивизма. В частности, Л.В. Петрова указывает, что, "только антипозитивистски воспитывая и обучая, можно надеяться, что будущие юристы не смогут стать социально опасными для общества"¹⁷. Однако очевидно то, что многие авторы не отрицают сложный, широкий, системный характер категории "право", одним из элементов которой является "закон". В таком случае приведенные выше понятия законности, включающие в себя одновременно две категории "право" и "закон", вряд ли верны. Первая категория имеет в своем содержании вторую, а следовательно, должна присутствовать одна из них: либо "право", либо "закон". Мы разделяем мнение авторов, понимающих законность как строгое и неукоснительное соблюдение законов и принятых на

их основе подзаконных актов", так как считаем, что данная теоретическая конструкция определяет сущность исследуемого нами явления. По-своему правы и другие авторы, утверждающие, что природа законности шире строгого соблюдения законов. Представляется, что возникшие разногласия ученых-правоведов позволяют говорить об изменении самого современного видения явления и категории "законность". В силу объективно сложившихся обстоятельств данная категория уже не вмещает в свое содержание реально складывающихся правовых отношений новой государственности.

Именно поэтому можно отметить назревшую необходимость введения нового, дополнительного правового аппарата, отражающего суть современного демократического общества, к которому можно отнести и категорию "правомерность"¹⁸. Подобное решение, на наш взгляд, могло бы, во-первых, внести некоторую ясность в ведущуюся дискуссию, во-вторых, отразить действительно сложившуюся правовую ситуацию, связанную с принятием концепции "правового государства". Не претендуя на всесторонность предлагаемой конструкции данного правового явления, в качестве отправной модели понятия "правомерность" укажем такую трактовку, как "правомерность есть состояние общественных отношений, обеспечивающая верховенство права", при этом "законность" становится основным составляющим элементом "правомерности".

Возникает проблема: как толковать и осуществлять данную правовую установку.

На наш взгляд, нельзя отождествлять понятия "правомерность" и "реализация права". В данном случае указанное выше системообразующее требование выражает движение к цели. Поэтому "правомерность" характеризует не состояние или конкретный результат, а живой процесс, например, формирование правового государства и гражданского общества. Такое понимание сущности "правомерности" позволяет судить о ее содержании как системном образовании, имеющем сложную структуру, посредством которой в понятии "правомерность" обобщаются предметы – носители признаков данного явления.

¹ См.: Локк Д. Избранные философские произведения: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 8.

² См.: Бэкон Ф. Соч. М., 1971. Т. 1. С. 536; Аристотель. Политика. Афинская политика. М., 1997. С. 19–21; Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. М., 1956. С. 105; Маковский А. О. Софисты. Баку, 1940. Вып. 1. С. 43.

³ Строгович М. С. Проблемы общей теории права // Избранные труды: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 111.

⁴ Кудрявцев В. Н. Законность: содержание и современное состояние // Законность в Российской Федерации: Сб. ст. М., 1998. С. 4.

⁵ Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. проф. М. Н. Марченко; Теория права. М., 1998. Т. 2. С. 510.

⁶ См.: Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1999. С. 436.

⁷ См.: Храпанюк В. Н. Теория государства и права: Учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. проф. В. Г. Стрекозы. С. 344–348.

⁸ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 276–277.

⁹ Петрожицкий Л. И. Очерки философии права. СПб., 1900. С. 9, 15.

¹⁰ См.: Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 108.

¹¹ См.: Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 78.

¹² Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 193–194.

¹³ См.: Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов / Под. общ. ред. чл.-кор. РАН, д-ра юр. наук, проф. В. С. Нерсисянца. М., 1999. С. 688.

¹⁴ См.: Алексеева С. С. Право-институциональное социальное образование // Вопросы теории государства и права: Сб. ст. Саратов, 1983. С. 9–10.

¹⁵ См.: Чичерин В. Н. Философия права. М., 1900. С. 2.

¹⁶ См.: Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М., 1988. С. 7.

¹⁷ См.: Петрова Л. В. О естественном и позитивном праве // Государство и право. 1995. № 2. С. 32–33.

¹⁸ Следует отметить, что данное понятие не ново и давно использовалось рядом авторов, однако в силу отрицания в социалистическом обществе концепции «правового государства» не нашло широкого применения в правовой науке и практике.

Мах Игорь Иванович – кандидат юридических наук.

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКОВОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ НЕНОРМАТИВНЫХ АКТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ИНЫХ ОРГАНОВ

Определение форм защиты субъективных прав и законных интересов представляет как теоретическую, так и практическую значимость, поскольку от их выбора во многом зависит эффективность правовой защиты. Признание недействительными актов и незаконными действий государственных и иных органов предполагает реализацию властных судебных полномочий через определенную процедуру с использованием определенных способов и средств судебной защиты, обусловленных материально-правовыми особенностями дел. Однако подобные процедуры, способы и средства по-разному применяются в гражданском и хозяйственном процессах. Как отмечается в литературе, актуальным для законодательства является более четкое определение вида судопроизводства либо указание на средства судебной защиты.

Судебная деятельность как урегулированный нормами процессуального права порядок судебной защиты осуществляется как в исковой, так и в не-исковой формах. Возможность применения исковой формы для разрешения споров в административных и иных публичных правоотношениях является предметом дискуссии в научной литературе.

Ряд авторов относят дела, возникающие из административно-правовых отношений, к делам искового производства². При этом одни авторы склонны говорить о возбуждении производства по этим делам гражданским иском, а другие – административным. Сторонники гражданского характера иска объясняют свою позицию подчинением его как средства защиты права процессуальной форме его реализации, а сторонники административного обосновывают свою позицию влиянием характера материального права на процессуальный характер его защиты. Другими авторами использование иска в указанном производстве отрицается³.

Как правило, гражданское процессуальное право рассматривает в качестве средств защиты прав и охраняемых законом интересов юридических и физических лиц иск в тех случаях, когда речь идет о споре гражданском, а жалобу или заявление – когда права и интересы заявителя подлежат защите в публично-правовых отношениях. Полномочия общих судов при разрешении исковых дел обусловлены спецификой гражданско-правового способа защиты (решение о взыскании, о понуждении к совершению определенных действий и т. д.).

В делах, возникающих из административно-правовых отношений, рассматриваемых общими судами, средством защиты субъективных прав выступает жалоба на действия, бездействие или решения соответствующих органов, организаций и должностных лиц⁴. При разрешении этих дел судом применяются указанные в законе способы защиты, которые сводятся к определению юридической судьбы акта или действия (например, признание их законными, правомерными либо их отмена или изменение по известным мотивам), а также к установлению обязанности соответствующего лица устранить допущенное нарушение, совершить определенное действие, восстановить нарушенное право заявителя. В порядке неискового производства обжалуются акты и действия государственных и иных органов, указанные в главе 29 ГПК. Применительно ко всем указанным делам гражданское процессуальное законодательство оперирует понятием не «иск», а «жалоба».

Применение института жалобы объясняется распространенным в научной литературе мнением о неравенстве участников административного правоотношения, о возможности со стороны государственного органа в од-

ностороннем порядке определять круг прав и обязанностей различных лиц, которые должны соблюдать находящиеся в рамках закона предписания государственных органов, о возникновении такого отношения помимо воли обязанного субъекта⁵. Такая точка зрения нашла свое выражение в установлении специфических способов и средств защиты субъективных прав и законных интересов в административных и иных публичных правоотношениях, а также особого порядка их защиты в суде, предполагающего использование не иска, а жалобы либо заявления, указанный порядок, допускающий изъятия из исковой формы защиты права, обосновывался отсутствием спора о праве и спорящих сторон в таких делах, неравноправием участников процесса.

Спорность как признак (характеристика) дел, возникающих из административно-правовых отношений, длительное время была предметом разногласий различных авторов. Некоторые из них проводили существенную разницу между делами искового производства и делами, возникающими из административно-правовых отношений, по связи между субъектами и содержанию оспыскиваемой защиты, отмечая отсутствие во втором случае равенства прав субъектов и спора о праве. Так, В.Н. Щеглов считал, что спор существует только при равном положении субъектов, а в случае их неравноправия он невозможен, в том числе и тогда, когда заявлено требование о незаконности и необоснованности акта, поскольку постановление первого обязательно для другого⁶. П.Ф. Елисейкин также отрицал наличие в таких делах спора о праве, утверждая при этом, что властный орган осуществляет свои полномочия независимо от всех других субъектов, а в случае обжалования его действий предметом деятельности суда является не разрешение спора, а проверка законности действий органа управления или должностного лица⁷.

В настоящее время можно считать общепризнанным наличие спора о праве и спорного характера судопроизводства в делах, возникающих из административно-правовых отношений⁸, что представляется обоснованным. В случае, когда изданием акта нарушается субъективное право или налагается не соответствующая закону обязанность, возникает охранительное правоотношение, в силу которого субъект хозяйствования может требовать в судебном порядке устранения нарушения права и его последствий, восстановления ранее существовавшего положения. При возникновении спора и передаче его на разрешение суда участники административного правоотношения становятся субъектами процессуального правоотношения, при этом перед лицом независимого суда они обладают равными процессуальными правами, в отношении них одинаково действуют все правила хозяйственного судопроизводства, на них без изъятий распространяется законная сила судебного решения⁹.

На наш взгляд, право на иск как право на обращение в суд за защитой не связано формой требования к суду о защите (исковым заявлением, заявлением или жалобой), которое является лишь средством защиты. Как отмечено рядом авторов, особенности судебного рассмотрения и разрешения присущи различным категориям дел (семейным, трудовым, жилищным и др.), имеются при этом определенные исключения из общих правил или дополнения к ним. Однако эти особенности, в том числе название заявления, не настолько существенны, чтобы процессуальная форма рассмотрения спора потеряла свой исковой характер, поскольку не наименование процессуального средства защиты определяет исковую форму защиты, а наоборот, исковая форма защиты установлена для разрешения споров о праве¹⁰. Попытки ряда авторов на основе разграничения жалобы и иска провести тезис об отличии форм защиты (например, об отсутствии материально-правового требования) в делах, возникающих из административно-правовых отношений, и поэтому об отсутствии иска не являются в достаточной мере обосно-

ванными, потому что как иск, так и жалоба содержат два взаимосвязанных требования: материально-правовое к субъекту с противоположными интересами и процессуальное к суду о защите права¹¹. Равно неприемлем и тезис о том, что общие способы защиты гражданских прав не могут применяться в делах, возникающих из административных правоотношений и требующих использования специальных способов¹².

Некоторыми авторами "особый порядок" рассмотрения публично-правовых споров обосновывается публичным характером защищаемых прав и свобод субъектов публичных правоотношений. Однако такой подход вряд ли можно признать правильным, поскольку, во-первых, судом при разрешении таких споров применяются нормы как публичного, так и частного права, а во-вторых, при разрешении "чисто" гражданских споров, разрешаемых в общем исковом порядке, также присутствует контроль за законностью актов управления, связанных с публично-правовыми отношениями¹³. Такой вывод основан также и на высказанном в литературе мнении о том, что тенденции развития законодательства и расширение права на судебную защиту предопределяют возможность использования иска для защиты субъективных прав в публично-правовых отношениях¹⁴. Как полагает А.Т. Боннер, к рассмотрению дел неискового производства по существу применим исковый порядок, а различия в неисковых и исковых производствах являются терминологическими и в значительной мере носят формальный характер¹⁵. По его же мнению, в результате логики развития производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, оно будет полностью ликвидировано¹⁶.

Использование исковой формы защиты права для рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений, может лишь способствовать лучшей защите субъективных прав от незаконных действий государственных и иных органов. По мнению Г.Л. Осокиной, наличие у административного иска всех его признаков как универсального понятия могут быть объяснены и обоснованы только с точки зрения его существования как разновидности родового понятия иска, в силу которого первый обладает всеми свойствами универсального правового инструмента¹⁷. Во-первых, в делах об оспаривании актов и действий государственных и иных органов иск как требование о защите связан, как уже указывалось выше, со спором о праве. Во-вторых, в таких делах присутствуют спорящие субъекты с противоположными юридическими интересами независимо от характера материально-правовой связи между ними. В-третьих, рассмотрение и разрешение спора осуществляется независимым от спорящих сторон и беспристрастным судом, в котором субъект ищет защиту. И наконец, состязательный характер процесса предопределяет применение к нему исковой формы. Очевидно также, что при защите прав заявителя в неисковых производствах судом используются в основном способы защиты гражданских прав, предусмотренные ст. 11 Гражданского кодекса и характерные для искового производства.

Современные теории иска исходят из того, что он как требование о защите субъективного права и охраняемого законом интереса имеет универсальный характер и область применения его не ограничивается рамками собственно гражданских споров, равно как и гражданского процесса вообще¹⁸. Цивилистический подход к иску ранее обосновывался отсутствием у него публично-правового характера, что справедливо лишь в том случае, когда он определяется как частно-правовое требование истца к ответчику. Определение же его как требования к суду свидетельствует о его публично-правовой природе¹⁹. Наличие же у иска признака публичности позволяет применять его для защиты публичных прав.

Критерием разграничения иска и жалобы является характер материального правоотношения, из которого возникает спор. Однако, как указывает

М.А. Викут, поскольку публично-правовые споры возникают из разнохарактерных правоотношений, этот признак нельзя признать достаточным, а в основу разделения дел искового и неискового производства необходимо положить иной (безусловный) критерий – спор о любом праве²⁰.

Использование института жалобы в гражданском процессе объясняется не в последнюю очередь четким правовым регулированием его нормами ГПК. Однако отсутствие аналогичного института в ХПК наряду с последними тенденциями развития теории иска позволяет отстаивать возможность применения исковой формы защиты субъективных прав в собственно административных и иных публичных правоотношениях. С вопросом о возможности применения исковой формы защиты в делах, возникающих из публично-правовых отношений, тесно связан вопрос о выделении этих дел в самостоятельный вид судопроизводства.

Касаясь вида судопроизводства, следует отметить отсутствие в литературе его единого и точного определения²¹. Большинство авторов вид судопроизводства определяется как особый процессуальный порядок рассмотрения определенной категории дел, в основе которого лежат общие правила судопроизводства, а также обусловленные материально-правовой спецификой дел изъятия из этих правил²². Для выделения видов судопроизводства в хозяйственном процессе необходимо решить вопрос о том, является ли совокупность материальных и процессуальных особенностей того или иного спора (специфика субъектного состава, материального правоотношения, характер предоставляемой защиты) основанием для такого обособления.

На наш взгляд, бессмысленно разделять судопроизводство там, где процедура рассмотрения различных категорий дел имеет больше общего, чем отличного. Отдельные особенности рассмотрения категорий дел не создают таких препятствий в реализации процедуры и осуществлении правосудия, как в случае принципиально иного субъектного состава и характера спорного материального правоотношения. В связи с этим следует признать, что судопроизводство по делам о признании недействительными актов государственных и иных органов является, по существу, исковым.

В Хозяйственном процессуальном кодексе отсутствует как понятие "вид судопроизводства", так и сами его виды, поскольку рассмотрение споров в хозяйственных судах осуществляется с использованием исключительно исковой формы защиты права. Вместе с тем ряд дел обладает спецификой, позволившей законодателю обособить их в главе 21 ХПК под названием "Особенности производства по отдельным категориям дел". В частности, в названной главе содержится категория дел по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении. Однако, несмотря на общее упоминание об особенностях производства по этим делам, а также на употребление применительно к ним термина "жалоба", в ст. 173 ХПК указывается, что дела по таким жалобам рассматриваются по общим правилам хозяйственного судопроизводства. Поэтому такое обособление означает не выделение отдельных видов производства, в которых допускаются изъятия из исковой формы защиты, а свидетельствует лишь об определенных особенностях в правилах рассмотрения споров, обусловленных их материально-правовой спецификой. Несмотря на то, что дела о признании недействительными актов государственных и иных органов обладают особенностями, отраженными в различных стадиях судопроизводства, они не были включены в главу 21 ХПК.

Тенденции развития как хозяйственного процессуального права в Беларуси, так и арбитражного процессуального права в России не свидетельствуют о перспективе выделения видов судопроизводства. Следовательно, предложения о совершенствовании форм и способов защиты субъективных

прав и охраняемых законом интересов юридических и физических лиц при разрешении экономических споров должны находиться в рамках концепции иска. Учитывая существующую структуру ХПК, особенности дел о признании недействительными актов и незаконными действий государственных и иных органов вполне могут быть учтены и отражены применительно с исковому порядку рассмотрения и разрешения споров.

Иски о признании недействительными актов, а равно незаконными действий государственных и иных органов с точки зрения классификации исков по процессуально-правовому признаку являются отрицательными исками о признании. Несмотря на имеющиеся в данном случае специфический способ правовой защиты, административный или иной властный характер правоотношения, специфику субъектного состава и т. п., это не изменяет вид иска, поскольку речь идет о констатации отсутствия определенного правоотношения между государственным и иным органом и субъектом хозяйствования.

Таким образом, дела о признании недействительными актов и незаконными действий государственных и иных органов в хозяйственных судах мы можем определить как дела искового производства, в которых средством защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов субъектов хозяйствования выступает отрицательный иск о признании.

¹ См.: Колядко И. Н. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: основные положения, новеллы и проблемы применения // Юстиция Беларуси. 2000. № 2. С. 21.

² См.: Жеруолис И. А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969. С. 162–172; Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 134–143.

³ См.: Елисейкин П. Ф. Судебный надзор за деятельностью административных органов // Проблемы государства и права на современном этапе: Сб. ст. Владивосток, 1963. С. 35; Чечот Д. М. Иск и исковые формы защиты права // Правоведение. 1969. № 4. С. 73–75.

⁴ См.: Гражданский процесс. Общая часть / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Мн., 2000. С. 465.

⁵ Боннер А. Т., Квиткин В. Т. Судебный контроль в области государственного управления. М., 1973. С. 21.

⁶ См.: Щеглов В. Н. Иск о судебной защите гражданского права. Томск, 1987. С. 7.

⁷ См.: Елисейкин П. Ф. Указ. соч. С. 34–36.

⁸ См.: Боннер А. Т., Квиткин В. Т. Указ. соч. С. 22, 23; Добровольский А. А., Иванова С. А. Указ. соч. С. 135–137; Елисейкин П. Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Учен. зап. ДВГУ. Владивосток, 1969. Т. 31. Ч. 1. С. 97; Жеруолис И. А. Указ. соч. С. 153–155; Чечот Д. М. Неисковые производства. М., 1973. С. 6–7.

⁹ См.: Боннер А. Т., Квиткин В. Т. Указ. соч. С. 22, 23; Добровольский А. А., Иванова С. А. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ См.: Добровольский А. А., Иванова С. А. Указ. соч. С. 138–140.

¹¹ См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. М., 1972. Т. 1. С. 124; Жеруолис И. А. Указ. соч. С. 155, 165; Добровольский А. А., Иванова С. А. Указ. соч. С. 142.

¹² Чечот Д. М. Указ. соч. С. 5–6; Усталова А. В. Виды гражданского судопроизводства: соотношение общих и специальных правил // Вопросы развития теории гражданского процессуального права / Под ред. С. А. Иванова и М. К. Треушникова. М., 1981. С. 142–143.

¹³ См.: Березина Н. В. Проблемы судебной защиты прав, свобод и интересов граждан в сфере публично-правовых отношений // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В. В. Яркова. Екатеринбург, 1998. С. 167.

¹⁴ См.: Гражданский процесс. Общая часть / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Мн., 2000. С. 467; Ремнев В. И. Право жалобы и административная юстиция в СССР // Советское государство и право. 1986. № 6. С. 32.

¹⁵ См.: Гражданский процесс: Учебник для вузов. М., 1996. С. 227–233.

¹⁶ См.: Гражданский процесс. М., 1993. С. 326.

¹⁷ См.: Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М., 2000. С. 47–52.

¹⁸ См.: Осокина Г. Л. Там же. С. 31–32.

¹⁹ См.: Осокина Г. Л. Там же. С. 34–36.

²⁰ См.: Викут М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России. М., 1999. С. 196–197.

²¹ См.: Колядко И. Н. О понятии «вид судопроизводства» в советском гражданском процессе // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1985. № 1. С. 60.

²² См.: Боннер А. Т., Квиткин В. Т. Указ. соч. С. 47.

Верховодко Игорь Иванович – преподаватель юридического факультета.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Проблемы классификации мер административно-правового принуждения в налоговой сфере приобретают особую значимость в связи с динамичным становлением на постсоветском пространстве рыночной налоговой системы. Сегодня государство вынуждено строить свои экономические отношения с обществом (налогоплательщиками) на основе позитивного налогового партнерства.

В этих условиях государство стремится ввести открытую и вместе с тем достаточно строгую систему контроля за сферой налогообложения. Анализ налогового законодательства Республики Беларусь показывает, что институт административно-правового принуждения в налоговой сфере является доминирующим, а система принудительных мер весьма многообразна, что вызывает необходимость их научной видовой идентификации.

Классификация мер административного принуждения в налоговой сфере должна опираться на критерии, выработанные наукой административного права, в котором эта проблема стала объектом особого внимания ввиду неоднозначности мер принуждения, применяемых в сфере осуществления административных функций органами государственного управления.

На неоднородность государственного принуждения, и в частности на то, что оно включает не только взыскание (наказание), но и меры принуждения, которые применяются в иных целях и по другим основаниям, впервые было обращено именно при исследовании мер административно-правового принуждения¹.

Учеными-административистами впервые была разрешена и проблема научных критериев классификации мер административно-правового принуждения. В 1956 г. М.И. Еропкин подразделил все меры административно-правового принуждения на три группы: *административно-предупредительные, административного пресечения, административного взыскания (административной ответственности)*². Классификация мер административно-правового принуждения, предложенная М.И. Еропкиным, остается базовой в административном праве и сегодня.

Проблема неоднородности административно-правового принуждения и соответственно критериев классификации принудительных мер рассматривается в работах И.А. Галагана. По его мнению, в основу классификации должны быть положены такие факторы видовой идентификации принудительных мер, как способ обеспечения правопорядка, особенности нормативной регламентации, цели (их функциональная направленность), основания и правовые последствия применения, процессуальные (процедурные) особенности реализации. С учетом этих критериев И.А. Галаган выделяет три такие же классификационные группы мер административного принуждения³.

Своеобразной является позиция Д.Н. Бахраха, по мнению которого вне правонарушения и вне санкции никакие меры административно-правового принуждения применяться не могут. В последней работе он прямо заявляет, что так называемые предупредительные меры, реализуемые на основе и в рамках административно-властных полномочий контрольного характера, не являются вообще принудительными. В основу классификации Д.Н. Бахрах кладет способ обеспечения правопорядка, точнее, способ восстановления и поддержания правопорядка в связи с совершенным правонарушением, и выделяет следующие группы мер: пресечения, наказания (взыскания), восстановительные. Понимая, что ряд мер, относящихся к мерам процессуального принуждения (осмотр вещей, личный досмотр, изъятие вещей и документов), могут проводиться и проводятся при отсутствии правонаруше-

ния. Д.Н. Бахрах утверждает, что правонарушения нужно подразделять на виновные нарушения установленных запретов и объективно-противоправные действия, не объясняя, однако, что конкретно означает последнее. Сторонница и ученица Д.Н. Бахраха Л.Ю. Кролис, моделируя эту позицию на налоговую сферу, пишет: "Нарушения налогового права по очень важному для юридической теории и практики признаку – виновности – следует разделить на два типа: объективно-противоправные и виновные действия (правонарушения). Поэтому необходимо различать разные по объему понятия: нарушение налогового права и налоговое правонарушение"⁶. Таким образом, объективно-противоправные с точки зрения налогового права действия – это не правонарушение, но нечто возможное, что потом может стать правонарушением.

Чрезвычайно важной нам представляется классификация мер принуждения по их функциональной направленности. Данный критерий является комплексным и включает следующие моменты: а) *нормативные основания применения административно-правового принуждения*; б) *фактические основания применения мер административно-правового принуждения*; в) *способ воздействия и обеспечения правопорядка на основе применения соответствующей меры административно-правового принуждения*; г) *правовые последствия для субъекта, подвергаемого принуждению*.

Значение такого комплексного критерия заключается в том, что он позволяет учитывать при анализе соответствующего вида мер административно-правового принуждения уровень его правового и функционального содержания, цели, способ (механизм) применения, и, что самое главное, прогнозировать его правовой стандарт (соответствие или несоответствие принципам права).

Сегодня есть основания говорить о расширении видовой и функциональной характеристик мер административно-правового принуждения. В научной литературе наблюдается оживление в дискуссии по поводу классификационных групп административно-правового принуждения, особенно относительно таможенной, налоговой, организационно-предпринимательской сфер⁷. При этом главное внимание обращается на функционально-содержательную сторону тех или иных мер административно-правового принуждения. Указанной проблеме в науке административного права посвящено специальное диссертационное исследование Е.П. Пастушенко. По функционально-содержательному моменту автор подразделяет все действия административного принуждения на следующие меры: *административной профилактики*; *административного пресечения*; *административно-восстановительные*; *процессуально-обеспечительные*⁸. Следовательно, функциональная направленность административно-правового принуждения многоплановая. В налоговой сфере указанные функции достаточно актуализированы и поэтому можно утверждать о наличии в системе налогообложения всего комплекса указанных мер принуждения, применяемых с учетом специфики налоговой сферы.

Особое место в контексте нашего исследования занимает вопрос о выделении в качестве самостоятельных видов административно-правового принуждения так называемых мер административно-процессуального обеспечения и административно-восстановительных.

По мнению некоторых авторов, выделение группы мер административно-процессуального обеспечения в качестве самостоятельных является излишним. Целью административно-правовых мер пресечения (в группу включаются и меры административно-процессуального обеспечения) является прекращение противоправных действий, привлечение виновных правонарушителей к административной ответственности, исполнение назначенной меры взыскания. Административно-процессуальное принуждение (задержание, доставление, личный досмотр, досмотр помещения, изъятие

документов, наложение ареста на имущество, приостановление операций по счету в банке и т. п.) функционально направлено на пресечение налогового правонарушения. Процессуально-обеспечительные меры позволяют оперативно пресекать правонарушение, обеспечивать своевременное осуществление мер ответственности, а равно применение мер административно-правового принуждения в целом. Так, задержание может быть осуществлено налоговой милицией в случае отказа или сопротивления налогоплательщика посещению помещения, хранилища должностными лицами налоговой инспекции; документы могут быть изъяты в случае отказа добровольно их выдать и т. д. В данном случае возникает необходимость процессуально-принудительных и одновременно пресекательных действий. Таким образом, меры административно-процессуального принуждения не имеют в административном праве самостоятельного значения, а представляют составную часть административно-правового пресечения.

Вопрос о выделении в системе административно-правового принуждения мер восстановительного характера представляется чрезвычайно актуальным. Налоговые отношения носят имущественный характер, преследуют фискальные цели государства. Поэтому всякое уклонение от уплаты налогов, сокрытие прибыли (дохода), несвоевременное внесение налоговых платежей причиняют имущественный вред государству, его финансово-кредитной системе. Позиция отрицания восстановительных мер принуждения в качестве самостоятельных зиждется на том, что абсолютно все меры административно-правового принуждения выполняют функцию охраны (восстановления) правопорядка. Трактовка функции охраны правопорядка и функции восстановления как тождественных не соответствует фактическому состоянию дел.

Административная ответственность в целом, и в налоговой сфере в частности, имея штрафной характер, задачу восстановления нарушенного правопорядка не решает. Административная ответственность специфическими способами восстанавливает правовую справедливость: путем применения меры взыскания воздействует на правонарушителя и принуждает его в будущем не совершать подобных правонарушений.

Восстановительные меры выполняют иную функцию в правоохранительной деятельности — они непосредственно реконструируют правовое положение, которое было до правонарушения или должно было бы иметь место, если бы виновный надлежащим образом выполнил возложенную на него обязанность. Что касается налогового права, то, несмотря на публичный и властный характер отношений между государством и налогоплательщиками, все-таки объектом административно-правовых отношений является вполне конкретное имущественное благо, что делает эти отношения приземленными и понятными с точки зрения власти в случае невыполнения (или ненадлежащего выполнения) налогоплательщиками обязанности полностью и своевременно платить налоги. Поэтому восстановительные меры принуждения в налоговой сфере сводятся к восстановлению имущественных (финансовых) потерь государства вследствие неуплаты или несвоевременной уплаты налога.

Ситуация осложняется тем, что, с одной стороны, так называемые финансовые санкции в налоговом законодательстве пытаются представить в виде некой самостоятельной налоговой (финансовой) ответственности и таким образом вывести проблему восстановительных мер на уровень самостоятельного вида юридической ответственности¹⁰. Проблема эта обострилась именно с формированием на постсоветском пространстве налогового законодательства, ориентированного на рыночную инфраструктуру производителей совокупного продукта. Падение валового продукта заставило государство принять достаточно жесткие санкции в отношении налогоплательщиков, нарушающих законодательство о налогах и предприниматель-

стве. В Российской Федерации с принятием и введением в действие первой части Налогового кодекса проблема правовой природы финансовых санкций была снята. Для Республики Беларусь этот вопрос остается одним из самых серьезных и острых по настоящее время.

Проблема классификации мер административно-правового принуждения связана и с вопросом идентификации содержания административной ответственности в налоговой сфере. Административные правонарушения затрагивают сферу государственного управления и выражаются в неисполнении установленных запретов. Запрещающие нормы, за нарушение которых установлена административная ответственность, по своей отраслевой принадлежности составляют наказательное административное право. Поэтому виновный нарушает административно-правовую норму в той части, где установлен запрет на совершение конкретного деяния. Однако нельзя согласиться с тем, что по сути административное правонарушение всегда является нарушением организационно-распорядительной обязанности по отношению к субъекту государственного управления. Мы исходим из того, что нормы административного права предусматривают составы правонарушений (общественно вредных деяний) безотносительно к тому, какие общественные отношения нарушены (налоговые, финансовые или другие). Суть административного правонарушения состоит в том, что оно носит конкретный характер, причиняет вред установленным государством отношениям в различных сферах правового регулирования.

Выделение финансовой, налоговой ответственности как самостоятельного вида должно быть обусловлено особенностью правовой природы соответствующего правонарушения, отличной от административного проступка. Ни в науке, ни в нормотворческой практике попытки обособить налоговое правонарушение от обычного административного проступка положительного результата не принесли. Своими санкциями оно охраняет и конституционные, и административные, и трудовые правонарушения. И.А. Клепицкий, рассматривая влияние Европейской Конвенции по правам человека и страсбургских прецедентов на правовую оценку преступления и административного правонарушения, указывает, что понятие уголовной сферы в соответствии со ст. 6 Конвенции, которая предусматривает право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, распространяется и на административные правонарушения, поскольку они по своей природе относятся к малозначительным преступлениям (терминология страсбургских прецедентов), т. е. к нарушениям универсального характера¹¹.

Основная проблема касается отграничения административной ответственности от иных видов административного принуждения, которое в административном праве широко применяется как метод правового регулирования в сфере обеспечения и поддержания надлежащего порядка в различных сферах управления. Еще в 1961 г. А.Е. Лунев методологически верно определил, что административная ответственность – только одна из форм административного принуждения, состоящая в применении к виновному в административном правонарушении меры взыскания¹².

Авторы, которые считают, что административное принуждение применяется только при совершении соответствующего проступка, отождествляют принудительные меры с ответственностью. С другой стороны, сторонникам этого взгляда приходится решать другую проблему: какие меры административного принуждения, применяемые в связи с правонарушением, следует считать мерами ответственности. Одними авторами их круг сужается до мер взыскания; другими – в содержание ответственности включаются также восстановительные и пресекаательно-обеспечительные. Д.Н. Бахрах в своей первой работе утверждал, что административная ответственность как последствие административного проступка есть реализация всего комплекса

мер административно-правового принуждения¹³. В последней работе он изменил свою позицию, утверждая, что содержание административной ответственности составляют только меры взыскания. Сторонником полного отождествления всех мер административного принуждения с ответственностью является Е.Н. Пастушенко, который считает, что при совершении правонарушения на виновного воздействует весь комплекс административного принуждения, который является и ответственностью¹⁴.

Упоминание в законодательстве о налогах и предпринимательстве наряду с административной и уголовной ответственностью финансовых санкций вынуждает остановиться на их правовой природе. Это особенно важно потому, что в некоторых актах на законодательном уровне уже прямо говорится о финансовой ответственности за нарушение законодательства о налогах и предпринимательстве. Какие же санкции являются финансовыми? Прежде всего санкции, предусмотренные п. 1–5 ст. 9 Закона Республики Беларусь "О налогах и сборах, вносимых в бюджет Республики Беларусь". Они являются штрафными по своей сути и в российской литературе на основе анализа налогового законодательства России до введения в действие первой части Налогового кодекса были практически единодушно расценены как проявление административной ответственности¹⁵. Указывая на известную (фискальную) специфику финансовых санкций, делалось правильное заключение, что такого типа ответственности, как финансовая, быть не может, что это просто терминологическое обозначение фискальной ориентации этих мер административно-правового принуждения. Финансовая санкция, имеющая имущественный характер, не может рассматриваться в качестве гражданско-правовой ответственности, которая проистекает и основывается на юридическом равенстве сторон. Имущественная ответственность при неравенстве сторон в налоговом правоотношении не может быть гражданско-правовой по сути.

Есть еще один момент, который "усиливает напряженность" в логике рассуждений и оценки финансовых санкций: они применяются вне жесткой связи с виной налогоплательщика, особенно когда речь идет о юридических лицах. Правда, положения Налогового кодекса России сделали в этом отношении существенный прорыв, закрепив презумпцию невиновности налогоплательщика (физического лица и организации, пока их вина не будет доказана налоговым органом и не установлена вступившим в законную силу решением суда (ч. 6 ст. 108 НК России). К сожалению, констатировать данное положение применительно к законодательству о налогах в Республике Беларусь мы не можем, поскольку финансовые санкции с предприятий и организаций по налоговым правонарушениям взыскиваются в бесспорном порядке по распоряжению налоговых органов (ч. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь "О налогах и сборах").

Резкое изменение содержания так называемых финансовых санкций за налоговые правонарушения в Налоговом кодексе России (часть первая), изменение процедуры и оснований их применения произошло не без влияния критики прежних положений, согласно которым на налогоплательщиков (физических и юридических лиц) возлагалась административная ответственность и дополнительно неизвестная по своей сути штрафная финансовая санкция (речь идет не о взыскании недоимки и пени, поскольку привлечение к ответственности налогоплательщика не освобождает его от выполнения основной обязанности – уплатить налог-недоимку с учетом начисленной пени, а о некоей дополнительной ответственности). Собственно этот вид финансовой санкции штрафного характера не вкладывался в рамки административной ответственности налогоплательщика, ибо в этом случае надо было бы признать, что виновный дважды привлекается к административной ответственности за одно и то же правонарушение.

Отметим, что в науке административного и финансового права позиция об отнесении штрафных финансовых санкций к финансовой ответственности как самостоятельному виду юридической ответственности не получила поддержки, если не считать редкие исключения¹⁶, и была подвергнута критике по сугубо теоретической, конструктивной и фактической неприемлемости выделения нового вида штрафной юридической ответственности в противовес административной¹⁷. Система возложения и механизм реализации любой правовой санкции как соответствующей ответственности должны отвечать определенным стандартизированным признакам (особенностям), которых нет у финансовой санкции, применяемой за налоговые правонарушения. По своей правовой конструкции и функциональному содержанию финансовая санкция, представленная в налоговом законодательстве, подразумевает и выражает только одну особенность – денежный характер взыскания и увязанность в ряде случаев с предметом правонарушения – суммой налога или сокрытого дохода (прибыли). Во всех иных своих проявлениях ответственность штрафного характера, которая возлагается на правонарушителя налогового законодательства, есть ответственность только административная.

Итак, по своей функциональной сути и содержанию финансовую санкцию, предусмотренную законодательством Республики Беларусь за налоговые правонарушения, нельзя признать мерой административного взыскания, поскольку в отношении физических лиц-налогоплательщиков она применяется наряду с привлечением к административной ответственности. С другой стороны, эта санкция вкладывается в контекст меры административного взыскания, когда она применяется в отношении юридического лица-налогоплательщика.

Если рассматривать штрафную налоговую санкцию в принципе, то она по сути является мерой административного воздействия. То, что налоговая санкция взыскивается вместе с недоимкой, не допускается замена иным взысканием, взыскание применяется в особом порядке – это все не черты налогового штрафа, а порядка его применения. Специфических черт финансового штрафа, не позволяющих отождествлять его с административным, просто нет. Конечно, процедура применения налоговых штрафов недостаточно урегулирована, но ее отсутствие не является аргументом, а недостатком законности ввиду отсутствия четкости.

Столь жесткая позиция белорусского законодателя к налогоплательщику (равно как и российского в первой фазе становления налогового законодательства) обусловлена стремлением государства в условиях экономического спада и финансового дефицита решить ряд проблем за счет мощного прессинга на тех, кто пытается заработать.

Соотнесение финансовой санкции с административной ответственностью налогоплательщика было бы возможным, если бы она применялась только в отношении субъектов – юридических лиц. В отношении же физических лиц она применяется с целью восстановления бюджетных потерь, связанных с нарушением требований налогового законодательства. Государство пытается "застраховаться" взысканием финансовой штрафной санкции за счет тех недобросовестных налогоплательщиков, которые выявляются налоговыми органами. Поэтому в контексте налогового законодательства Республики Беларусь (аналогичная ситуация на Украине) финансовая штрафная санкция является мерой восстановительного принуждения в налогообложении, хотя правомерность такой восстановительной меры административно-правового принуждения не совместима с принципами права и правового государства.

Выделение в качестве самостоятельного вида мер административно-восстановительного характера позволяет адекватно и содержательно определить их объем и тем самым ограничить возможности их применения рам-

ками ущерба, причиненного лично правонарушителем охраняемому правопорядку. Функционально цели ответственности значительно шире, в том числе поддержание и обеспечение общепреventивной функции административно-правового принуждения.

Налоговое законодательство Республики Беларусь предопределяет следующую **классификацию мер** административно-правового принуждения, применяемую налоговыми и иными контролирующими законную сферу государственными органами: *предупредительные, пресекательные, восстановительные и меры взыскания*.

Данная классификация предопределена самим законодательством и позволяет дать более детальный критический анализ каждой из указанных групп административно-правового принуждения на основе их функциональной, содержательной и правовой характеристики.

¹ См.: Ямпольская Ц. А. Об убеждении и принуждении в советском административном праве // Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952. С. 176–178; Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961. С. 48.

² См.: Еропкин М. И. О классификации мер административного принуждения // Вопросы административного права на современном этапе. М., 1963. С. 60–69.

³ См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970. С. 90.

⁴ См.: Бахрах Д. Н. Административная ответственность. М., 1999. С. 8; Он же. Принуждение и ответственность по административному праву. Екатеринбург, 1999. С. 89.

⁵ См.: Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 26–28.

⁶ Кролис Л. Ю. Административная ответственность за нарушения налогового законодательства: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1969. С. 10.

⁷ См.: Бахрах Д. Н., Кролис Л. Ю. Административная ответственность и финансовые санкции // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 87–91; Россинский Б. В., Тимошенко И. В. Административное принуждение в деятельности таможенных органов и проблемы его реализации // Закон и право. 2000. № 2. С. 36–39; Кононов П. И. Законодательство об административном принуждении: проблемы кодификации // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 26–32.

⁸ Пастушенко Е. Н. Функции административного принуждения по советскому законодательству: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1986. С. 7.

⁹ См.: Россинский Б. В., Тимошенко И. В. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ См.: Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской Конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 67–68.

¹¹ Лунев А. Е. Указ. соч. С. 68.

¹² См.: Бахрах Д. Н. Указ. соч. С. 38.

¹³ Бахрах Д. Н. Принуждение и ответственность по административному праву. С. 17.

¹⁴ Пастушенко Е. Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ См.: Бахрах Д. Н., Кролис Л. Ю. Указ. соч. С. 89–91.

¹⁶ См.: Розанов И. И. Финансовые санкции как средство обеспечения государственной финансовой дисциплины // Хозяйство, право, управление. Саратов, 1975. Вып. 2. С. 117; Курбатов А. Вопросы применения финансовой ответственности за нарушения налогового законодательства. По материалам судебной практики // Хозяйство и право. 1995. № 1. С. 63–87.

¹⁷ См.: Россинский Б. В., Тимошенко И. В. Указ. соч. С. 37–38.

Хомич Кирилл Владимирович – аспирант. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент А. Н. Крамник.

А. В. ЖАРСКИЙ

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗВЕЩЕНИЯ О ПОСТАВКЕ НЕСООТВЕТСТВУЮЩЕГО ТОВАРА НА ОСНОВЕ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1980 г.

Одним из наиболее важных моментов, входящих в сферу регулирования Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (в дальнейшем – Конвенция), является вопрос об обязанности покупателя уведомить продавца о поставке несоответствующего товара. Необходимость подробного рассмотрения данной проблемы становится очевидной, если принять к сведению последствия отсутствия такого уведомления, закрепленного в ст. 39 Конвенции, о том, что "...покупатель утрачивает

*право ссылаться на несоответствие товара, если он не дает продавцу извещение, содержащее данные о характере несоответствия, в разумный срок после того, как оно было или должно было быть обнаружено покупателем***.

Таким образом, следствием ненадлежащего уведомления о поставке несоответствующего товара или его полного отсутствия становится *невозможность* для покупателя осуществить любое из предоставленных ему средств правовой защиты: взыскать причиненные убытки (ст. 45 (1) (b), ст. 74–77 Конвенции); требовать реального исполнения от продавца, замены товара или устранения его дефектов (ст. 46); расторгнуть договор (ст. 49); снизить покупную цену (ст. 50). Характер таких последствий значительно отличается от того, что имеется в нашем гражданском законодательстве**, поэтому подробный анализ регулирования, установленного в Венской конвенции 1980 г. применительно к данной проблеме, имеет как теоретический, так и практический характер.

В первую очередь следует определить понятие “несоответствие товара”. Оно разъясняется в ст. 35 Конвенции и охватывает поставку товара, “который по количеству, качеству и описанию не соответствует требованиям договора и который не затарирован или не упакован так, как это требуется по договору”. Практика разрешения дел по Конвенции в иностранных государствах показывает, что несоответствие товара охватывает различные случаи: поставка обуви не того цвета (OLG Frankfurt 18 January 1994); когда ботинки имеют орнамент, не предусмотренный в договоре (LG Aachen 3 April 1990); или вообще поставлен другой товар, т. е. поставка *aliud*¹. В любом из этих случаев покупатель обязан уведомить продавца. Такие же правила применяются и к ситуации, когда дефект относится в большей степени к документам, а не к самому товару***.

Наиболее важное значение в ст. 39 имеют положения о временных рамках для уведомления, по которым извещение должно быть дано “в разумный срок после того, как оно *было* или *должно было быть обнаружено* покупателем”. В первую очередь следует выяснить момент, с которого “разумный срок” начинает отсчитываться. Если несоответствие товара носит такой характер, что оно может быть обнаружено при его осмотре, то *разумный срок* будет начинаться с момента, когда такой осмотр *был* или *должен был* проведен покупателем. В этой связи следует обратиться к ст. 38 Конвенции (п. 1), которая обязывает покупателя “осмотреть товар или обеспечить его осмотр в такой *короткий срок, который практически возможен при данных обстоятельствах*”. Установленный таким образом критерий позволяет учитывать многовариантность коммерческих отношений, допуская, чтобы “короткий срок” был более продолжительным, если подлежащий осмотру товар имеет сложное техническое строение либо если его количество, характер упаковки, место проведения осмотра и другие объективные

* Обязанность дать схожее уведомление предусматривается в большинстве правовых систем, в частности, в ст. 453 ГК РБ 1998 г., ст. 483 ГК РФ, ст. 2–515 ЕТК США.

** Ст. 453 ГК РБ 1998 г. закрепляет, что если покупатель не известил продавца о нарушении условий договора о количестве, качестве..., то продавец вправе отказаться от удовлетворения требований покупателя о передаче ему недостающего количества товара, его замене, об устранении недостатков товара..., т. е. следствием является исключение лишь некоторых средств защиты (взыскание убытков, снижение цены, расторжение договора не затрагивается), и только при том условии, если “покупатель докажет, что невыполнение этого правила повлекло невозможность удовлетворить требования или влечет... несоизмеримые расходы...”.

*** Такое утверждение основывается на том, что разработчики Конвенции исходили из презумпции, что поставка товаров часто будет осуществляться посредством документов, поэтому передача правильных документов непосредственно относится к обязательству по поставке товара. Кроме того, ст. 34 позволяет продавцу устранить любое несоответствие в документах, что не имело бы никакого смысла, если продавец не будет извещен об этом покупателем. Honnold J. Uniform Law for International Sales Under the 1980 United Nations Convention. 2nd ed. Deventer: Kluwer Law and Taxation, 1991. P. 334.

факторы не позволяют осуществить проверку в быстрые сроки*. В то же время "короткий срок" должен быть менее продолжительным, если товар носит скоропортящийся характер либо если обстоятельства позволяют провести осмотр незамедлительно.

В некоторых случаях допускается возможность отложить осмотр до прибытия товара по месту назначения, например, если предусматривается его перевозка (п. 2 ст. 38) либо если "товар переотправлен покупателем и при этом он не имел разумной возможности осмотреть его, а продавец ... знал или должен был знать о *возможности* такого изменения или такой переотправки" (п. 3 ст. 38). Данное положение имеет важное практическое значение, так как обычно обязательства продавца считаются выполненными в момент сдачи товара первому перевозчику, но при этом покупатель будет лишен возможности его осмотреть. Поэтому вполне обоснованным является отложение проверки до прибытия товара в то место, куда покупатель его переотправил, при условии, конечно же, что продавец знал или должен был знать о такой *возможности*.

Как уже отмечалось, если несоответствие товара можно обнаружить в результате осмотра, то "разумный срок" для дачи извещения будет исчисляться с момента, когда он должен был быть проведен, т. е. "в короткий срок", который практически возможен после исполнения продавцом своей обязанности по поставке. Если же недостатки товара нельзя обнаружить в результате проверки, то начало для отсчета "разумного срока" будет определяться моментом, когда они должны быть обнаружены, т. е. началом использования товара покупателем. Принципиальное значение в таком случае приобретает вопрос о предъявляемых требованиях к объему, порядку и интенсивности осмотра, ибо от этого будет зависеть, когда несоответствие "должно было быть обнаружено". При разработке Конвенции отмечалось, что от покупателя не требуется такой проверки, которая вскрыла бы все возможные дефекты. От него следует ожидать совершения лишь тех действий, которые определяются условиями договора, торговыми обычаями и практикой, которую стороны установили в своих взаимоотношениях, и интенсивность, и характер таких мер по осмотру будут зависеть от особенностей продукции, знаний, опыта и возможностей покупателя². Например, если предыдущие поставки товара от того же продавца имели недостатки, то, как указывается в решении немецкого суда (LG Stuttgart 31 August 1989), сторона должна проявить повышенную бдительность и осмотрительность при проверке новых партий³. Если покупатель по каким-либо объективным причинам не мог обнаружить дефекты товара при его осмотре либо вообще не мог провести такой осмотр, то нельзя утверждать, что он утрачивает право ссылаться на несоответствие товара вследствие неисполнения своей обязанности известить продавца о недостатках. Все будет зависеть от того, когда же все-таки покупатель *должен был обнаружить* такое несоответствие.

Что касается самого "*разумного срока*", в течение которого необходимо дать извещение о поставке несоответствующего товара, то его определение будет зависеть от взаимоотношений сторон. Например, если покупатель собирается отказаться от поставки и расторгнуть договор, то извещение о несоответствии должно быть дано в кратчайший срок с тем, чтобы позволить продавцу своевременно распорядиться дефектным товаром, что сэкономит его расходы. *Разумность срока* чаще всего будет зависеть от характера товара, например, от того, подвержен ли он скорой порче и т. д.

* Следует иметь в виду, что задержка в проведении осмотра может быть оправдана, если она была вызвана объективными причинами. Препятствия, имеющие личный, субъективный для покупателя характер, не должны приниматься во внимание. Bianco C., Bonell M. Commentary on the International Sales Law. Milan: Giuffrè, 1987. P. 299.

Так, в одном из дел, рассмотренных на основе Конвенции, немецкий суд признал срок в 7 дней, по истечении которого было дано извещение о недостатках (договор предусматривал поставку свежих огурцов), как неразумный и отказал в уменьшении цены (OLG Düsseldorf 8 January 1993)⁴. Если же товар не носит такой скоропортящийся характер, то период для уведомления может быть более длительным. Однако указание на то, что период 2 месяца является *разумным сроком* (Austrian Arbitral Award 4318 и Austrian Arbitral Award 4366, оба от 15 июня 1994), представляется необоснованным⁵. В целом, на наш взгляд, следует согласиться с утверждением, что "*разумный срок*" подразумевает если не незамедлительное уведомление, то, по крайней мере, короткий период времени⁶, так как речь идет не о сроке для выявления недостатков, а о времени, в течение которого должно быть дано извещение после того, как "несоответствие было или должно было быть обнаружено".

Ст. 39 (2) содержит верхний временной лимит для извещения продавца о несоответствии товара – 2 года, "считая с даты фактической передачи товара покупателю, поскольку этот срок не противоречит договорному сроку гарантии". Поэтому если даже покупатель узнает о недостатках товара по истечении двух лет, то он не вправе ссылаться на такое несоответствие и, следовательно, не имеет никаких средств правовой защиты.

Чтобы не потерять право ссылаться на несоответствие товара, недостаточно соблюдения только временных рамок, ст. 39 (1) требует, чтобы извещение содержало "*данные о характере несоответствия*". Как указывается в Комментарий к проекту Конвенции 1978 г., "цель уведомления состоит в том, чтобы сообщить продавцу, что он должен сделать для того, чтобы устранить несоответствие товара, предоставить ему основания для проведения им самим проверки товаров, и вообще дать возможность собрать доказательства для использования в любом возможном споре с покупателем относительно оспариваемого несоответствия". Таким образом, не столько быстрота уведомления, а именно информация о характере несоответствия позволяет продавцу правильно реагировать на претензию – осмотреть самому товар, собрать необходимые доказательства и соответственно либо исправить недостатки, либо признать претензию необоснованной. Как свидетельствует практика применения Конвенции в иностранных государствах, суды довольно строго подходят к требованию относительно содержания извещения. Так, указание на то, что "ботинки частично имеют плохие швы", или что "товар дефектен во всем своем изготовлении" (OLG Frankfurt 18 January 1994), либо что товар (модная одежда) имеет "плохое качество и ненадлежащее изготовление" (LG Munchen 3 July 1989), рассматривается как не удовлетворяющее требованиям ст. 39 со всеми вытекающими последствиями⁸. Однако это не означает, что извещение должно содержать подробную характеристику несоответствия. Как нам представляется, пострадавшая сторона должна указать несоответствующий товар, его количество, результаты проверки. Ст. 39 не требует никакой специальной формы для извещения, поэтому оно может быть сделано как в письменной форме, так и в устной, причем даже по телефону (LG Stuttgart 31 August 1989)⁹.

В целом ст. 39 носит достаточно жесткий характер, но ее эффект смягчается возможным применением ст. 40 и ст. 44 Конвенции. В соответствии со ст. 40 "продавец не вправе ссылаться на ст. 38 и 39, если несоответствие связано с *фактами*, о которых он *знал или не мог не знать* и которые он не сообщил покупателю", причем даже крайний двухлетний срок может быть преодолен ссылкой на эту статью. Смысл данного положения очевиден: покупатель не обязан уведомлять продавца о недостатках, о которых ему самому известно. Причем ст. 40 требует не только знания самого несоответствия товара, а именно *фактов*, с которыми оно связано, что, представляется, расширяет сферу применения ст. 40.

Помимо указанной статьи, жесткие санкции ст. 39 также смягчаются, если у покупателя "имеется разумное оправдание того, почему он не дал требуемого извещения" (ст. 44). В таких ситуациях покупатель все же может требовать или снижения цены (ст. 50 Конвенции), или возмещения убытков, за исключением упущенной выгоды, но данное положение не применимо, если с момента передачи товара прошло более 2 лет. На первый взгляд кажется, что ст. 44 предоставляет покупателю серьезные ослабления, но в действительности ее эффект носит ограниченный характер по следующим причинам: *во-первых*, используемое в русском варианте "разумное оправдание" не вполне соответствует английскому варианту формулировки *reasonable excuse*, который касается только "исключительных ситуаций"; *во-вторых*, гибкие критерии, закрепленные в ст. 38 и 39 ("короткий срок, который практически возможен", "разумный срок"), позволяют сами по себе учесть конкретные обстоятельства, с которыми сталкивается покупатель при проведении осмотра и извещении продавца о несоответствии товара, поэтому ст. 44 с ее "разумным оправданием" мало что добавляет по сравнению с регулированием, предусмотренным в ст. 38 и 39^{**}; *в-третьих*, хотя покупатель в соответствии со ст. 44 и может взыскивать положительные убытки или снизить покупную цену, но продавец имеет право, ссылаясь на ст. 77, требовать сокращения выплачиваемой компенсации на сумму, на которую ущерб мог бы быть уменьшен, если извещение было бы дано в соответствии со ст. 39. Некоторые авторы вообще допускают возможность продавцу самостоятельно взыскивать с покупателя убытки за невыполнение обязанности уведомить о несоответствии товара¹⁰, даже если у последнего есть "разумное оправдание того, почему он не дал требуемого извещения".

Можно сделать вывод, что необходимым условием для осуществления покупателем средств правовой защиты при поставке несоответствующего товара является своевременное и имеющее надлежащее содержание извещение продавца о характере такого несоответствия. Нарушение данной обязанности, если только продавец не знал или не мог не знать о *фактах*, с которыми недостатки товара связаны, влечет для покупателя очень серьезные последствия. Практически он будет обязан уплатить полную цену, если только у него нет "*разумных оправданий*" того, почему он не дал требуемого извещения". Хотя данная оговорка и предусматривается с целью позволить покупателю сослаться на субъективные, индивидуальные обстоятельства, но они должны носить исключительный характер, поэтому ненамного облегчают обязанность покупателя.

Учитывая диспозитивный характер норм Конвенции (ст. 6), наиболее приемлемым для сторон, на наш взгляд, будет включение в договор международной купли-продажи товаров самостоятельных условий, определяющих порядок, срок выставления претензий, а также последствия невыполнения таких обязанностей. Причем стороны могут как ослабить эффект норм Конвенции, так и усилить их.

¹⁰ При обсуждении данной статьи на одном из пленарных заседаний Венской конференции было предложено заменить "excuse" словом "justification", которое как раз и переводится как "оправдание". На что были высказаны серьезные возражения: указывалось, что слово "excuse" свидетельствует о том, что предусматриваются исключительные ситуации, поэтому его замена на "justification" неоправданно расширяет сферу применения данной статьи. (Краткие отчеты пленарных заседаний, 7-е заседание.)

^{**} К таким "разумным оправданиям" можно отнести индивидуальные (субъективные) для покупателя обстоятельства, которые не подпадают под *разумные* (объективные) критерии ст. 38 и 39, а также ситуации, когда покупатель ошибочно посчитал, что поставка несоответствующего товара была вызвана причинами, за которые продавец не отвечает.

- ¹ См.: Recht der Internationalen Wirtschaft. 1994. P. 240–241; 1990. P. 491.
² Комментарий к проекту Конвенции 1978 г. Конференции ООН по договорам международной купли-продажи товаров. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1981. С. 39.
³ См.: Journal of Law & Commerce. 1995. P. 225–226.
⁴ См.: Там же. 1995. P. 233–234.
⁵ Ferrari F. Specific Topics of the CISG in the Light of Judicial Application and Scholarly Writing // Journal of Law and Commerce. 1995. Vol. 15. P. 61.
⁶ Enderlein F., Maskow D. International Sales Law. New York: Oceana, 1992. P. 159.
⁷ Комментарий к проекту Конвенции 1978 г. Конференции ООН по договорам международной купли-продажи товаров. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1981. С. 40.
⁸ См.: Ferrari F. Op. cit. P. 41.
⁹ См.: Указ. нр. 1995. P. 225–226.
¹⁰ Schlechtriem P. Uniform Sales Law: The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Vienna: Manz, 1986. P. 71.

Жарский Андрей Валерьевич – аспирант. Научный руководитель – кандидат юридических наук А.Н. Романович.

М.И. САВЧЕНКО

МОРСКИЕ РЫБОЛОВНЫЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мировой океан служит человечеству не только средством коммуникаций, “общей просторной дорогой для всех наций”, но он также является огромным источником пищевых ресурсов. “Океан всегда кормил людей. С незапамятных времен человек ловил рыбу, ракообразных, собирал моллюсков”¹. – писал в своей книге “Будущее – океан” французский исследователь Клод Риффо. Известный советский ученый Л.М. Бреховских в этой связи также указывал на величайшее значение Мирового океана в жизни людей. Он писал: “Океан всегда снабжал людей пищей. Значение его как кормильца человечества все увеличивается, так как в нем обитает около четырех пятых всех живых существ планеты и около 20 процентов необходимых для людей белков уже сейчас добывается именно здесь”². Как представляется, с этим нельзя не согласиться.

С давних пор люди, используя самые примитивные орудия промысла, вели добычу рыбы и других морепродуктов в водах, омывающих их берега. Очень продолжительное время рыболовство было прибрежным. И только в XIX ст. с появлением траулеров с паровыми двигателями и совершенствованием техники и технологии рыболовства районы промысла все больше удалялись от берегов в сторону открытого моря.

С выходом промысловых судов в открытое море начал утверждаться принцип свободы рыболовства в открытом море. Он формировался и утверждался на базе принципа свободы открытого моря, являясь его составным элементом. Возникнув как обычная норма, принцип свободы рыболовства в открытом море впоследствии был закреплен в многочисленных международных договорах, в том числе в ст. 2 Конвенции об открытом море³ и ст. 1 Конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, которые были подписаны в Женеве 29 апреля 1958 г. Однако наиболее важным является закрепление этого принципа в настоящее время в ст. 87 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.⁴, которая согласно п. 1 ст. 311 имеет преимущественную силу в отношениях между государствами-участниками перед женевскими конвенциями по морскому праву 1958 г.

Приведем выдержку из ст. 87 “Свобода открытого моря” Конвенции ООН 1982 г., в которой говорится: “1. Открытое море открыто для всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю. Свобода открытого моря осуществляется в соответствии с условиями, определяемыми в настоящей Конвенции, и другими нормами международного права. Она включает, в частности, как для прибрежных государств, так и для государств, не имеющих выхода к морю:

- a) свободу судоходства,
- b) свободу полетов,

е) свободу рыболовства с соблюдением условий, изложенных в Разделе 2 ('Сохранение живых ресурсов открытого моря и управление ими'. – М. С.),

и) свободу научных исследований с соблюдением частей VI и XIII ('Морские научные исследования'. – М. С.).

Из вышепротитированного следует, что свобода открытого моря предполагает, в частности, свободу рыболовства для всех государств независимо от того, является ли государство прибрежным или не имеющим выхода к морю, правда, с соблюдением условий, относящихся к сохранению живых ресурсов открытого моря.

Содержание ст. 87 Конвенции дает основание сделать следующие выводы: во-первых, в ней закреплено такое положение открытого моря, в силу которого ни одно государство не может распространить свою власть на него. Во-вторых, за всеми государствами, независимо от их географического положения, закреплено право пользования открытым морем на условиях полного равенства. В-третьих, осуществление государствами своих прав, вытекающих из принципа свободы открытого моря, не может носить безграничный характер, так как государства существуют не изолированно друг от друга. Следовательно, свобода действий каждого из них вообще и в открытом море в частности должна осуществляться с обязательным учетом суверенных прав и интересов других государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю.

Следует подчеркнуть то, что для Республики Беларусь как государства, не имеющего выхода к морю, вышеизложенные положения действующего международного морского права имеют жизненно важное значение. Это связано с тем, что географическое положение Беларуси не позволяет ей рассчитывать на то, что она сможет обеспечить своих граждан продукцией моря, добытой в исключительных экономических зонах соседних прибрежных государств. Нашей республике необходимо прогнозировать свою деятельность в области морского рыболовства в открытом море. Итак, принцип свободы рыболовства, являясь составным элементом принципа свободы открытого моря, означает, что все государства, как прибрежные, так и внутриконтинентальные, имеют равное право на участие в рациональной эксплуатации живых ресурсов открытого моря с целью их использования, сохранения и умножения. Принцип свободы рыболовства предполагает, что на суда, ведущие промысел в открытом море, распространяется юрисдикция лишь государства флага.

Как известно, во второй половине XX ст. интенсификация морского рыболовства с применением новейших достижений науки и техники привела к переломам и даже исчезновению отдельных видов рыб и других объектов промысла в ряде районов Мирового океана, что вызвало необходимость совершенствования международно-правового регулирования эксплуатации природных ресурсов морей и океанов. В тот период начали вводиться международные правила ведения промысла, закрытые сезоны и районы для промысла, были установлены квоты вылова рыбы и технические правила для ведения промысла.

На рубеже 60–70-х гг. текущего столетия многие зарубежные ученые (Э. Боргезе, А. Коэрс, А. Пардо и др.) начали откровенно выступать за ограничение свободы рыболовства в открытом море. Подобные выступления ученых и некоторых государственных деятелей были направлены на оправдание уже фактически начатого процесса ограничения свободы рыболовства в открытом море путем "присвоения" больших пространств Мирового океана прибрежными государствами. К тому времени уже многие латиноамериканские и африканские прибрежные государства установили

200-мильные территориальные и рыболовные зоны. Свои односторонние действия эти страны оправдывали тем, что существующие методы международно-правового регулирования рыболовства не могут больше должным образом обеспечить сохранение живых ресурсов открытого моря у их берегов.

Такие действия отдельных экстремистски настроенных латиноамериканских и африканских государств и опасность перелома живых ресурсов открытого моря привели мировое сообщество к осознанию необходимости подготовки и принятия новой всеобъемлющей международной конвенции, в которой были бы урегулированы все проблемы океанопользования, включая рыболовство. Данная задача была выполнена в ходе III Конференции ООН по морскому праву, подготовившей и принявшей уже упоминающуюся Конвенцию ООН по морскому праву, образно названную Председателем Конференции Томми Ко "Конституцией для океанов". В Конвенции "узаконена" исключительная экономическая зона, шириной 200 морских миль (ст. 57), с особым правовым режимом.

Для внутриконтинентальных государств важным является то, что по новой Конвенции в частях Мирового океана, находящихся за пределами действия национальной юрисдикции прибрежных государств, продолжает действовать принцип свободы рыболовства. В развитие п. 1 "е" ст. 87 Конвенции ст. 116 уже прямо гласит о том, что все государства имеют право на занятие рыболовством за пределами экономических зон в открытом море. Безусловно, это право не может не регламентироваться обязательствами государств по другим соглашениям, а также некоторыми статьями настоящей Конвенции.

Как уже отмечалось, для Республики Беларусь в ближайшем будущем значительный интерес будет представлять участие в эксплуатации живых ресурсов открытого моря, т. е. в конвенционных районах Мирового океана. В связи с этим необходимо, как можно раньше, начать работу, направленную на определение первоочередных шагов, которые позволили бы Беларуси стать полноправным членом мирового сообщества, заинтересованного в использовании, сохранении и воспроизводстве морских биологических ресурсов. Для этого предлагаются такие первоочередные меры, как определение:

- в первую очередь районов промысла, наиболее приемлемых для Беларуси;
- конвенций, к которым необходимо присоединиться;
- международных рыбохозяйственных организаций, в которые необходимо вступить Республике Беларусь или с которыми следует наладить деловое сотрудничество.

Для воплощения названных действий в жизнь в Республике Беларусь должен быть создан орган государственного управления в области морского рыболовства (скажем, комитет по рыбному хозяйству при Совмине РБ).

В статье говорилось о возможностях Республики Беларусь принимать участие в эксплуатации живых ресурсов открытого моря. Однако, учитывая, что в прибрежных водах Мирового океана, подпадающих под суверенитет или юрисдикцию прибрежных государств, в настоящее время осуществляется около 90 % добычи рыбы, то необходимо хотя бы вкратце остановиться на правовом режиме исключительной экономической зоны, которая в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. установлена в настоящее время практически всеми прибрежными государствами.

Вопросам исключительной экономической зоны в Конвенции посвящена часть V "Исключительная экономическая зона", которая состоит из 21 статьи. Они охватывают в основном все вопросы, относящиеся к институту исключительной экономической зоны. Анализ статей части V Конвенции дает

основания утверждать, что экономическая зона не подпадает под суверенитет (подобно территориальным водам) прибрежного государства, однако она и не является пространством открытого моря в классическом смысле этого понятия.

Ст. 55 Конвенции гласит: "Исключительная экономическая зона представляет собой район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему, который подпадает под установленный в настоящей части особый режим, согласно которому права и юрисдикция прибрежного государства и права и свободы других государств регулируются соответствующими положениями настоящей Конвенции"⁵.

Следует отметить, что ст. 58 Конвенции распространяет на экономическую зону действие важнейшего элемента режима открытого моря, сформулированного в ст. 89 следующим образом: "Никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части открытого моря своему суверенитету"⁶. Таким образом, применение к экономической зоне ст. 89 (которая относится к части VII "Открытое море") стало одним из принципиальных пунктов компромиссного решения, касающегося правового статуса экономической зоны, подчеркнуло органическую связь экономической зоны с открытым морем.

Сопоставляя статьи 55, 56, 58, 86, 87, 89 и другие Конвенции, можно обратить внимание на признание за прибрежными государствами определенной части прав, в частности, в отношении морских промыслов, которые ранее принадлежали всем государствам. Что касается остальных важнейших прав, традиционно присущих режиму открытого моря, таких как эксплуатация морских судов, летательных аппаратов, подводных кабелей и трубопроводов, то они сохраняются за всеми государствами, как прибрежными, так и не имеющими выхода к морю. Следует добавить, что в экономической зоне иностранные государства (в том числе и внутриконтинентальные) пользуются, хотя и при условии получения согласия со стороны прибрежного государства, правом на рыболовство в случае недоиспользования прибрежным государством всей квоты вылова, а также правом на проведение морских научных исследований. Данные факты говорят о необходимости рассматривать экономическую зону как зону специальной юрисдикции прибрежных государств в открытом море.

Для Республики Беларусь важным является то, что в соответствии со ст. 69 Конвенции внутриконтинентальные страны имеют право участвовать на справедливой основе в эксплуатации соответствующей части остатка допустимого улова живых ресурсов в исключительных экономических зонах прибрежных государств того же региона или субрегиона. В Конвенции, к сожалению, не расшифровываются понятия "регион" и "субрегион", что в настоящее время приводит в ряде случаев к негативным последствиям. Далее в этой же статье говорится, что условия и порядок такого участия устанавливаются заинтересованными государствами посредством двухсторонних, субрегиональных или региональных соглашений.

Выше был проведен краткий анализ части V Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., позволяющий сделать вывод о том, что современное действующее международное право дает возможность внутриконтинентальным странам участвовать в эксплуатации живых ресурсов исключительных экономических зон прибрежных государств⁴. Можно смело утверждать, что Республика Беларусь имеет законные основания претендовать на получение квот на лов рыбы в исключительных экономических зонах соседних прибрежных государств (России, Польши, Украины, стран Балтии), правда, при определенных условиях. Такими условиями в первую очередь являются:

- подписание двухсторонних соглашений в области рыбохозяйственной деятельности;

- наличие национального органа государственного управления в области морского рыболовства;
- наличие морских рыбодобывающих судов (собственных или зафрахтованных на условиях бербоут-чартера), плавающих под флагом Республики Беларусь;
- наличие финансовых средств для оплаты квот и работы в исключительных экономических зонах.

На орган государственного управления (комитет СМ РБ) могут быть возложены следующие функции:

- подготовка проектов межправительственных договоров с прибрежными государствами;
- подготовка проектов правовых и административных актов, необходимых для приобретения и деятельности морских рыбопромысловых судов;
- выдача свидетельств о праве плавания под Государственным флагом Республики Беларусь (Судовой патент) и свидетельств о праве собственности на судно;
- выдача свидетельств о соответствии системы управления “компаний” безопасной эксплуатацией судов и предотвращением загрязнения моря;
- аттестация кадров плавсостава;
- представление Республики Беларусь в международных рыбохозяйственных организациях, принятие участия в международных конференциях, симпозиумах и пр., посвященных вопросам международного морского рыболовства.

Нельзя не сказать о том, что Совет Министров Беларуси принял 20 июля 1998 г. постановление “О государственной программе обеспечения населения республики рыбой и морепродуктами на 1998–2005 годы”. В ней говорится: “Главной целью программы является удовлетворение потребностей населения республики в рыбе и морепродуктах на уровне научно обоснованных норм по ценам, доступным для всех слоев населения”⁷.

Далее в программе определены меры, за счет которых предполагается обеспечение выполнения указанной цели:

- привлечение субъектов хозяйствования Республики Беларусь к добыче рыбы и морепродуктов в Мировом океане и экономических зонах других стран;
- увеличение объемов ввоза океанической рыбы и морепродуктов на основе установления и развития взаимовыгодного сотрудничества и интеграции рыбохозяйственных организаций и предприятий республики с соответствующими организациями и предприятиями рыбопромысловых регионов России и других государств.

Обеспечение реализации этой программы Совмин возложил на Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. Однако для выполнения программы в первую очередь необходимо иметь рыбодобывающие суда, плавающие под Государственным флагом Республики Беларусь, которые могут быть государственными или принадлежать юридическим лицам. Такая необходимость вытекает из того, что по сложившейся практике прибрежные государства выделяют квоты под “флаг”, т. е. под рыбодобывающее судно, так как прибрежные государства стремятся исключить возможность “переуступки” (попросту говоря, перепродажи) квот на лов рыбы внутриконтинентальными странами третьим странам.

Как уже подчеркивалось, внутриконтинентальное государство практически только путем соглашений и других договоренностей (п. 2 ст. 82 Конвенции) с прибрежным государством может получить доступ к остатку допустимого улова в исключительной экономической зоне последнего, поэтому Республике Беларусь желательно было бы уже сейчас подписать с Россий-

ской Федерацией межправительственное соглашение о сотрудничестве в области рыбохозяйственной деятельности.

¹ Клод Р. Будущее – океан. Л., 1978. С. 13.

² Бреховских Л. М. Внимая океану. М., 1982. С. 7.

³ Конвенция об открытом море // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 42. (БССР подписала эту Конвенцию 30.10.58 г. Ратифицировала ее 27.12.60 г.)

⁴ Конвенция ООН по морскому праву 1982 года // The Law of the Sea. Official Text of the United Nations Convention on the Law of the Sea with Annexes and Index. United Nations. New York, 1983. (Беларусь эту Конвенцию подписала 10.12.82 г. К сожалению, до сих пор ее не ратифицировала.)

⁵ Там же. Ст. 55.

⁶ Там же. Ст. 58.

⁷ Постановление Совмина РБ "О государственной программе обеспечения населения республики рыбой и морепродуктами на 1998–2005 годы" от 20 июля 1998 г. № 1133.

Савченко Михаил Иванович – кандидат юридических наук (Белорусский институт правоведения).

У. А. Сосна. **Фарміраванне саслоўна-га складу сялянства Беларусі ў канцы XIX ст.** Мн.: БДУ, 2000. 155 с.

У апошнія гады даволі рэдкай з'явай сталі навуковыя даследаванні, якія асвятляюць сацыяльна-эканамічную гісторыю Беларусі. Таму актуальным і патрэбным з'яўляецца выданне ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі працы У. А. Сосны, прысвечанай аналізу фарміравання саслоўна-групавога складу беларускага сялянства ў канцы XVII – першай палавіне XIX ст. Кніга грунтуецца на багатых архіўна-дакументальных фактах. Аўтарам выкарыстана больш за сорак матэрыялаў з фонду айчынных і замежных архіваў, пераважная большасць дакументаў ўпершыню ўводзіцца ў навуковы ўжытак. Разам з гэтым грунтоўны гістарыяграфічны аналіз праблемы дазволіў даследчыку дакладна вызначыць мэты і задачы працы, яе структуру.

У аснову манаграфіі закладзены праблемна-храналагічны прынцыпы. Характарыстыцы асобнай саслоўнай групы сялянства прысвечана кожная з чатырох глаў. Зроблены акцэнт на вызначальных фактарах, якія давалі накірунак зменам колькаснай і якаснай эвалюцыі сялянскіх групавак. Для памешчыцкіх сялян – гэта канфіскацыя памешчыцкіх маёнткаў, для дзяржаўных – іх раздачы і папаўненні, для належачых духавенству – секулярызацыя царкоўных уладанняў, для спецыяльных, ці паўсвабодных – іх нівеліроўка. У той жа час асобныя са спецыфічных і спрэчных па прыналежнасці земляробчых катэгорый пададзены ў главах разам з тымі разрадамі сялян, да якіх яны мелі адносіны ў працэсе саслоўна-групавых пераўтварэнняў.

Аўтар манаграфіі доказна адзначае, што ва умовах развіцця таварна-грашовых адносін у сельскай гаспадарцы царызм вымушаны быў лавіраваць паміж процілеглымі тэндэнцыямі. З аднаго боку, ён падтрымліваў і пашыраў склад і правы казённага саслоўя, з другога – улічваў і саступаў узростаючым апетытам памешчыцкага, якое імкнулася ператварыць дзяржаўных сялян у сваю ўласнасць. Аднак пры гэтым лёс дзяржаўных сялян у Беларусі залежаў не толькі ад фінансавых інтарэсаў дзяржаўнага скарбу імперыі як феадала-ўласніка, колькі быў падпарадкаваны вырашэнню агульных задач палітычнай стратэгіі царызму на беларускіх землях.

Крытычна прааналізаваўшы статыстычныя і архіўныя матэрыялы, У. А. Сосна аргументавана вылучае дзве тэндэнцыі ў стварэнні саслоўнай структуры беларускіх сялян. Першая, якая праявілася ў апошняй трэці XVII ст. праз палітыку царызму да насаджэння землеўладання рускага дваранства і пашырэння памешчыцкага сектара, прывяла да скарачэння колькасці дзяржаўных сялян у тры разы. Другая, дасягнуўшая сваёй рэалізацыі ў сярэдзіне XIX ст., праявілася ў тым, што дзяржаўныя сяляне па удзельнай вазе сярод насельніцтва ізноў выйшлі на узровень, які меўся на момант далучэння Беларусі да Расійскай імперыі, а па колькасці нават пераўзышлі яго. У выніку кожны пяты беларус-сялянін стаў дзяржаўным. Аўтар прыходзіць да слушнага высновы аб тым, што рост ліку дзяржаўных сялян з'яўляецца «важнейшым фактарам змяншэння прыгоннага насельніцтва ў Беларусі і тым самым пацвярджае слабасць феадальна-прыгонніцкай сістэмы, яе бесперспектыўнасць». Пры гэтым на старонках кнігі падрабязна аналізуецца і шляхі пераводу сялян, асабліва памешчыцкіх прыгонных, у казённае ведамства і праз канфіскацыі, звязаныя з удзелам у палітычных падзеях іх уладальнікаў, радзей – за даўгі апошніх у выніку адсутнасці спадчыннікаў ці шляхам куплі. Належная ўвага аддаецца разгляду асаблівасцей пераходу прыгонных духоўных феадалаў у склад дзяржаўных сялян праз секулярызацыю царкоўных уладанняў, якая ў цэлым завяршылася ў 30–40-я гг. XIX ст.

Аўтар адзначае ў асноўным станючы адносіны сялянства розных груп і катэгорый (старосцінскіх, епіскапскіх, паезуіцкіх, канфіскаваных, манастырскіх, паўніяцкіх і інш.) да пераводу іх у склад дзяржаўных. Аднак заўважае, што спецыяльныя, паўсвабодныя, асабліва незалежныя катэгорыі сельскага насельніцтва (выбранцы, панцырныя баяры, замежныя каланісты, аднадворцы, яўрэй-земляробы і інш.), ўводзімыя ў склад казённага саслоўя, упарты адстойвалі ранейшыя правы і прывілеі, што выгадна адрознівала іх ад асноўнай масы эксплуатаемага сялянства. Пераход пад уладу казны быў лепшым выйсцем, лічыць аўтар, чым запрыгоньванне памешчыкамі, асабліва з пераводам дзяржаўных маёнткаў на аброк і надзяленнем там сялян грамадскімі правамі.

Манаграфія мае як гісторыка-дэмаграфічны, так і выразны гісторыка-палітычны характар, бо па сутнасці сваёй раскрывае адносіны

царских улад да усяго разнастайнага складу сялянства Беларусі і уплыўу на яго палітычных падзей. Аўтар слухна адзначае, што, праводзячы палітыку уніфікацыі розных разрадаў і груп вясковага насельніцтва, царскі ўрад меў на мэце і іх дэнацыяналізацыю. У якасці заўвагі аўтару можна аднесці тое, што варта было б адлюстравач у гістарыяграфічнай частцы працы свой папярэдні немалы ўклад у распрацоўку праблемы.

Тэма, узятая У.А. Соснам, несумненна, павінна мець працяг, гэта адзначае і сам аўтар манаграфіі. Рэцэнзаванае выданне – сур’ёзны і удумлівы ўклад у вывучэнне гісторыі беларускай вёскі.

Кандыдат гістарычных навук, дацэнт
У.П. Емельяныч

А.П. Мельников. **Местное самоуправление: Учебное пособие.** Мн.: РИВШ БГУ, 2000. 234 с.

Рецензируемое пособие и соответствующий учебный курс посвящены злободневной и непростой проблеме – организации системы местного самоуправления. Поиск и внедрение оптимальной модели местного самоуправления – одна из ключевых проблем развития государственности, способ привлечения граждан к решению общенародных вопросов. Поэтому тема реформирования местных представительных и исполнительных органов, разграничения компетенции центральных и местных властей, финансового обеспечения деятельности местного управления и самоуправления – предмет постоянных дискуссий не только в среде общественно-политических движений, но и между руководителями государства, депутатами и специалистами. Как бы ни была устроена центральная и региональная государственная власть и вертикальное взаимодействие ее звеньев, без политической самоорганизации общества на местах управление не будет достаточно эффективным. Это доказано политической историей многих стран, в том числе и рассматриваемых в данном пособии.

Издание представляет собой первую в Беларуси работу, в которой так содержательно и всесторонне рассматривается опыт формирования местного самоуправления в зарубежных странах. Анализ структуры власти за рубежом дополняется исследованием состояния, проблем и путей реформирования аналогичной формы политического управления в Республике Беларусь, что придает данной работе практическую значимость. На содержание пособия, несомненно, повлияла и организация преподавания данного курса на протяжении ряда лет в БГУ и Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Не повторяясь в структурном отношении, автор анализирует опыт наиболее развитых в экономическом и политическом отношении стран – США, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Дании, Японии и других, что свидетельствует о солидной информационной базе пособия. Необходимо отметить, что развитие местного самоуправления в разных странах анализируется как с позиции общих,

так и специфических подходов. Помимо характеристики структуры местного управления и самоуправления, полномочия их органов, для рассмотрения выделяется решение наиболее значимых для стран проблем: экономических, финансовых, социальных, политических, вопросы взаимодействия центральных, федеральных и местных органов власти.

Особый интерес вызывает изучение опыта близкой для нас по историческим судьбам России, ее достижений и просчетов в деле организации местного управления и самоуправления, анализ которого представляет не только познавательную, но и практическую ценность. Последняя тема посвящена процессу становления местного самоуправления уже непосредственно в Беларуси, раскрывая которую автор определяет и наиболее оптимальные, на его взгляд, пути реформирования местных институтов политической власти.

Вместе с тем пособие не лишено и определенных недостатков. В работе имеют место опечатки (с. 222). Однако в целом преподаватели и студенты получили так необходимое им добротное учебное пособие.

Профессор БГЭУ И.Н. Браим

А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. **Общая теория государства и права.** Мн.: Тесей, 1999. 560 с.

В 1999 г. вторым исправленным и дополненным изданием вышла в свет книга “Общая теория государства и права”. Ее авторы – известные в научных кругах нашей страны исследователи проблем теории и истории государства и права Республики Беларусь. Первое издание вышло в качестве курса лекций по теории государства и права и было апробировано в различных юридических вузах республики. На книгу получен положительный отзыв Информационного центра Европейской методологической комиссии Ассоциации за европейское гуманитарное образование (Германия).

Анализируя содержание книги, следует отметить конструктивный подход авторов, рассматривающих право и государство как взаимообусловленные социальные институты. Они критически оценивают стремление некоторых правоведов анализировать теоретико-правовые вопросы в отрыве от государственно-правовых явлений. Фактически во всей работе некоторые аспекты теории государства рассматриваются в связи с их правотворческой и правоприменительной функциями, а вопросы теории права – с позиций отражения в законодательстве государственной воли и в то же время необходимости подчинения государства и всех его органов праву.

Во всех разделах книги четко прослеживается методологическая (мировоззренческая) позиция авторов, которые не пошли по наметившемуся в современной литературе пути признания одинаковой научной значимости материалистического и идеалистического мировоззрений, диалектического и метафизического.

зического методов исследования. Авторы не только показывают преимущества диалектико-материалистического подхода к рассмотрению теоретических проблем государства и права, но и последовательно пользуются этим методом при исследовании конкретных государственных и правовых явлений.

Важно также отметить, что все издание проникнуто идеей обеспечения прав и свобод человека. В большинстве разделов книги идея правового статуса гражданина рассматривается с различных сторон. Особенно четко она освещается в таких главах, как "Функции государства", "Государство в политической системе общества", "Понятие и основные признаки права", "Право и личность", "Правосознание и правовая культура", "Правовое государство".

Семь из двадцати одной главы нового издания посвящены проблемам теории государства, в которых рассматриваются вопросы его происхождения, сущности, социального назначения, типологии, формы, механизма, функций, наконец, проблемы правового государства. По ряду вопросов авторы по-новому, с учетом последних достижений правовой, исторической, политологической и экономической наук подошли к рассмотрению названных проблем.

Обоснованным представляется разграничение сущности и социального назначения государства при всей их взаимообусловленности. По-новому, применительно к белорусской государственности освещаются вопросы правового государства, в частности, относительно четвертой ветви государственной власти – контрольно-надзорной. Вполне закономерным является выделение основного места в книге теории права (главы VIII–XX), рассмотрению правовых проблем. Следует особо отметить, что авторы не ограничиваются изложением сложившихся и ставших традиционными теоретических положений и не увлекаются освещением и обоснованием собственных суждений по освещаемым вопросам. Ими рассматриваются и довольно обстоятельно оцениваются позиции других правоведов, что дает возможность читателям самостоятельно делать выводы.

Новые идеи относительно сопоставления таких юридических категорий, как правовой статус и правовое положение личности, содержатся в главе "Право и личность". Проводимые между ними различия могут в чем-то оспариваться, но нельзя не признать значимость их философского обоснования, проводимой правовой аргументации и, что особенно ценно, практической направленности сделанных выводов. В духе современности рассматриваются правовые проблемы в разделах о правотворчестве, о действии нормативно-правовых актов, о правосознании и правовой культуре. Говоря, в частности, о значении правосознания для укрепления законности, авторы книги обоснованно доказывают недопустимость включения правосознания в понятие права и не без оснований полагают, что самостоятельную регулятивную роль правосознание может исполнять только в критические периоды истории государства в условиях еще не сформировавшейся или разрушенной системы права. Достаточно четко освещаются соотношение правосозна-

ния и правовой культуры, их виды, структура, социальное и правовое значение.

Особый интерес вызывает раздел о правоотношении, в котором удачно сочетаются теоретическая и практическая стороны этого юридического феномена и аргументированно показана недопустимость отнесения его к праву как таковому. Правоотношение рассматривается, с одной стороны, как юридическая форма общественных отношений, а с другой – как форма реализации права. Анализируя структуру правоотношения, раскрывая содержание его элементов, авторы книги довольно убедительно, на наш взгляд, обосновывают наличие и определенную соотносимость формы правоотношения (субъективные права и обязанности) и его содержания (реальное поведение сторон), при этом раскрывая практическую значимость данного теоретического положения. Обоснованной также представляется критика попыток признания так называемых абсолютных и обще-регулятивных правоотношений в связи с допущением в них неконкретного субъектного состава.

В разделе, посвященном поведению человека в правовой сфере, правонарушениям и юридической ответственности, обращает на себя внимание новая постановка вопроса о составе правомерного поведения. Его конструкция представляется удачной. Убедительной также является критика попыток распространить такой признак преступления, как общественная опасность, на все виды правонарушений, отождествлять ответственность и наказание, подменять юридическую ответственность различными модификациями так называемой "позитивной" ответственности. В столь же проблемном плане написаны и другие разделы книги, в частности о правовых нормах, о системе права, о реализации его норм, о законности и правопорядке, о правовом регулировании общественных отношений и т. д.

Оценивая в целом содержание книги, следует признать не только ее высокую теоретическую значимость, но и несомненную образовательную полезность как для студентов высших и средних юридических учебных заведений, так и для других лиц, интересующихся вопросами государства и права. Являясь фактически первым учебным изданием по теории государства и права, написанным на основе нормативного материала Республики Беларусь, книга стала основным учебным пособием во многих вузах республики. Она получила определенную известность и распространение в Российской Федерации, поскольку соответствует образовательным стандартам, принятым в Беларуси и в России по специальности правоведение.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о придании рецензируемому изданию грифа учебника по общей теории права. Такое мнение подкрепляется и стандартами юридического образования, принятыми в РФ, где последние учебные издания как по содержанию, так и по своим названиям охватывают проблемы теории государства и права.

Судья Конституционного суда РБ,
доктор юридических наук **А.Г. Тиховенко**

С.А. Балашенко. Государственное управление в области охраны окружающей среды. Мн.: БГУ, 2000. 342 с.

Во второй половине XX в. среди нерешенных проблем на первый план вышла экологическая. Комплексность проблемы возникает в связи с необходимостью обеспечения рационального природопользования, воспроизводства природных ресурсов, осуществления совокупности технических, экономических, санитарно-гигиенических и организационно-правовых мер по охране окружающей среды.

Правовые основы управления в этой области неразрывно связаны с направлениями преобразования общества, объективными условиями развития человечества, что особенно важно для Беларуси в связи с чернобыльской катастрофой. В этой связи несомненный интерес представляет книга белорусского ученого-правоведа С.А. Балашенко, которая является первым монографическим исследованием опыта становления и реформирования правовых основ управления в области охраны окружающей среды в нашей республике.

Основные научные положения книги включают: определения конституционно-правовых основ, понятия механизма управления, характеристику принципов управления. Проанализированы действия норм, противоречащих Конституции или закону, и их правовые последствия; спрогнозированы тенденции и приоритеты в правовой регламентации деятельности органов управления. С.А. Балашенко обосновал предложение о необходимости коренных преобразований государственного природопользования и охраной окружающей среды на этапе становления социального и экологического государства; выдвинул проекты конкретных норм, разделов, новых нормативных актов; переосмыслил влияние институтов права собственности на природные объекты и ресурсы, на механизм управления; сделал ряд выводов о необходимости надгосударственного регулирования.

Очевидно, что механизм управления состоянием экологии тесно связан с определением субъектов права собственности на природные ресурсы. На протяжении 70 лет правовые нормы основывались на безраздельном господстве государства, которое согласно Конституции СССР сосредоточило в своих руках все природные богатства. В настоящее время в связи с переходом к рынку неизбежно встает проблема вовлечения природных ресурсов в гражданский оборот. Возникает необходимость приведения систем управления природопользования и охраны окружающей среды в соответствие с новыми экономическими и экологическими требованиями. В книге обоснован ряд предложений автора, уже включенных в проекты нескольких законов и кодексов, которые в ближайшее время будут рассмотрены Национальным собранием Республики Беларусь.

При рассмотрении огромного ущерба, причиненного экологии республики в результате взрыва на ЧАЭС в 1986 г., С.А. Бала-

шенко исходит из крайней необходимости минимизировать последствия катастрофы. Он указывает на желательность совершенствования правового механизма управления природными ресурсами, подвергшимися воздействию радиации, через предусмотрение критериев определения экологической опасности территории радиоактивного загрязнения; дифференциацию видов природопользования и ограничения хозяйственной деятельности; юридическую ответственность за нарушение установленного природоохранительного режима на загрязненных территориях и другие меры.

Автор подводит читателя к мысли о том, что экология должна стать одной из конституционных основ государства, и считает необходимым расширить это понятие, рассмотрев управление охраной окружающей среды не только как исполнительно-распорядительную деятельность органов государственного управления, но и как деятельность Президента, парламента.

Особый интерес представляет глава «Межгосударственная координация в области охраны окружающей среды», где автор рассматривает источники, принципы и международные органы, осуществляющие координацию в области охраны окружающей среды, и подчеркивает, что природа не признает государственных и административных границ. Необходимо координировать усилия разных стран для установления гармонии между развитием человечества и благоприятным состоянием окружающей среды. В монографии детально рассматривается и проблема двухсторонних межправительственных соглашений (в области охраны окружающей среды). Республика Беларусь в период с 1994 по 2000 г. подписала такие соглашения с Латвией, Российской Федерацией, Украиной, Польшей, Молдавией, Литвой, Болгарией.

В качестве пожелания автору, по нашему мнению, следует определить круг вопросов, решение которых должно осуществляться при участии населения, например, опубликование проектов соответствующих законов с их последующим обсуждением в СМИ. В этой связи нельзя не упомянуть, что еще в конце 80-х гг. в аппарате ЦК КПСС при участии автора был разработан проект союзного закона на эту тему, который, к сожалению, не был принят. В монографии можно было, пусть кратко, определить формы гласности, периодичность информации, порядок реагирования на сообщения и т. д.

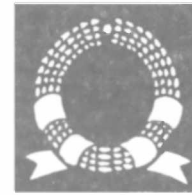
Весьма широкий спектр проблем, рассмотренных в монографии, разумеется, не исчерпывает темы. Управление в области охраны окружающей среды затрагивает и другие важные аспекты современного бытия, требует дальнейшего исследования.

Книгу С.А. Балашенко с большим интересом прочтут работники органов власти и управления всех уровней, она окажет большую помощь студентам, аспирантам, преподавателям вузов, научным сотрудникам.

Рецензируемая монография является значительным вкладом в науку об экологии.

Доктор исторических наук, профессор
А.Т. Лейзеров

Нашы юбіляры

ІОСИФ АЛЯКСАНДРАВІЧ ЮХО

19 сакавіка споўнілася 80 гадоў доктару юрыдычных навук, прафесару кафедры дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Іосіфу Аляксандравічу Юхо.

І.А. Юхо нарадзіўся ў 1921 г. у Мінску. Пасля заканчэння сярэдняй школы ў 1938 г. ён паступае ў Беларускі політэхнічны інстытут, аднак у 1939 г. быў прызваны ў армію. Пачаў вайну камандзірам узвода артылерыйскага палка супрацьтанкавай абароны пад Масквой, дзе і быў упершыню цяжка паранены. Скончыў вайну ва Усходняй Гірусіі. У студзені 1946 г. І.А. Юхо вяртаецца дамоў і паступае ў Мінскі юрыдычны інстытут, пасля заканчэння якога з 1949 па 1951 г. ён працуе народным суддзёй у Мінску.

З 1952 па 1954 г. І.А. Юхо вучыўся ў аспірантуры інстытута філасофіі і права АН БССР. Пасля абароны кандыдацкай дысертацыі ў 1954 г. на тэму "Устанаўленне Савецкай улады ў Заходняй Беларусі" застаецца працаваць у інстытуце малодшым навуковым супрацоўнікам.

З 1956 г. І.А. Юхо – дацэнт юрыдычнага факультэта Беларускага ўніверсітэта. З 1961 па 1964 г. ён адначасова працуе намеснікам старшыні Юрыдычнай Камісіі пры Савеце Міністраў БССР, удзельнічае ў падрыхтоўцы Грамадзянска-працэсуальнага кодэкса і шэрага іншых заканадаўчых актаў.

І.А. Юхо – выдатны педагог і настаўнік моладзі. У 1963 г. ён распрацоўвае і пачынае чытаць курс па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Галоўным у вучэбна-выхаваўчай рабоце Іосіфа Аляксандравіча лічыць неабходнасць прабудзіць цікавасць да гісторыі ўласнага народа, імкненне да самастойнага мыслення і актыўнай жыццёвай пазіцыі. Яго лекцыям уласцівы арыгнальныя погляды, навуковая глыбіня і прастата выкладання матэрыялу. Ён актыўны прыхільнік філасофскіх поглядаў Л. Талстога, творчасць якога уваходзіць у кола навуковых даследаванняў. Вялікую увагу надае І.А. Юхо падрыхтоўцы маладых навуковых кадраў. Пад яго кіраўніцтвам абаронены дзве доктарскія дысертацыі і каля дзесяці кандыдацкіх.

У 1980 г. І.А. Юхо абараняе доктарскую дысертацыю на тэму "Грамадска-палітычны лад і права Беларусі ў XVI ст." і з 1981 г. становіцца прафесарам кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. Ён унёс істотны ўклад у развіццё гісторыка-прававой навукі. Даследаваў праблемы ўтварэння беларускай дзяржаўнасці, грамадска-палітычны лад і правы старажытных беларускіх княстваў, Вялікага княства Літоўскага, становішча ўсіх пластоў насельніцтва, прававыя погляды беларускіх мысліцеляў і г. д. Надрукаваў больш за 200 навуковых прац: манаграфій, навуковых артыкулаў, каментарыяў, рэцэнзій. Сярод іх такія работы, якія выкарыстоўваюцца ў якасці навучальных дапаможнікаў ("Крыніцы беларуска-літоўскага права"; "Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі"; "Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі" і інш.).

Толькі ў апошнія тры гады ім было апублікавана больш за дзесяць навуковых прац, у тым ліку ў сааўтарстве: "Гісторыя дзяржавы і права Беларусі" (1917–1945 гг.), "Істория юридической науки Беларуси", "Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права".

У навуковых працах І.А. Юхо выказаў і абгрунтаваў цікавыя, арыгнальныя думкі, якія паспрыялі актывізацыі навуковых даследаванняў. Так, упершыню ён выказаў гіпотэзу аб непасрэдным удзеле Ф. Скарыны ў падрыхтоўцы першага зводу законаў Вялікага княства Літоўскага – Статута 1529 г. Аналіз заканадаўства ВКЛ даў яму падставы для вывадаў аб параўнальна высокай прававой культуры Беларусі XVI ст., аб выкарыстанні дасягненняў агульнаеўрапейскай юрыспрудэнцыі, перш за ўсё ідэй аб вяршыньстве закону, адзінстве права на ўсёй тэрыторыі дзяржавы. Прафесар І.А. Юхо выказаў свае пазіцыі адносна вельмі старажытнага паходжання дзяржаўнасці на Беларусі, аб праблемах фарміравання тэрыторыі беларусаў, аб этнічна-беларускім характары ВКЛ, аб уплыве уніі з Польшчай на ўсю далейшую гісторыю Беларусі і г. д. Усе гэтыя думкі і меркаванні ствараюць падставы для далейшага развіцця беларускай гісторыка-прававой навукі.

За баявыя і працоўныя заслугі Іосіф Аляксандравіч Юхо ўзнагароджаны ордэнамі Чырвонай Звязды, Айчынай вайны I ступені, медалём Францыска Скарыны і інш. Ён з'яўляецца лаўрэатам прэміі імя У.і. Пічэты.

Свае 80-годдзе Іосіф Аляксандравіч сустракае поўны жыццёвай энергіі і творчых задумак. Пажадаем жа яму добрага здароўя, далейшых творчых поспехаў у навуковай і педагогічнай дзейнасці і асабістага шчасця.

Прафесар Г.І. Доунар, дацэнт В.Н. Сатолін

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ ДАВЫДЕНКО

Исполнилось 60 лет известному ученому-экономисту, доктору экономических наук, профессору Леониду Николаевичу Давыденко.

Л.Н. Давыденко родился 3 января 1941 г. в деревне Золотомине Кормянского района Гомельской области. После окончания семилетней сельской школы в 1956 г. поступает в Минский финансовый техникум, который с отличием оканчивает по специальности финансист. В 1959–1960 гг. Леонид Николаевич работает экономистом Пружанского райфинотдела Брестской области; 1960–1964 гг. – военный моряк Черноморского флота; 1965–1966 гг. – заведующий организационным отделом Астраханского ГК ВЛКСМ; в 1972 г. с отличием оканчивает Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина по специальности экономист-преподаватель политической экономики; 1975–1976 гг. – преподаватель кафедры политэкономии БГУ; 1976–1983 гг. – лектор Минского ОК КПБ, инструктор отдела науки и учебных заведений ЦК КПБ; 1984–1987 гг. – проректор по вечернему и заочному обучению БГУ; 1987–1991 гг. – заведующий кафедрой политэкономии Минской высшей партийной школы, заведующий кафедрой экономической теории и политики Института политологии и социального управления КПБ; 1991–1997 гг. – заведующий кафедрой экономических наук Белгосуниверситета; 1997–2000 гг. – главный советник группы советников премьер-министра Республики Беларусь; с 2000 г. – заведующий кафедрой экономической теории и экономического воспитания Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Научная деятельность профессора Л.Н. Давыденко посвящена изучению сложных экономических процессов в системе хозяйствования Республики Беларусь и в международной экономике. Он исследовал многообразные формы, методы и пути перехода к рыночным отношениям, обосновал необходимость реорганизации экономических основ участия человека в производстве, сформулировал экономический статус ассоциированного работника-собственника, а также меры государственного регулирования социальной и правовой защиты работников государственных предприятий, фермеров, предпринимателей, выявил объективные тенденции современного экономического развития и их влияние на форму и методы государственного воздействия на экономику Республики Беларусь.

Л.Н. Давыденко уделяет внимание изучению инновационных процессов в народном хозяйстве нашей страны, изысканию экономических возможностей развития инвестиционных проектов. Им установлена закономерная взаимосвязь между реализацией инновационных проектов и организационно-экономическими механизмами инвестирования, предложены методы системного анализа в исследовании инновационных проектов, а также критерии оценки влияния факторов риска на предпринимательские проекты.

В 1975 г. Леонид Николаевич защищает кандидатскую диссертацию, а в 1989 г. – докторскую; в 1990 г. ему присвоено звание профессора.

Под научным руководством Л.Н. Давыденко подготовлено и защищено 10 кандидатских и 3 докторские диссертации. Им опубликовано свыше 160 научных работ.

Научно-педагогическая деятельность Л.Н. Давыденко направлена на подготовку экономистов-преподавателей высшей квалификации, а также экономистов-исследователей. Им разработаны оригинальные лекционные курсы по экономической теории, международным основам предпринимательства, методике преподавания экономики, подготовлен ряд учебных пособий, рекомендаций по курсу экономической теории.

Л.Н. Давыденко являлся членом экспертного совета ВАК СССР по экономической теории, мировой экономике и специальным экономическим наукам, ВАК Республики Беларусь. Он – член экспертного совета Фонда фундаментальных исследований, совета анализа проектов фундаментальных НИР по экономике, представленных на конкурс в Минобразования РБ.

За трудовые достижения Л.Н. Давыденко награжден медалями СССР "За трудовое отличие" и "За трудовую доблесть". Педагогическая и научная деятельность Леонида Николаевича отмечена знаком "Отличник образования Республики Беларусь", многими грамотами Министерства образования, Белгосуниверситета и других организаций.

Свое 60-летие профессор Л.Н. Давыденко встречает в расцвете творческих сил. Коллеги и друзья сердечно поздравляют Леонида Николаевича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья и успехов в решении экономических проблем на благо нашей Родины.

Доктор экономических наук В.Л. Ключня

ПАКАЗАЛЬНІК
артыкулау, апублікаваных у 2000 г.

ІМЁНЫ У ГІСТОРЫІ УНІВЕРСІТЭТА

Яноўскі А.А., Зельскі А.Г. Ананій іванавіч Дзякаў.....	2	3
Яноўскі А.А., Зельскі А.Г. Рэктар БДУ Парфен Пятровіч Савіцкі.....	3	3

ГІСТОРЫЯ

Александрович С.С. Использование Александром Македонским полиоркетки для завоевания ионийских городов.....	1	19
Багдановіч А.Б. Тэндэнцыі этнакультурнага развіцця беларусаў у сярэднявекі.....	3	28
Беспрозванный В.В. Некоторые аспекты преемственности традиций в подготовке офицеров запаса на военной кафедре БГУ.....	3	31
Вонсовіч Л.В. Королевская власть в Германии в период существования системы территориальных княжеств.....	2	28
Еутухоў І.А. Адлюстраванне познеантычнага менталітэту у перапісцы Сімаха і Петронія Проба.....	1	16
Еутухоў І.А. Адлюстраванне познеантычнага менталітэту у перапісцы Сімаха і Прэтакстата.....	2	31
Зельскі А.Г. Некоторые аспекты битвы на рацэ Амняён у крыніцах і гістарыяграфіі.....	2	19
Килбас А.А. Традиции воспитания и образования в среде привилегированного сословия на территории Беларуси в XIV–XVI вв.	1	7
Козік Л.А. Внешняя политика Польши в конце 80–90-х гг.	2	15
Красноў М.І. Маральны ідэал магната XVIII ст. у рэальным жыцці.....	2	12
Левшэвіч А.А. Румыно-французские культурные связи (1829–1845 гг.).....	3	18
Лойка П.А. Сфера палітычных інтарэсаў шляхты беларускіх зямель у апошняй трэці XV. – першай трэці XVII ст.	1	3
Меньковский В.И. Англо-американская историография сталинизма. Период становления.....	1	23
Перзашкевіч О.В. К вопросу о даэсью как социальной структуре ригведийского общества.....	2	24
Рэвэка К.А. Выкарыстанне слану у Ганібалавай вайне (218–201 гг. да н. э.).....	3	14
Сяховіч В.А. Далучэнне ўніятаў Мінскай губерні да праваслаўя у 1794–1795 гг.	3	11
Ходзін С.М. Мемуарная літаратура па гісторыі Беларусі навішага часу.....	1	11
Янушэвіч І.І. Политика государственных органов по отношению к церкви и религиозным организациям 1922–1927 гг. (на материалах Беларуси).....	3	22

ФІЛАСОФІЯ

Анохина В.В. Проблема экологической эффективности европейской культуры и эталонный тип личности.....	1	38
Белоус И.А. Проблема преодоления аналитической традиции в американском неопрагматизме.....	3	41
Ероўенка В.А., Михайлова Н.В. Философия науки Карла Поппера в культурном контексте эволюции абстрактной математики.....	1	29
Марченкова Е.Е. Инновации и культурные традиции в контексте социальной модернизации.....	2	35
Шуман А.Н. Диалектическая логика Гегеля как исчисление имен и как общий метод философии.....	3	35

ПСІХАЛОГІЯ

Агеевкова Е.К. Применение методов психической саморегуляции в практике психокоррекционной работы с больными сердечно-сосудистыми заболеваниями.....	2	41
Богдановіч С.С., Данилевич В.В., Сагайдак Д.И. Мотивация деятельности: алгоритм исследования и аппаратная методика.....	1	55
Сагайдак Д.И. О психофизиологическом базисе профессиональной результативности.....	2	44
Сагайдак С.С. Структурно-динамическая основа мотивации деятельности.....	3	46
Фролова Ю.Г. Самоконтроль и здоровье человека.....	1	50
Харін С.С. К обоснованию конструкта "онтопсихологические отношения".....	1	46

ПАЛІТАЛОГІЯ

Астапенка А.У. Асаблівасці нацыяналізму у еўрапейскім кантэксце	3	52
Ляховіч-Петракова Н.В. Политическая элита как развивающееся явление	2	48
Паречина С.Г. Влияние президента на деятельность исполнительной власти: сравнительный анализ	3	59
Потапейко П.О. Генезис ирландско-ольстерской проблемы в XII–XVIII вв.	3	64
Сморцёк И.А. Механизм политического выбора избирателя в современном демократическом обществе	1	61
Стаценко О.А. Интеллигенция и власть	3	49
Часноўскі М.Э. Веймарскі трохвугольнік: эвалюцыя фармату, ролі і раўнаважасці.	1	66
Часноўскі М.Э. Этапы сістэмных пераўтварэнняў у Рэспубліцы Польшча (1989–1999 гг.)	2	54

ЭКАНОМІКА

Бураков В.В. Рыночный риск в банковском деле: понятие и характеристика	2	82
Вертинская Т.С., Козловская Л.В. Приграничное сотрудничество Республики Беларусь: экономическое содержание механизма регулирования	1	72
Волосач В.Ф. Денежно-кредитная политика в переходной экономике	3	70
Гнатюк С.Н. Некоторые аспекты внедрения науки в процесс производства	3	83
Зеленкевич М.Л., Костина Т.А. Стратегическое планирование – фактор повышения конкурентоспособности коммерческих банков	2	61
Клюня В.Л., Сильванович В.И. Ценовое регулирование агропромышленных монополий	1	80
Корбут Н.П. Актуальные вопросы социальной направленности бюджетной политики государства	2	71
Корзюк А.В. Краткосрочное прогнозирование объема производства и инфляции в зависимости от роста совокупной рублевой денежной массы и уровня инвестиций	3	75
Королева Н.В. Домашнее хозяйство в системе денежно-кредитных отношений	3	79
Новикова И.В., Коротков А.В. Глобализация и приватизация	2	66
Раковец А.А. Республика Беларусь в системе мирового экспортного рынка	2	78
Хорошун К.Н., Хорошун Т.К. Введение евро и его последствия	1	76

ПРАВА

Булавко Ю.В. Защита прав граждан Республики Беларусь за рубежом	2	88
Горнак И.А. Правовые аспекты военного строительства в Республике Беларусь	1	91
Жарский А.В. Понятие оговорки к международным договорам и ее отличие от иных односторонних заявлений	3	97
Змушко В.Н. Понятие профилактики правонарушений нанимателями законодательства о труде при формировании рыночной экономики	2	97
Марчук В.В. Развитие законодательства Беларуси в сфере уголовно-правового обеспечения исполнения обвинительного приговора	1	85
Постовалова Т.А. Понятие «пособия по временной нетрудоспособности»	2	101
Рубис А.С. Формирование и развитие понятия функций прокурора в период 1864–1917 гг.	3	90
Тузов Д.Л. Перемена лиц в обязательствах: законодательство совершенствуется, вопросы остаются	2	92
Щукин А.В. Вопросы реализации международной ответственности государств	2	104

РЭЦЭНЗІІ

Бровка Ю.П., В.А. Круталевич. История Беларуси: Становление национальной державности/1917–1922 гг. / (3-я стр. обл.)	3	105
Казачко Ю.Л. М.Э. Часноўскі. Сістэмныя пераўтварэнні у Рэспубліцы Польшча (1989–1999)	3	104
Лягчылін А.А., В.Ф. Шалькевіч. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: Навучальны дапаможнік	2	111
Новикова И.В., В.Л. Клюня. Агропромышленный комплекс в условиях переходной экономики	3	103
Яноўскі А.А., Кахановскі А.Г., А.М. Сарокін. На ростанях айчынай гісторыі. Беларуская вёска: ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гг.)	2	110

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию представляется оригинал статьи, набранный на компьютере через 1,5 интервала на бумаге формата А4 с полями с левой стороны не уже 40 мм в редакторе Word (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman, интервал 1,5), и дискета 3,5" с ее файлом (название файла – по фамилии автора). Объем статьи не должен превышать 8 страниц текста (включая таблицы, литературу, не более 3 рисунков или фотографий); кратких сообщений – 3 страницы текста (2 рисунка).

2. Простые формулы и буквенные обозначения величин нужно вставлять, используя Symbol (Ω) (например, Σ , A^1 , β_k , $^{\circ}\text{C}$...). Сложные формулы набираются при помощи редактора формул и по ширине не должны превышать 127 мм.

3. Рисунки (графики, схемы), фотографии, таблицы, отсканированные или подготовленные в дополнениях Windows, представляются в двух экземплярах как на бумаге (твердая копия), так и в виде отдельных файлов на дискете в форматах, совместимых с Winword 98. Их размеры не должны быть более 120×220 мм. Следует избегать повторения данных, содержащихся в таблицах и графиках, а также представления численных результатов одновременно в виде таблиц и графиков.

4. Таблицы (обязательно с заголовками) и подписи к рисункам необходимо печатать на отдельных страницах. Места для таблиц и рисунков указываются на полях рукописи. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подрисуночных подписях.

5. Сноски на литературные источники даются в порядке цитирования (упоминания) – порядковый номер сноски пишется в верхнем индексе. Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен следующим образом:

а) для книг – фамилия и инициалы авторов, полное название книги, место и год издания, страница;

б) для журнальных статей (коллективных сборников и др.) – фамилия и инициалы автора, после двух «косяков» – принятое сокращенное название издания, год, том, номер выпуска, страница.

6. К статье прилагаются: рекомендация кафедры, рецензия (отзыв) научного специалиста, сведения об авторе (фамилия, имя и отчество полностью, место работы, ученая степень, звание, адрес, номер служебного и домашнего телефона). Для аспирантов – фамилия и инициалы, ученая степень, звание научного руководителя.

7. В случае передачи статьи автору на доработку необходимо вернуть в редакцию окончательный текст и первоначальный вариант.

8. Корректурa статьи должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через три дня после получения ее автором. В корректуре допускается только исправление фактических ошибок.

9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил, редакцией не принимаются.

Центр
информационных
технологий БГУ
официальный
дистрибьютор
Wolfram Research, Inc.
в Республике Беларусь

MATHEMATICA

*Мировой лидер
в области компьютерных вычислений;
среда для расчетов, которую используют
свыше миллиона пользователей*

**Belarusian Grant Program — система
скидок для образовательных и
государственных научных учреждений
Республики Беларусь**

Mathematica Professional (1 лицензия)

(комплект поставки:

- CD с Mathematica 4 и полной электронной документацией,
- брошюра об основах работы с системой)

— \$100

Mathematica Professional (100 лицензий)

(комплект поставки:

- CD с Mathematica 4 и полной электронной документацией,
- твердая копия документации — около 2000 страниц)

— \$2800

Цены в рамках Belarusian Grant Program действительны также для физических лиц — сотрудников образовательных или государственных научных учреждений Беларуси

**Прикладные
пакеты,
написанные на
встроенном
языке
Mathematica,
расширяют
возможности
системы в
разных
областях**

Название	Цена (USD)*
Control Systems Professional	295
Dynamic Visualizer ^{Win 95/NT}	395
Electrical Engineering	195
Finance Essentials	295
Experimental Data Analyst	295
Fuzzy Logic	295
Mechanical Systems	295
Optica	295
Scientific Astronomer	245
Signal and Systems	295
Structural Mechanics	195
Time Series	295
Technical Trader	295
Wavelet Explorer	295
Analog Insydes	395
Derivatives Expert	695
Geometrica for Windows	375
Global Optimization ^{Win/Mac/In}	595
Industrial Thermics	595
Tensor in Physics	165

* Цены только для учреждений системы образования Республики Беларусь
Цены указаны без учета стоимости пересылки, налогов и таможенных пошлин

220050, Минск, просп. Ф.Скорины, 4, БГУ, Центр информационных технологий
Тел. 2-095-095. Факс 2-265-557. E-mail poznjak@cit.bsu.unibel.by
WWW <http://www.bsu.unibel.by/2310/glowet/glaig.htm>